

ВЕК

ISSN 1994–9065

1(25)

2018

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)

РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротгаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Чумаков А. Н., Стычинский М. С.** Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира 3
- Леонова О. Г.** Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке 15
- Шапкин И. Н.** Корпоративизм или плюрализм? Институциональные модели взаимодействия современного государства и общества 24

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Андреев А. И., Алешковский И. А.** Демографические прогнозы и глобальная интеграция в ближайшей и среднесрочной перспективе 40
- Муза Д. Е.** Постантропологический вектор глобального развития: к логике нелинейной процессуальности 49
- Махаматов Т. Т.** Запад и Восток: генетика духовного пути 60

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Тарко А. М.** Двадцать шесть лет развития: чего добились страны СССР и Варшавского договора 68
- Дробот Г. А.** США как мировой лидер: реалии, теории, перспективы 83

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Глебов В. В., Озиев М. А.** Экологический образ окружающего мира в сознании учащейся молодежи 95
- Ракитянский Н. М.** Великобритания как суперсубъект глобальной политики в пространстве ментальных исследований 100
- Попкова Н. В.** Место техники в эволюционной картине мира: философские концепции и практические выводы 112
- Плещенко В. И.** Социально-экономические феномены прошлого в условиях перехода к экономике знаний 124

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

- Залиханов М. Ч., Степанов С. А.** Академик Н. Н. Моисеев и некоторые его методологические подходы к пониманию современной научной картины мира 131
- Contents* 143

ТЕОРИЯ

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Чумаков А. Н., Стычинский М. С.*

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного мира, анализируются наиболее оптимальные возможности их решения. Утверждается, что в условиях жесткого противостояния различных общественных систем и государств, обладающих ядерным оружием, единственно возможным способом разрешения противоречий на международном уровне является диалог. При этом результативным такой диалог может быть только на культурно-цивилизационной основе при наличии соответствующего фона общего опыта, а также признания и соблюдения общих для всех этических и правовых норм. Особое значение в решении общечеловеческих проблем придается гуманитарной сфере.

Ключевые слова: культура, цивилизация, диалог, глобализация, глобальный мир, коммуникация, общество, мировые проблемы, социальные системы.

The article deals with urgent problems of the modern world and analyzes the most optimal opportunities for their solution. It is alleged that in the face of tough confrontation between various regimes and states, including those with weapons of mass destruction, the only possible way to resolve conflicts at the international level via a dialogue. At the same time, such a dialogue can be effective only on a cultural-civilizational basis, provided there is a sufficient background of common experience, as well as the recognition of ethical and legal norms common to all. The humanitarian sphere is of particular importance in solving common human problems.

Keywords: culture, civilization, dialogue, globalization, global world, communication, society, world problems, social systems.

Отличительной чертой современного мира является то, что глобальные процессы в социальной сфере стали многоаспектными, а уровень напряженности в международных отношениях имеет тенденцию к усилению и обострению. И дело не только в том, что теперь наряду с экономикой и политикой многоаспектной глобализацией в полной мере охвачены практически все сферы общественной

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, в. н. с. Института философии РАН. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

Стычинский Максим Сергеевич – м. н. с. Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва). E-mail: stichinsky@gmail.com.

жизни, но и в том, что при нарастании транснациональных связей и всеобщей взаимозависимости регулирование общественных отношений на международном уровне (при полном отсутствии возможностей управления ими) сталкивается с принципиальными препятствиями, а именно – отсутствием всеобщих моральных и правовых регуляторов. Таким образом, глобальное и локальное оказываются тесно переплетенными, что непосредственно затрагивает как материальную, так и духовную культуру, а также область общественных и межличностных отношений, которые еще с эпохи Просвещения именуется цивилизованностью. Иначе говоря, глобализация теперь самым тесным образом связана с культурной и цивилизационной составляющей общественной жизни, тогда как последние являются взаимодополняющими характеристиками любой социальной системы и в реальных отношениях людей выступают, по сути, как две стороны одной медали.

Изменения, вызываемые глобализацией в культуре, непосредственным образом связаны с цивилизационным развитием. При этом важно подчеркнуть, что история становления глобальной цивилизации, как и динамика осознания цивилизационного единства, опосредована формированием мирового сообщества в качестве целостной системы и коррелируется с определенными этапами глобализации. Это касается не только временных параметров, когда и глобализация, и единая цивилизация заявляют о себе практически параллельно, но и содержательных, выражающихся в том, что и симптомы глобализации, и общецивилизационные признаки самым непосредственным образом взаимообуславливают друг друга, развиваются бок о бок и проявляются также практически всегда вместе. При этом глобализация, идущая от центров экономической, политической и научно-технической активности, охватывает вначале определенные регионы, а в конечном счете все страны и народы, втягивая в свою орбиту различные сферы их жизни и порождая таким образом круговорот мировых событий. Иными словами, глобальная цивилизация, исподволь проявляясь, как бы вызревает, прорастает из недр культуры в каждом отдельном сообществе людей – в одних быстрее, в других медленнее, но обязательно под действием прежде всего внутренних причин.

Вполне очевидно, что становление глобальной цивилизации непосредственно сопряжено с планетарными социальными процессами и обусловлено глобализацией, которая делает всех людей земного шара жителями одной большой «коммунальной квартиры», имя которой – планета Земля. Глобальная же цивилизация задает всем жителям этой «квартиры» общие для всех принципы общежития, нормы и правила поведения, выравнивая при этом до известной степени технологические параметры жизнедеятельности людей в различных уголках планеты. Иначе говоря, глобализация выступает как *процесс* формирования целостной общественной системы в масштабах всей планеты, тогда как глобальная цивилизация выражает ее *состояние и характер связей* отдельных элементов этой системы.

Наиболее характерным следствием протекания процессов глобализации в масштабах всего человечества стало появление так называемых глобальных проблем, касающихся всех членов глобального сообщества без исключения. Как правило, к ним относят: экологические, продовольственные, сырьевые, энергетические, проблемы перенаселения, наличие ядерного потенциала ведущих стран и т. п. Во многом само их появление является свидетельством оформления человечества в качестве целостной взаимосвязанной системы, единого субъекта, действующего теперь уже не только в локальных и региональных, но и в глобальных

масштабах, когда локальным сообществам соответствуют локальные проблемы, региональным – региональные, а глобальному обществу – глобальные проблемы. Пользуясь концепцией «вызова-ответа» А. Тойнби [2002], можно сказать, что перед человечеством XXI в. стоит основная задача – дать ответ глобальным проблемам современности.

Однако, несмотря на наличие процессов формирования единой человеческой системы по форме, она тем не менее пока еще далека от единства по своему содержанию, что является следствием состояния поликультурности. И в самом деле, культурные различия играют первостепенную роль в процессах установления межкультурных контактов, что, в свою очередь, является основной причиной существования различного рода противоречий и конфликтов на глобальном уровне. В качестве объективных причин необходимости поиска решения и устранения межкультурных антагонизмов выступают: замкнутость пространства в масштабах планеты, когда Земля является для всех нас общим домом, наличие средств массового поражения, а также общее повышение уровня взаимозависимости отдельных культурно-цивилизационных систем как друг от друга, так и от мирового сообщества в целом. Таким образом, локальное, замкнутое существование в глобальном мире становится крайне затруднительным и невыгодным, а то и вовсе ущербным, если смотреть на это с точки зрения национально-государственных интересов. В данных условиях поиск и разработка новых коммуникативных форм для взаимодействия в глобальном мире становится неизбежным следствием на пути к устранению существующих противоречий, имеющих в своей основе культурную подоплеку.

Рассматривая далее межкультурное взаимодействие, будем иметь в виду то обстоятельство, что современное мировое сообщество представлено различными культурно-цивилизационными системами. При этом цивилизационная составляющая таких систем есть не что иное, как фрагмент, неотъемлемая часть культурного контекста того или иного социума, которая выражает определенный тип отношений в обществе, когда основу таких отношений составляют: основные права человека, разделение властей, верховенство правовых норм и равенство всех перед законом. Иными словами, цивилизованность – это культура отношений и поведения в обществе как индивидов, так и отдельных субъектов на всех уровнях, от локальных, местных, частных до международных и общечеловеческих.

В этой связи следует заметить, что понимаемое таким образом межкультурное взаимодействие сопровождается человечеством практически на всем протяжении его существования, однако интенсивность различного рода межкультурных контактов по мере становления мировой общественной системы постепенно увеличивалась, достигнув в эпоху глобализации своего максимума. Поскольку культуры представляют собой относительно закрытые для внешнего влияния структуры (что диктуется прежде всего целями сохранения их целостности и единства), какие-либо культурные заимствования и уж тем более трансформации (пусть даже и незначительные) удастся обнаружить не сразу, а лишь спустя определенный временной промежуток. Наиболее характерным примером культурных заимствований может служить наличие в языке иностранных слов, поскольку язык играет большое значение в качестве структурообразующего элемента культуры. Однако если провести глобальное деление культур, например по их конфессиональному основанию (прежде всего по мировым религиям), то обнаружится, что количество

заимствований из культур, принадлежащих к одной конфессии, будет преобладать над количеством заимствований из культур, принадлежащих к другой. Показательными в этом отношении являются Крестовые походы, результаты культурных заимствований которых, в отличие от цивилизационных, были весьма незначительными [Ле Гофф 2007: 400].

Начиная с середины XX в., когда проблематика межкультурного взаимодействия начала актуализироваться и обретать свои формы в качестве нового объекта для анализа на стыке различных наук, а также благодаря проведению в глобальных масштабах политики мультикультурализма все активнее звучат предложения о необходимости установления межкультурного диалога. Конструктивный диалог, учитывающий культурные различия и цивилизационное единство разных стран и народов, в этой ситуации является, казалось бы, наиболее оптимальным средством решения многочисленных проблем [Чумаков 2015: 35–47]. Однако для начала необходимо определиться с содержанием понятия «диалог», которое мы будем использовать в нашем разговоре, поскольку в обыденном языке оно имеет весьма размытые границы и употребляется в зависимости от контекста порой достаточно свободно. В этой связи следует подчеркнуть, что определение его смыслового наполнения позволяет посмотреть на ситуацию межкультурного взаимодействия с разных точек зрения.

Так, в энциклопедии «Глобалистика» поясняется этимология понятия «диалог», в соответствии с которой данный термин состоит из приставки *dia*, что означает «через», «посредством», «с помощью», и корня *logos* – «речь», «слово», «суждение» [Глобалистика 2003: 307–309]. В буквальном смысле слова «диалог» означает способ передачи информации – «через слово», «посредством речи». Важно также понимать, что в конструкции слова «диалог» (от греческого «dialogos» – беседа, разговор) используется приставка *dia-*, но не *di-* (обозначающая удвоение, двойственность), поэтому под диалогом неправильно понимать беседу исключительно двух субъектов; в данном случае количественная составляющая не имеет принципиального значения. Под диалогом, таким образом, следует понимать акт коммуникации двух и более субъектов (в нашем случае – носителей различных культур), поскольку «культуры сами по себе не взаимодействуют, не вступают в диалог. Это могут делать только люди, принадлежащие к той или иной культуре» [Гусейнов 2011: 62]. При этом выстраивается такой диалог на культурно-цивилизационной основе, а ключевую роль в его эффективности играют фон общего опыта взаимодействующих субъектов и единые нормы и принципы цивилизационных отношений.

В силу того, что принципиального различия между понятиями «диалог» и «коммуникация», как правило, не делается, а в справочной литературе они нередко используются в качестве синонимов, следует обратить особое внимание на содержание понятия «диалог». Обобщенную, но достаточно емкую интерпретацию данного понятия дает Н. Ф. Бучило, которая, в частности, пишет: «Диалог – это способ взаимодействия сознаний, так или иначе материализованных в культурной предметности» [Бучило 2003: 309] и далее уточняет: «Культурная предметность включает в себя все результаты материального и духовного производства» [Там же]. Таким образом, под диалогом здесь понимается не только сам акт вербальной коммуникации, но и взаимодействие на уровне произведений той или иной культуры. Отсюда, погружаясь в реалии современного глобального мира

и всеобщей взаимозависимости, можно говорить о различных моделях культурно-цивилизационного диалога. Это может быть ситуация, замыкающаяся, в частности, не только на конкретные личности, но и на те или иные субъекты, представленные вполне определенными сообществами людей. При этом если во втором случае следует говорить о безличных тенденциях общественных отношений, то в случае межличностного общения диалог осуществляется, как правило: 1) при личном очном контакте; 2) при личном заочном контакте; 3) опосредованно, например через произведения культуры.

С этой точки зрения наиболее болезненно проходит очный диалог между представителями различных культур, поскольку в нем так или иначе оказывается задействованным целый комплекс культурно обусловленных идентификационных индикаторов, зачастую выступающих в качестве факторов, в значительной степени обособляющих собеседников. В качестве последних могут выступать языковые, конфессиональные, политические, мировоззренческие и другие характерные черты и особенности взаимодействующих субъектов. Учитывая ситуацию смешения представителей различных культур в ходе процессов глобализации, в частности в результате трудовой, политической и иных форм миграций людей по всему миру, а также принимая во внимание проводимую долгие годы многими странами политику мультикультурализма, которая во многом привела к усугублению и без того напряженной межкультурной ситуации в сфере международного взаимодействия, проблема выстраивания диалога становится одной из наиболее актуальных проблем современности.

Действительно, если ранее, до начала процессов активного взаимодействия культур, межкультурные контакты были по большей части локальными и имели скорее эпизодический характер с возможностью возврата контактирующих культур к своему исходному состоянию, то в результате проводимой политики мультикультурализма, допускающей сохранение иммигрантами своих культур в неизменном виде независимо от мест их фактического проживания, возникает все больше ситуаций вынужденного сосуществования различных сообществ людей в условиях поликультурности. Все это требует от участников межкультурной коммуникации высокой степени сознательности и понимания наличия множества разделяющих культуры оснований, что, в свою очередь, невозможно без осознанного стремления к установлению межкультурного, а точнее – культурно-цивилизационного диалога.

Развитие средств массовой коммуникации – от телеграфа и телефона до спутниковой связи и появления глобальной сети Интернет, опутавшей теперь весь мир, – привело к ситуации уменьшения психологически воспринимаемых размеров мирового пространства, получившего название «глобальная деревня» [Маклюэн 2004: 432]. В этих условиях увеличение коммуникативных актов между представителями различных культур возросло многократно. В отличие от первоначальных межличностных вербальных форм диалога данный вариант коммуникации содержит в себе меньший конфликтный потенциал, поскольку в нем, как правило, отсутствует очный контакт между собеседниками. В этом отношении важно отметить, что современные технологии, в частности в аспекте увеличения пропускной способности каналов передачи информации в онлайн-режиме, постепенно ведут к устранению и этого барьера. Если изначально сообщения передавались в текстовом формате, затем появилась возможность устанавливать аудио-

контакт не только на междугородном, но и на международном уровне, то уже сейчас развитие технологий позволяет совершать видеозвонки, все больше приближаясь к достижению эффекта личного присутствия собеседника. В силу того, что технические средства коммуникации являются следствием развития и распространения в глобальных масштабах достижений мировой цивилизации, в данном типе коммуникации в большей степени преобладают универсализирующие межкультурное общение тенденции.

Еще один тип межкультурного диалога представляет собой процесс репрезентации различного рода произведений культуры – от музыкальных произведений до архитектурных стилей и кинопроизводства. Все, что создается творчеством того или иного человека и несет на себе следы соответствующей культуры, носителем которой является данный субъект. В условиях все большей доступности транспортной инфраструктуры в глобальных масштабах для широких масс населения открываются все новые и новые возможные знакомства с другими культурами. Отдельное место в данном процессе занимает также развитие информационной среды, прежде всего в медиасфере и области интернет-технологий. Таким образом, ввиду наличия множества средств передачи информации по аудиовизуальным каналам значительно возрастают возможности влиять на сознание людей и характер диалога между ними, независимо от их места жительства, национальной, этнической, культурной принадлежности и т. п. При этом такого рода заочные контакты представляются наименее конфликтными, поскольку, как правило, происходят на добровольной основе: человек может в любой момент отказаться от взаимного общения или знакомства с произведениями другой культуры путем выключения канала связи, будь то радио, телевизор, интернет-ресурс и т. п.

Отмеченные типы межкультурного взаимодействия представляют собой своего рода идеальные системы, в то время как на практике зачастую трудно выделить какую-либо одну из них. Действительно, в современную эпоху информатизации, распространения персональных гаджетов, позволяющих устанавливать контакт практически с любым человеком независимо от места его расположения, межкультурная коммуникация происходит сразу по нескольким направлениям. Все это ведет к увеличению скорости и объемов передачи информации за единичный коммуникативный акт, что, в свою очередь, не может не сказываться на качестве и характере межкультурного общения.

Выделив основные типы межкультурного диалога, отметим теперь обязательные для его установления условия. Одним из главных камней преткновения в этом отношении являются языковые отличия и, как следствие, различия целых мировоззренческих систем. И в самом деле, без общего языка общения диалог в своем исходном значении «посредством речи» не может реализовываться в принципе, поэтому столь важную роль в глобальном мире играет английский язык, вышедший на первое место в мире в качестве основного языка международного общения [Проблемы... 2016]. Вторым необходимым условием диалога является признание за другими культурами права на самобытность и собственный путь развития. В этом отношении трудно не согласиться с Н. Ф. Бучило, которая отмечает, что «эффективность диалога определяется степенью взаимопонимания его участников. Важнейшими условиями взаимопонимания являются не только владение специфическим языком культуры, но и соответствующие установки, пред-

полагающие толерантность, уважительное отношение к ценностям другой культуры» [Бучило 2003: 309].

Помимо единого языка общения важным условием конструктивного диалога является также наличие единой ценностно-мировоззренческой платформы, на базе которой осуществляется взаимодействие. Рассуждая на эту тему, отечественный философ В. С. Степин, в частности, отмечает: «Чтобы продвинуться в этом направлении, нужно первоначально определить то общее, что может стать основой взаимопонимания культур» [Степин 2011: 10]. Далее он выделяет два возможных пути формирования такого рода общекультурного основания: с одной стороны, речь может идти о поиске и актуализации общечеловеческого в различных культурах (хотя «общечеловеческое» может значительно отличаться от культуры к культуре), с другой – о формировании новых универсальных для различных культур ценностных комплексов через так называемые «точки роста новых ценностей», под которыми подразумеваются «такие состояния культуры, в которых рождаются новые мировоззренческие смыслы» [Там же: 11].

Поскольку обе модели направлены на достижение одного и того же результата, а именно – выстраивание универсального для различных культур ценностного основания, а также учитывая многоаспектность в ходе процессов глобализации, речь, на наш взгляд, может идти об одновременности реализации данных сценариев культурной унификации. Действительно, с одной стороны, во многих вестернизированных культурах уже наличествуют единые общечеловеческие основания, имеющие культурно-цивилизационный характер, а ввиду процессов мировой культурной интеграции неизбежно происходит процесс трансформации некоторых традиционных ценностных основ под некий общий стандарт глобального мира. С другой стороны, при взаимодействии культурно-цивилизационных систем также протекают процессы выработки новых ценностных основ, характерных для постиндустриальных глобальных сообществ. Безусловно, эти процессы протекают с множеством сложностей, поскольку подразумевают реформатирование самих культурных основ, однако для целей установления культурного диалога в этом отношении существуют хорошие перспективы. Перед диалогом культур, таким образом, стоит очень важная задача – «отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов» [Там же: 10].

Анализируя характер межкультурного взаимодействия в истории человечества, можно сказать, что «отношения диалога и конфликта между различными культурами, так же как и между различными структурными элементами и составными частями внутри той или иной конкретной культуры, являются такими же естественными ее атрибутами и даже необходимыми формами ее существования» [Чумаков 2017: 211]. В то же время наличие ядерного потенциала у 9 ядерных государств, а также других средств массового поражения (биологического, химического и иного оружия) ставит перед человечеством проблему поиска иного формата существования в условиях глобального мира. Отдельно необходимо подчеркнуть, что многие очаги конфликтов, долгое время существовавшие в скрытом, тлеющем состоянии, проявились в условиях глобализации. Глобализация не только серьезно обострила противоречия, которые веками и тысячелетиями сопровождали человечество, но и вывела их на качественно иной уро-

вень, превратив некогда региональные проблемы во всемирные [Global... 2014: 229–243].

Несмотря на понимание со стороны многих исследователей, политиков, деятелей культуры объективной необходимости поиска точек межкультурного соприкосновения и установления диалога культур (данное словосочетание все чаще звучит в средствах массовой информации по тому или иному поводу), у некоторых исследователей существуют сомнения и опасения насчет самой возможности установления такого диалога. В частности, российский философ А. А. Гусейнов считает, что возможности установления диалога культур весьма ограничены по причине того, что для многих культур большее значение имеют различия, нежели сходства с другими культурами [Гусейнов 1999: 20].

В этой связи стоит отметить, что вопрос сходства или различия между отдельными социальными системами независимо от их количественной составляющей лежит в области иерархии идентичностей: в том случае, если на первое место выходит потребность в приобщении субъекта к социальной группе, он ищет схожие черты, в противном случае он ищет отличия. Можно сказать, что до настоящего времени при отсутствии осознания общечеловеческой идентичности (которая находится лишь на стадии формирования) по большей части преобладали тенденции, дифференцирующие культуры. Вопрос о том, насколько быстро в планетарном масштабе могло бы наступить осознание необходимости глобальной идентичности, которая сильно упростила бы межкультурный диалог, лежит в сфере повышения уровня цивилизованности каждого индивида и общества в целом; а для этого, в свою очередь, необходимо как минимум активное обсуждение на мировом уровне вопросов развития гражданского общества и формирования институтов демократии.

Таким образом, следует отметить, что поиск точек соприкосновения и выстраивание отношений, способствующих межкультурному диалогу в современном мире, обретают все большее значение, «ибо всеобщая взаимозависимость в глобальном мире такова, что всякие попытки решения международных конфликтов и социальных проблем иным путем, а тем более посредством насилия <...> должны быть исключены» [Чумаков 2017: 210]. Диалог в данном случае не является универсальным способом решения всех глобальных проблем, в том числе вопросов бесконфликтного существования в условиях поликультурности, однако он представляет собой, пожалуй, единственно возможный формат существования в современных реалиях. В этой связи принципиальное значение имеет замечание А. А. Гусейнова, который, в частности, отмечает, что «диалог культур <...> имеет место <...> когда площадка диалога, соединяющая их дело, находится в пространстве между культурами» [Гусейнов 2011: 65]. Иными словами, многие из стоящих перед человечеством проблем, в том числе и в области создания условий для конструктивного диалога, лежат как раз вовне структуры отдельных культур, являясь по своему характеру общечеловеческим «достоянием». Все это дает основание с неким оптимизмом смотреть на возможность установления в глобальном и взаимозависимом мире взаимопонимания между людьми посредством осуществления культурно-цивилизационного диалога.

В глобальном мире именно такой диалог является по существу единственно возможным способом конструктивного разрешения противоречий и важнейшим

фактором обеспечения сбалансированного общественного развития как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных государств. Как отмечает В. И. Толстых, «диалог культур – это встреча и спор-разговор порожденных историей специфически человеческих (“культурных”, “не животных”) способов жизнедеятельности людей, познание и обмен ценностями, идеями и идеалами. Именно в культуре адекватно, предметно и целостно представлены образ мысли-жизни-поведения субъектов социума и цивилизации, наиболее полно и выразительно проступают их общие черты и индивидуальные особенности» [Толстых 2012: 33]. Однако возможности для такого диалога ограничены, поскольку, с одной стороны, подходы, основанные только на «диалоге культур» или только на «диалоге цивилизаций», взятые по отдельности, неэффективны и заранее обречены на неудачу. Они не отражают истинной (культурно-цивилизационной) природы общественной жизни, которая являет собою сплав, единство культурных достижений и цивилизационных отношений общества. С другой стороны, любая культура изначально самодостаточна и стремится к сохранению своей идентичности, вступая, как правило, в противоборство и конфликты с другими культурами.

Именно поэтому все диалоги происходят, как уже отмечалось, не на культурных, а на цивилизационных основаниях, когда культура выступает фоном, андеграундом такого диалога. И чем более высокий уровень цивилизационного развития имеют взаимодействующие стороны, тем более продуктивным может быть диалог. Иными словами, культурно-цивилизационный диалог предполагает признание того, что современный глобальный мир многополярен изначально и по сути другим быть не может. Для обеспечения же эффективности диалога на международном уровне необходимо наличие общих цивилизационных принципов организации общественной жизни, важнейшими из которых являются: признание и соблюдение основных прав человека; создание приемлемой для всех системы этических норм и ценностей (общечеловеческой морали); установление единого правового поля, то есть универсального (глобального) права; обеспечение религиозной толерантности и свободы совести. Как видим, это сфера уже не экономических, а гуманитарных отношений, которая, как правило, игнорируется на крупнейших экономических форумах, где ведется поиск преодоления современных мировых проблем.

И все-таки иной подход, основанный на первостепенном внимании к гуманитарной сфере, все более четко проявляется в странах, где техногенный тип развития не имеет глубоких корней и традиций. Таковыми являются Китай, страны исламского мира, а отчасти и Россия, где глобальный кризис наиболее остро высветил не столько экономические ошибки и технические просчеты отдельных государств и соответствующих мировых структур, сколько проблемы культуры и духовности, недостаток нравственной составляющей на всех уровнях общественного развития в условиях нарастающей глобализации.

При этом от того, как понимается глобализация, во многом зависят стратегия и тактика действий различных сил и субъектов на современной международной арене. Это хорошо показывает, например, китайский философ Ань Цинянь, который в своей статье «Проблемы глобализации в Китае» отмечает, что китайское правительство хотя и выступает за политическую многополярность и культурное

многообразие, тем не менее с «большим уважением относится к экономической глобализации», рассматривая ее как объективную, исторически неизбежную тенденцию, которой бесполезно сопротивляться. «В силу большого влияния практического рационализма, – пишет он, – в Китае не существует распространенного в западных развитых странах движения антиглобализма. Сегодняшние успехи Китая в экономике в значительной степени связаны с тем, что он по-настоящему сумел ухватить и очень эффективно использовать шанс, предоставляемый ему глобализацией» [Ань Цинянь 2005: 147]. В то же время вполне очевидно, что государства, выступающие против глобализации или игнорирующие ее, рискуют оказаться на обочине исторического развития, а то и вовсе в изоляции от мирового сообщества.

Россия, пребывающая между Востоком и Западом, уже в силу революционных событий, свершившихся сто лет тому назад, и последовавших затем глобальных трансформаций мировой архитектуры, стала связующим звеном для многих стран различных континентов и регионов. При этом, оставаясь и теперь ключевым субъектом международных отношений и обладая серьезным духовным потенциалом, она не только не может без серьезного ущерба для себя игнорировать объективные тенденции глобализации, но и не должна удовлетвориться техногенными или сугубо экономическими подходами к решению современных проблем общественного развития.

Хотя глобализация имеет на первый взгляд экономические основания и политическую обусловленность, на самом деле она все больше обнаруживает первичность культуры на глобальном уровне. Именно поэтому воздействие культуры на глобализацию и глобализации на культуру, а также соотношение глобального и локального становится предметом особого внимания для многих ученых, прежде всего широко, гуманитарно мыслящих. Такой взгляд на общественное развитие получает все большее распространение, а для описания данного явления в глобалистике используется специальный термин «глокализация», который образовался путем совмещения слов «глобализация» и «локализация» [Global... 2014: 242]. Он отражает сложный процесс переплетения местных, локальных особенностей культурного развития отдельных народов и глобальных тенденций в развитии мирового сообщества. При этом важно подчеркнуть, что глобальный взгляд на мир вовсе не следует противопоставлять локальным представлениям и частному образу мыслей, что характерно для националистов, антиглобалистов и иных альтернативных движений. Адекватный подход к решению данной проблемы, равно как и взгляд с позиции реализма, заключается в том, что «глобальные и местные представления следует рассматривать как взаимосвязанные, а их особенности, универсальность нужно расценивать как неотделимые друг от друга» [Naoshi Yamawaki 2008: 31].

Однако глобализация культуры, как и процессы глокализации, нередко вызывают серьезное беспокойство у представителей не только малых, но и многочисленных народов, которые опасаются растворения их самобытных культур в новых трендах мирового развития, направленность которым задается наиболее активными и агрессивно развивающимися культурами. В этом также усматривается угроза национальной идентичности и культурному разнообразию, особенно ха-

ракторному, например, для России. Но, как справедливо отмечает М. И. Билалов, «нельзя предпочитать ценности и традиции лишь потому, что они свои; надо находить им опору в поглощающих их родственных и исторически более перспективных народах» [Билалов 2010: 41]. Конечно, это не единственное и не окончательное решение проблемы, но здесь важно определить общие для всех основания культурного развития, без чего единства действий не только в мире, но и в отдельных странах, в том числе и в России, не добиться.

Теперь, когда глобализация стала многоаспектной, то есть охватила практически все сферы общественной жизни мирового сообщества, недооценка этого обстоятельства может обернуться не только серьезными проблемами и потерями, но и новыми потрясениями, сравнимыми с революционными событиями столетней давности. Главный вывод, который следует из уроков истории, состоит в том, что перспективы развития России в условиях многоаспектной глобализации непосредственно связаны с тем, как в ее политике будет обеспечен баланс национального и общечеловеческого, культурного и цивилизационного развития. Это обусловлено тем, что перед вызовами глобализации в более выгодной ситуации оказываются те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре, что, несомненно, сказывается и на уровне развития гражданского общества, и на том, насколько эффективно используются новые технологии общественного управления, именуемые «мягкой силой». Иными словами, будущее закладывается уже сегодня, причем в первую очередь в духовной, гуманитарной сфере [Глобальная... 2010].

Литература

Ань Цинянь. Проблемы глобализации в Китае // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4(36). С. 143–148.

Билалов М. И. Регионализация как альтернатива негативам глобализации // Россия: многообразие культур и глобализация / отв. ред. И. К. Лисеев. М.: Канон+, 2010.

Бучило Н. Ф. Диалог // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М.: Радуга, 2003.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003.

Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М.: Изд-во МГУ, 2010.

Гусейнов А. А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира / сост., ред. В. И. Толстых. М.: Вост. лит-ра РАН, 1999.

Гусейнов А. А. Диалог культур: пределы культурологического анализа // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения. Т. 1. Доклады. СПб.: СПбГУП, 2011.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. М.: Александрия, 2007.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Киев: Ника-Центр, 2004.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016.

Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8–17.

Тойнби А. Дж. Постигение истории. М. : Айрис-Пресс, 2002.

Толстых В. И. Диалог культур в современную эпоху // Диалог культур в условиях глобализации: Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam : Rodopi B.V.; New York, 2014.

Naoshi Yamawaki. The Idea of Glocal Public Philosophy and Cosmopolitanism // XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. July 30 – August 5, 2008 Seoul National University. Seoul, Korea, 2008.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Леонова О. Г.*

Глобализация в XXI в. – объективное явление, которое проявляет себя как сложная комплексная система со множеством нелинейных связей между своими субъектами и объектами. Глобализация новой волны имеет ряд специфических характеристик: расширение границ ареала многополярного мира; рост количества и разнообразия глобальных игроков, в том числе за счет негосударственных акторов; усиление взаимосвязи и взаимозависимости локальных (региональных) и глобальной систем; усиление дезинтеграции и турбулентности глобальных политических процессов.

Данные тенденции привели к появлению негативных последствий развития глобализации, к которым относятся: рост безработицы в развитых странах, растущее неравенство доходов, бюджетный дефицит ряда стран, деградация окружающей среды, кризис глобального управления, нарушение баланса между глобализацией и национальным суверенитетом государства, рост социального дискомфорта, коррупция в системе международных институтов. Эти характеристики не означают процесса деглобализации, но являются симптомом транзита от одной модели глобализации к другой, от моноцентричной структуры мира к полицентричной, что дает основание назвать данную модель «неглобальная глобализация». В центре внимания исследователей глобализации следующие проблемы: защита и протекционизм; экономический рост, торговля, неравенство и бедность; поиск путей устойчивого и инклюзивного развития; политика глобального сотрудничества. Суммарный анализ точек зрения и позиций западных ученых позволяет констатировать: глобализация на Западе рассматривается как объективное явление, которое можно контролировать; создание системы эффективного глобального управления на данный момент считается невозможным; более подробно изучается экономическая глобализация, а политический ее аспект чаще игнорируется; имеется концентрация внимания на негативных сторонах глобализации; неготовность дать ответ на новые вызовы глобализации.

Ключевые слова: глобализация, тенденции, объективное явление, комплексная система, нелинейные связи, специфические характеристики, негативные последствия, проблемы.

Globalization in the twenty-first century is an objective phenomenon that manifests itself as a complex system with many non-linear relations between the subjects and objects. Globalization of the «new wave» has a number of specific characteristics: the expansion of the boundaries of the area of the multipolar world; the growing number and variety of global players, also at the expense of

* Леонова Ольга Георгиевна – д. п. н., доцент, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

non-state actors; strengthening interrelations and interdependence between local (regional) and global systems; strengthening disintegration and turbulence of the global political processes. These trends have led to the emergence of negative consequences of globalization including: increasing unemployment in developed countries, growing income inequality, fiscal deficits of some countries, environmental degradation, the crisis of global governance, the disruption of the balance between globalization and national sovereignty of the state, the growth of social malaise, and corruption in the system of international institutions. These characteristics do not suppose the process of de-globalization, but are a symptom of the transition from one model of globalization to another, from a monocentric structure to a polycentric world, which gives us reason to call this model a «non-global» globalization. The researchers of globalization focus on the following issues: protection and protectionism; economic growth, trade, inequality and poverty; the search for the ways of sustainable and inclusive development; and global policy cooperation. The total analysis of the views and positions of the Western scientists allows us to state: globalization in the Western science is regarded as an objective phenomenon which can be controlled; the creation of an effective system of global governance is considered currently impossible; economic globalization is more studied, and the political aspect is often ignored; there is a focus on the negative aspects of globalization and the unpreparedness to respond to the new challenges of globalization.

Keywords: *globalization, trends, objective phenomenon, complex system, non-linear relationships, specific characteristics, negative consequences, problems.*

В развитии глобализации в последнее десятилетие ярко проявились новые тенденции и тренды, которые требуют исследования. Что есть глобализация XXI в., каково содержание и сущность этого феномена, какие новые ее черты формируются сегодня, каковы ее последствия и итоги? Это основные темы, которые волнуют сегодня исследователей и политиков.

Большинство специалистов, занимающихся разработкой данной проблематики, концентрируются вокруг международных конгрессов глобалистики, которые регулярно проводятся на базе факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова начиная с 2009 г. Партнерами Конгресса являются известные научные и академические организации России (Российская академия наук, ИМЭМО РАН, МГИМО, Академия глобальных исследований, Ассоциация научных и образовательных центров БРИКС, Русское географическое общество, Российское философское общество и т. д.), а также ряд ведущих научных журналов («Alma Mater», «Международная жизнь», «Век глобализации», «Стратегические приоритеты», «Партнерство цивилизаций» и др.).

В выступлениях на Конгрессе, его дискуссиях, в многочисленных публикациях факультета глобальных процессов представлены различные точки зрения на сущность глобализации, ее содержание и особенности глобализационных процессов. Все специалисты сходятся в том, что глобализация – это объективное явление, которое имеет многоаспектную природу. Существуют экономический, политический, социокультурный, экологический, информационный, международно-правовой аспекты глобализации. Но если экономический аспект достаточно хорошо изучен в российской науке [Ильин, Леонова 2017: 79–80], то другие стороны глобализации еще ожидают своего глубокого и профессионального исследования.

На факультете глобальных процессов ученые уделяют особое внимание в своих исследованиях **политическим** аспектам глобализации.

Среди последних научных разработок наших специалистов – изучение новых контуров геополитического пространства нашей планеты, анализ формирующейся системы глобального мира, выявление его новой геополитической конфигурации, структуры, архитектуры и иерархии, что отражено в монографиях, учебниках и статьях [Чумаков 2017; 2014; 2013; Чумаков, Иоселиани 2015; Гринин 2015; 2012]. В результате можно констатировать, что *политическое* направление в изучении глобализации уже сформировалось как самостоятельный тренд в современной российской глобалистике.

Так, мы полагаем, что глобализация представляет собой усиление сопряженности и взаимозависимости между странами глобального мира, в которых доминирует экономическая составляющая. Но и политический аспект глобализации набирает силу и начинает оказывать влияние на развитие и динамику глобальной экономики [Гринин 2015: 4]. В последнее время многие экономические тенденции современной глобализации становятся следствием *политического* взаимодействия между лидерами глобального мира и принимаемых ими политических решений.

Однако довольно неожиданно во втором десятилетии XXI в. стали проявляться некоторые негативные последствия развития глобализации и обозначились ее не предусмотренные ранее тренды [Его же 2012: 117–118].

Оказалось, что такое взаимодействие и взаимозависимость стран и регионов глобального мира приводят к усилению асимметрии между ними и имеет своим следствием углубление диспаритетов в экономическом и политическом развитии государств, особенно между развитым Западом и глобальной периферией. Вместо ожидаемого глобального всеобщего процветания мир неожиданно столкнулся с проблемой нового неравенства между теми, кто является локомотивами глобализации, и теми, кто только пытается встроиться в глобализационные процессы.

Разочарование в *такой* глобализации охватывает не только развивающиеся страны, которые еще не вкусили дивидендов от глобальной экономики, но скорее видят себя пострадавшей стороной. Разочарование от незапланированных результатов глобализации проявляется и в росте популизма и национализма в западных странах, и в актуализации политики протекционизма чуть ли не всех участников глобальной кооперации. Еще одним неожиданным и крайне нежелательным следствием «глобализации-XXI» стало размывание демократии и ее наиболее важных принципов во многих странах с традиционно либеральной политической системой, часть населения которых свои надежды на исправление ситуации связывает с введением жестких мер в экономике и внутренней политике и ностальгирует по сильному лидеру.

Мы предполагаем, что мировое сообщество сегодня переживает очень интересный этап: трансформацию *мировой* политической системы в новое ее качество – *глобальную* политическую систему. Это пока еще гипотеза, и данный феномен требует еще доказательств, он пока не получил должного анализа или даже признания со стороны мировой политической и ученой элиты, хотя существует настоятельная необходимость провести всестороннее его исследование [Ильин, Леонова 2015: 22].

Несомненно одно: в современном глобальном мире зарождаются и набирают силу ряд тенденций, которые свидетельствуют о происходящей трансформации и рождении нового глобального явления – *глобальной политической системы*.

К таким *новым тенденциям и трендам развития* глобализации можно отнести следующие:

– формирование новой структуры и архитектуры глобального мира, формирование новых акторов глобальной политической системы (полюсов, центров силы, претендентов на центры силы, глобальных и региональных держав) и выстраивание их в определенную иерархическую пирамиду. Новая глобальная структура весьма подвижна, а связи между ее иерархическим элементами динамичны, что делает этот конструкт неустойчивым и непредсказуемым в своем дальнейшем развитии;

– начинают более четко проявляться две модели модернизации стран глобального мира: западная (атлантическая) либеральная модель, где эталонами выступают США и страны Европейского союза, и модель континентальная, довольно успешным образцом которой является Китай и государства, пытающиеся копировать его экономическую стратегию. Обе модели имеют свои сильные и слабые стороны, это сильные конкуренты с ярко выраженным цивилизационным окрасом. Поэтому будущий глобальный мир вряд ли будет представлять собой идиллическую «глобальную деревню», но он не станет и «столкновением цивилизаций». Очевидно, это будет глобальная система, в которой происходит мирная *конкуренция* двух моделей модернизации и развития. Но это будет конкуренция не только моделей экономического развития, но и в определенной степени политических систем данных стран, фактически это соревнование демократических и авторитарных режимов в попытках доказать свою превосходящую эффективность и преимущества, особенно в ситуации глобальной неопределенности и нестабильности. Вопрос о том, кто победит (учитывая последнее обстоятельство), пока остается открытым; любая конкуренция не гарантирует стабильности, в ней побеждает тот, кто более динамичен и адекватен внешним и внутренним вызовам, в данном случае вызовам глобализации. Можно прогнозировать, что нас ожидает рост нестабильности и неопределенности на глобальном уровне, где не будет устоявшихся раз и навсегда правил экономической либо политической «игры», незыблемых принципов или общепринятых стандартов поведения. Мы сможем наблюдать постоянное реформатирование существующих коалиций и блоков, быструю смену приоритетных векторов внешней политики стран и т. д. За всей этой непредсказуемостью будет отчетливо проявляться субъективный фактор, то есть глобальный мир станет отражением личностей ведущих политиков – лидеров глобальных держав с их амбициями, скрытыми комплексами и тем, что они считают своими приоритетными ценностями;

– уже сегодня многие политики и аналитики в растерянности говорят о неэффективности глобального управления, которая становится очевидной по мере усложнения международной ситуации и роста глобальных угроз человечеству. Некоторые глобальные проблемы постепенно перерождаются в иное качество – в глобальные риски – и ставят под угрозу жизнь на планете. Однако решения этих проблем и путей выхода из сложной ситуации до сих пор не найдено, а институты глобального управления, которые должны этим заниматься, показывают свою

несостоятельность и не способны адекватно и вовремя реагировать на новые вызовы глобализации. Ускорение динамики и масштабов глобализации требует иных подходов и иных инструментов, которые бы соответствовали новому качеству глобальной политической системы;

– продолжает оставаться актуальным и конфликт между глобализацией и национальными интересами стран глобального мира, что является тормозом глобализационных процессов. Особенно остро этот конфликт проявляется у тех стран, которые оказались на периферии глобальных процессов и, не получив ожидаемых бенефиций от участия в глобальной экономике, стали рассматривать себя жертвами данного процесса. Этим во многом объясняется и рост политики протекционизма, и актуализация концепта «ответственного национализма», которые набирают силу даже в некоторых западных странах, бывших прежде локомотивами глобализации. Первый пример данной тенденции – Brexit, но он может быть далеко не последним;

– понятие «глобальная периферия» также меняет свое содержание. Это не просто страны, отставшие от процессов глобализации или не сумевшие (не захотевшие) в них «вписаться». Сегодня географическая периферия глобального мира представлена бурно развивающимися в основном азиатскими странами, которые уже не первый год являются лидерами по росту ВВП и демонстрируют как экономическую эффективность, так и политическую стабильность. Их вклад в глобальную экономику растет год от года, а вместе с тем они постепенно набирают политический вес и приобретают более высокий статус в глобальной иерархии. Похоже, что в XXI в. они обретут свой мощный голос, смелость артикулировать свои интересы и заставят считаться с ними весь мир.

Данные тенденции развития глобальной политической системы вовсе не означают начало процесса деглобализации. Это всего лишь симптомы *транзита от одной модели глобализации к другой, это «болезни» процесса перехода от моноцентричного мира к миру полицентричному*, в котором будет несколько центров силы и много полюсов экономической, политической или военной мощи.

Таким образом, обретение полицентричности и многополярности вовсе не гарантирует политической, экономической или военной стабильности грядущему глобальному миру. В XXI в. добиваться стабильности или поддерживать баланс между существующими центрами силы и полюсами глобального мира будет намного более сложной задачей, чем сейчас [Ильин, Леонова 2016: 185–186].

Довольно долгое время развитие российской глобалистики шло параллельно с развитием зарубежной и пути их почти не пересекались. Такой отрыв и параллельные курсы в исследовании глобализации были обусловлены отсутствием живых контактов между учеными России и других стран (здесь свою роль играл и языковой барьер), труднодоступностью источников (только в последнее время стало возможным направлять российских исследователей в зарубежные университеты на стажировку) и часто доминирующим идеологическим подходом к данному феномену, который все еще дает о себе знать.

Тем более интересно сравнить общую стратегию и проблематику исследований глобализации в России и на Западе. Подводя некоторые итоги достижениям российской глобалистики, необходимо обратить внимание и на развитие глобалистики за рубежом.

Так же как в России, подобно нашим конгрессам глобалистики, такими мероприятиями, которые собирают ведущих специалистов в области глобальных исследований, являются конференции, проводимые в Италии в рамках международных форумов по подготовке к саммитам G7.

В мае 2017 г. в Риме в рамках Международного форума «Глобализация, инклюзивность и устойчивое развитие в глобальный век» («Globalization, Inclusion and Sustainability in Global Century») проходило заседание своеобразного круглого стола под названием «За пределами ВВП, или как добиться устойчивого развития в эпоху глобализации» («Beyond GDP, Getting Sustainability in a Global Century»).

На него были приглашены известные эксперты, ученые и политики из разных, в основном западных, стран мира (в их числе были два представителя России), и все участники имели равную возможность представить результаты своих исследований новейших тенденций глобализации, формирующихся новых проблем и вызовов, предложить пути их решения.

Такой широкий круг участников представил поистине глобальный подход в исследованиях глобализации и позволил суммировать полученные результаты.

К сожалению, материалы этого интересного обсуждения не планируется публиковать. Однако анализ выступлений участников помогает наглядно увидеть те тенденции в изучении глобализации, которые сегодня доминируют в западной науке и практике.

Так, глобализация рассматривается как феномен, обладающий нелинейной природой (nonlinear phenomenon).

Глобализация является сложной, комплексной системой со множеством нелинейных связей. Из-за своей комплексности и сложности данная система не дает возможности заранее просчитать или предвидеть все ее будущие проявления и последствия развития, а методология и принципы форсайта в данном случае неэффективны.

Закон о непереносимости наличия причинно-следственной связи в контексте глобализации, как признают сегодня эксперты, не всегда работает. Становится все более очевидным, что многочисленные факторы глобализации, которые в сумме невозможно учесть и нельзя спрогнозировать их действие, способны производить ряд нелинейных эффектов, где феномен на «входе» в систему очень отличается от себя же на ее «выходе».

В выступлениях многих участников часто звучали слова «смена эпох» («change in era, change of epoch») и парадоксальная мысль: грядет смена эпох, но это не будет эпохальным изменением («change of epoch, not an epochal change»).

Очевидно, что *глобализация новой волны* обладает рядом специфических характеристик и трендов. Уже сегодня отчетливо проявляются следующие новые черты «глобализации-XXI» или «новой эры»:

- расширение границ ареала многополярного мира (dimension of a multipolar world);
- рост количества и разнообразия глобальных игроков, в том числе за счет негосударственных акторов;
- усиление взаимосвязи и взаимозависимости локальных (региональных) и глобальной систем, в результате чего местные, локальные проблемы, если они не решаются, могут привести к катастрофическим глобальным последствиям;

– распад, разрушение, дезинтеграция, нарушение (disruption), турбулентность и нестабильность (turbulence), которые потрясают нашу планету.

Все это в сумме приводит к формированию новой сущности исследуемого феномена, который можно назвать *неглобальная глобализация*.

В фокусе внимания специалистов было несколько позиций (их обозначили как «focal points»), которые формируют некую *рамку исследований феномена глобализации*, принятую в западной науке. Это глобализация, защита и протекционизм (Globalization, Protection and Protectionism); экономический рост, торговля, неравенство и бедность (Growth, Trade, Inequality and Poverty); поиск путей устойчивого и инклюзивного развития (The Search for Sustainable and Inclusive Development); политика устойчивого развития и глобальное сотрудничество (Sustainability Policies and Global Cooperation). Данным проблемам была посвящена дискуссия на отдельных тематических сессиях в течение дня.

Среди *главных проблем*, которые породила модель «глобализации-XXI», ученые называли: рост безработицы в развитых странах, растущее неравенство доходов, бюджетный дефицит стран – активных участников глобальных экономических процессов, дальнейшую деградацию окружающей среды, кризис глобального управления, нарушение баланса между глобализацией и национальным суверенитетом государства, рост социального дискомфорта, коррупцию в системе международных институтов и в сфере международной политики. Все это расценивается как неотъемлемая часть или следствие глобализации. Ученое сообщество пришло к мнению, что сегодня глобализация достигла того уровня, когда ее негативные тенденции уже невозможно игнорировать.

Анализ тематики и болевых точек обсуждения на Форуме позволяет увидеть, каким образом глобализация сегодня воспринимается в западном политическом дискурсе, как оцениваются ее последствия, какова степень готовности экспертов, аналитиков и политиков решать выявленные проблемы и отвечать на появившиеся новые вызовы.

Во-первых, глобализация рассматривается как объективное явление, независимое от воли и сознания людей. Глобализация – это феномен, который нельзя запретить или отменить волевым актом какого-либо правительства или авторитетного международного института самого высокого уровня. Однако этот процесс можно контролировать и управлять им при наличии соответствующих инструментов и международного согласия, на основе выработанной общей позиции и точки зрения, которую будут разделять все страны и все население планеты.

Во-вторых, создание такого глобального правительства как инструмента управления глобализационными процессами сегодня представляется невозможным, так же как и достижение консенсуса по основным проблемам глобализации и путям их решения. Существующие же международные организации показали свою неэффективность и функциональную неполноценность на данном этапе развития процессов глобализации, в результате чего многие соглашения и установленные законом правила, призванные смягчить ее негативные последствия, не выполняются или вообще игнорируются.

В-третьих, глобализация на Западе воспринимается весьма однобоко, а именно – как процесс интеграции экономик различных стран и выстраивания глобальной экономической системы. Политический аспект глобализации остается вне внимания политиков и экспертов, хотя многие экономические проблемы являются следствием именно политической глобализации или могут быть решены в рамках глобальной политики.

В-четвертых, период эйфории и очарования глобализацией явно подошел к концу. Сегодня уже не «модно» говорить о бенефициях, которые несет данный феномен странам и народам мира. Наоборот, принято скрупулезно подсчитывать убытки и потери, которые понесли многие (особенно развивающиеся) государства, активно вовлеченные в глобализационные процессы. Это свидетельствует об отсутствии объективного подхода к глобализации и излишне эмоциональных ее оценках.

В-пятых, политики и эксперты демонстрируют явную растерянность перед лицом новых вызовов и угроз, которые несут новые тренды глобализации. Пока еще нет готовых рецептов, не сформулированы меры по их нейтрализации, а процесс поиска адекватных решений явно затягивается.

Суммарный анализ выступлений участников конференции дает основание сделать вывод, что российская глобалистика развивается сегодня параллельным курсом, однако не только не отстает, но и в некоторых случаях даже опережает западную политическую науку и практику в сфере изучения *политических* аспектов глобализации. Содержание многих идей и концепций совпадает с позицией российских ученых, а различие наших подходов в изучении глобализации не столь критично.

Исследование новых тенденций и последствий глобализации показало, что мир вступил в новую эпоху, где грядут серьезные изменения во всех сферах жизнедеятельности глобального сообщества. Поэтому нас объединяют задачи, которые мировому сообществу предстоит решить в ближайшем будущем, пока ситуация не стала катастрофически необратимой.

Для решения этих задач нам необходимо, во-первых, научиться слышать и понимать друг друга; во-вторых, в формате постоянного диалога делиться результатами своих исследований глобализации; в-третьих, проводить совместные исследования; в-четвертых, как можно чаще собираться вместе для коллективной рефлексии нового опыта, получаемого нами в сфере политического, экономического, социокультурного, информационного развития глобального сообщества.

Литература

Гринин Л. Е. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 3–17.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21–35.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы и перспективы // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 182–190.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Политическая глобалистика. М. : Юрайт, 2017.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2. С. 23–37.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2. С. 192–195.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д. Философские проблемы глобализации. М. : Университетская книга, 2015.

КОРПОРАТИВИЗМ ИЛИ ПЛЮРАЛИЗМ? ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Шапкин И. Н.*

В нынешних условиях все большее значение приобретает деятельность всевозможных групп интересов, численность которых постоянно возрастает. Их взаимодействие с государством носит многосторонний характер. Сегодня сложились две модели взаимодействия власти и общества, которые получили теоретическое оформление в виде корпоративной и плюралистической концепций. В данной статье анализируются причины, приведшие к появлению корпоративной и плюралистической моделей общественного развития, основные принципы указанных теоретических систем. Анализ подобной практики имеет актуальное научно-практическое значение в условиях совершенствующейся рыночной экономики и формирующегося гражданского общества.

Ключевые слова: группы интересов, корпоративизм, плюрализм, институционализм, трипартизм, социальное партнерство, функциональное представительство, политическая конкуренция.

In the current situation, the activities of various interest groups, whose number is constantly increasing, become more and more important. Their interaction with state is multifaceted. Today we have two models of interaction between authorities and companies that have received theoretical arrangement in the corporate and pluralistic concepts. This article analyzes the causes that led to the emergence of corporate and pluralist models of social development, the basic principles of these theoretical systems. The analysis of these practices has important scientific and practical value in terms of improving the market economy and the emerging civil society.

Keywords: interest groups, corporatism, pluralism, institutionalism, tripartism, social partnership, functional representation, political competition.

В современном глобальном мире существует два механизма согласования позиций государства и общества. Один предполагает функционирование политических партий, другой – деятельность организованных групп интересов.

Осознание индивидами схожести интересов приводит к структурированию общегруппового интереса и, как следствие, к формированию в недрах социальной группы инициативного ядра, которое превращает аморфное образование в организованный коллектив, сплоченный общими интересами. Именно эта группа берет на себя разработку стратегии и тактики активного действия представляемого сообщества и выступает в качестве идеолога данного интереса и активного актора

* Шапкин Игорь Николаевич – д. э. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: ishapkin@fa.ru.

в его отстаивании в органах власти. Каждая группа интересов отличается по целям и методам деятельности, ресурсам и возможности влияния на власть, а также присущим только ей набором характеристик. Цель групп интересов состоит в активном взаимодействии с властью для того, чтобы их интересы и запросы были не только услышаны, но и получили конкретное практическое воплощение. Государство выстраивает отношения с этими структурами для выработки адекватной и сбалансированной внешней и внутренней политики.

Взаимодействие групп интересов с государством осуществляется в рамках двух политических моделей, которые оформлены в виде двух концепций – плюрализма и (нео)корпоративизма.

В наибольшей степени эти модели реализованы в западноевропейских странах и США. Их истоки следует искать в особом историческом развитии Западной Европы. Под влиянием Гуманизма, Реформации, Возрождения и Просвещения здесь сформировалось уникальное сообщество, членов которого отличали новое мировоззрение, идеология и морально-этические ценности – индивидуализм, стремление к личному и земному благополучию, освобождение от христианских обязательств и подчинение действий и поступков индивида рационализму. Власть и стремление к власти, экономические цели и процессы стали наполняться рационализмом. Теперь индивиды руководствовались не честью и верностью, а рациональными интересами и предпочтениями.

Если прежде считалось, что действиями людей руководит добродетель, то после XVIII в. представления о добре и благополучии принципиально изменились. Они стали носить субъективный характер. Каждый человек становился арбитром «полезной добродетели», определенной «естественным порядком». Как разумное существо человек не может не стремиться к максимизации материалистической полезности.

«Экономический человек» ответственен за реализацию собственного потенциала посредством максимизации полезности. Свое политическое участие в делах государства он осуществляет через демократические институты. Такой подход поощрял эгоцентристские настроения в обществе, формировал личность, отличающуюся эгоизмом, размытыми понятиями о совести, порядочности, новым поведением. Для нее были характерны напор и агрессия. Следствием этого стали межличностные, групповые и межгосударственные конфликты, сотрясавшие мир и Европу на протяжении последних трехсот лет. Нередко люди, исповедующие рационализм и стремящиеся к полезности, используют власть, чтобы получить несправедливое преимущество. Господство над другими и использование силы для того, чтобы заполучить желанные вещи на неравных условиях, как писал А. Шопенгауэр, – это наилучший способ максимизации полезности [Роузфилд 2004: 77–78]. Чтобы не допустить конфликтов в обществе и контролировать отклонения в поведении и поступках человека, необходимо, как писали деятели Просвещения и представители классической политической экономии, опираться на конкуренцию, совесть и верховенство права.

Наиболее последовательно идеалы нового общественного устройства были реализованы в США. Центральным элементом американской общественной системы являются: индивидуализм, общественный договор, обязательство соблюдать незыблемость договорного права, жажда наживы, трудолюбие, предпринимательство и свобода. Все это дополняется государством, выполняющим роль

«ночного сторожа», то есть обеспечивающим соблюдение законности и порядка и собирающим на собственные нужды средства с общества посредством налогов. Предпочтение, отдаваемое в англо-американских культурных традициях верховенству свободы, предпринимательству и примату права, сильно отличает эту систему от традиций стран континентальной Европы, для которых характерны этатизм, коллективизм и корпоративизм [Роузфилд 2004: 127].

Новая культурно-идеологическая среда, сложившаяся на берегах Атлантического океана, оказывала определяющее влияние на индивидуальные и групповые, общественные и личные приоритеты европейцев, формировала новое видение индивидом своего места в общественно-политической жизни. После Просвещения человек начал воспринимать себя как активный актер исторического процесса. Впервые он заявил государству о своих претензиях на эту роль. Бурная политическая жизнь Европы XVIII–XIX вв. свидетельствовала об обоснованности подобных притязаний. Возросшая социально-политическая активность масс вынуждала государство строить новые отношения с ними, создавать особые принципы и механизмы взаимоотношения с обществом.

Корпоративные взгляды в европейском обществе имеют давние и глубокие исторические традиции, восходящие к теоретическому наследию Г. В. Ф. Гегеля в вопросах отношения «человек – общество – государство», социальной доктрине католицизма, правым социалистическим течениям I и II Интернационалов [Шапкин 2016].

Под **корпоративизмом** понимается такая организация общественной жизни, при которой отношения между группами интересов и государством реализуются через объединения физических и юридических лиц, то есть корпорации.

Термин «корпорация» возник в Западной Европе в период Средневековья. В XI–XV вв. корпорациями назывались сословия, а также профессиональные организации цехового типа, защищавшие интересы своих членов. Вхождение индивида в ту или иную корпорацию определяло возможности его профессиональной деятельности и отстаивания социальных интересов. Вне корпорации жизнь человека была невозможна. Организации являлись своего рода переходным звеном между общинным типом представительства и гражданским обществом. «Ренессанс» корпоративных организаций пришелся на период индустриального развития. Для маргинализированных масс корпорация стала едва ли не единственной социально приемлемой формой организации. В середине прошлого века корпоративизм трансформировался в неокорпоративизм, который связан с именами А. Коусона, Дж. Лембруха, Ф. Шмиттера, Г. Штрека и др.

Согласно этой концепции, индивиды могут влиять на решения, принимаемые государством, посредством членства в корпоративных органах – профсоюзах, профессиональных организациях, группах политического давления и лобби, добровольных объединениях. Являясь составной частью гражданского общества, эти структуры добиваются своих целей не в рамках публичной политики, как политические партии, а путем прямого воздействия на государственные институты. Корпорации, используя разнообразные приемы и методы, добиваются принятия государственными учреждениями и ведомствами необходимых решений.

Однако государство входит в отношения не со всеми корпорациями, а лишь с наиболее значимыми, занимающими особое положение в обществе. Именно они и получают более широкие возможности для оказания влияния на принятие ре-

шений. В таких условиях политическая конкуренция организованных групп интересов заменяется монополией отдельных привилегированных объединений [Шмиттер 1997: 17].

Особое внимание теоретики корпоративизма уделяют координации взаимоотношений власти и общественных организаций, поскольку на основе согласования государственной политики и общественных интересов и принимаются политические решения, которые призваны обеспечить общественный прогресс, достижение консенсуса и согласия в обществе. В корпоративной государственно-политической системе важнейшими аспектами публичной политики являются консультации правительства с организованными группами интересов, например с профсоюзами и бизнес-ассоциациями.

В обмен на доступ к принятию решений группы интересов обеспечивают лояльность государству, содействуя тем самым проведению согласованной экономической и социальной политики. Важнейшим условием развития корпоративных отношений является наличие сильных централизованных организаций, обладающих способностью сплотить группы, даже используя репрессивные санкции к тем членам, которые нарушили условия соглашения с властью.

В формировании корпораций значительную роль играет государство. В ответ на государственную помощь и поддержку европейский бизнес, например, соглашается на ограничение продолжительности рабочего дня и увольнений, предоставление гарантий защиты от увольнений, достаточно длительный отпуск и высокие пенсии, ограничивает полномочия администрации, допуская работников к управлению предприятием. Он соглашается на дополнительные затраты на рабочую силу, устанавливая минимальную заработную плату; на обязательный выход на пенсию по достижению определенного возраста, неся немалые расходы по медицинскому и другим видам социального страхования; берет на себя финансирование дополнительных выплат (помимо прямой зарплаты); обеспечивает установленные условия занятости и обязательную оплату сверхурочных. В свою очередь, наемные работники обязуются квалифицированно и качественно трудиться на своих работодателей, государство и общество [Роузфилд 2004: 167].

От государства и деятельности его институтов зависят сила и способность корпораций реализовать свои групповые интересы. Значимость и влияние корпораций зависят от следующего:

– во-первых, от ресурсов, в том числе и от того, какие средства выделит им государство в виде дотаций, налоговых льгот, «монопольных» связей с государственными органами, средствами массовой информации и т. д.;

– во-вторых, от представительного характера организации, то есть насколько широко и полно она отражает интересы социально значимых групп общества, от легитимных рамок и механизмов функционирования данной группы интересов;

– в-третьих, от организационной структуры, то есть от того, каковы внутренняя конструкция, масштаб членства, степень сплоченности корпорации, внутренний порядок и механизмы ее функционирования;

– в-четвертых, от правового статуса, то есть от того, какое место группа интересов занимает в правовой системе, в подготовке законов и реализации политики, каково их отношение с остальными действующими лицами политического процесса [Аг 1995: 63].

«Нет больше “улицы с односторонним движением”»: от общества через объединения и партии к исполнительной власти, – писали У. фон Алеман и Р. Г. Хайнц в 1981 г., то есть в период повышенного интереса к вопросам корпоративизма. – Существует скорее сеть отношений: функциональное переплетение между государственными и негосударственными институтами накладывается на классическое разделение власти и типичное для федерализма вертикальное политическое переплетение между федерацией, землями и коммунами. Это ведет и к преобразованию объединений... В рамках такой перемены отношений между государством и экономикой крупные объединения принимают функции шарниров и буферов... Общее для всех уровней – форсированное включение негосударственных организаций в официальную политику. Наряду с традиционными органами формирования консенсуса, прежде всего парламентом, возникают новые, параконституционные системы переговоров, указывающие на возрастающее обобществление процессов принятия политических решений» [Crouch 1983: 128–129].

Современный корпоративизм – довольно аморфная система взглядов, поэтому его «определяли и как идеологию, и как тип политической культуры или государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как тип общественной организации; наиболее продуктивным все же представляется подход, в рамках которого он рассматривается как один из возможных политических институтов, чье назначение заключается в том, чтобы дать возможность организованным группам интересов стать реальными посредниками между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами и т. д.) и различными политическими субъектами (в особенности государственными и правительственными органами)...» [Шмиттер].

В нынешнем корпоративизме можно выделить несколько направлений.

1. Неокорпоративизм как форма государственного устройства, в которой корпоративизм развивается параллельно парламентской системе. При парламентском строе процессы представительства и вмешательства разделены. В корпоративном государстве они слиты. Корпорации представляют интересы своих членов и действуют как посредники при проведении в жизнь правительственной политики. Корпорации находятся в постоянном диалоге с государственными чиновниками, итогом этих контактов являются согласованные решения, обязательные для выполнения всеми сторонами процесса.

2. Неокорпоративизм как способ организации интересов и взаимодействия с государством, способ, отличный от прежних. Основное положение представительей этого направления основано на различии корпоративизма и плюрализма.

3. Неокорпоративизм, понимаемый как новая система политической экономики, которая отличается от капитализма и социализма и представляет особый, «третий путь» общественного развития. Это направление является продолжением представлений корпоративистов 1920–1930-х гг.

Для них характерны независимость государства от частного сектора и замена рыночных механизмов практикой олигополии. Экономическая система этого варианта корпоративизма основана на отказе от свободы деятельности частного капитала и переходе к государственному управлению, основанному на четырех принципах: единстве, порядке, национализме, успехе.

Теория корпоративизма и корпоративистские взгляды оказывали и оказывают большое влияние на развитие всех социальных наук, в частности экономических. «Неокорпоративистский подход, – писал Ф. Шмиттер, – это лишь один из подвидов более широкого класса теоретических подходов в политической экономии, известных под названием “институционализм”. Общим для всех институционалистских теорий является представление о том, что поведение людей – будь то экономическое, социальное или политическое – невозможно объяснить, исходя исключительно из выбора и предпочтений индивидов либо из коллективной идентичности и обязательств, налагаемых группой.

Данный тезис направлен против ставшего в последнее время довольно модным предположения, что все действия людей могут быть сведены – методологически или эмпирически – к рациональному расчету конкурирующих особей. Одновременно он противостоит идее, которая была весьма популярна в прошлом, что все происходящее вытекает из особенностей глобальных сущностей – племен, общин, классов, наций, “систем” и т. п.» [Шмиттер 1997].

Использование корпоративистского подхода позволило исследовать: политические, социальные и юридические нормы, регулирующие общественные отношения, в рамках которых протекают процессы производства и обмена (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок); группы интересов, поведение и роль государства в хозяйственной жизни общества, экономические механизмы власти, процесс принятия правительственных решений (М. Олсон); роль и значение стандартизации и формализации прав собственности, с помощью неинституционального подхода провести анализ рыночных реформ (Э. де Сото) [Бьюкенен, Таллок 1997; Олсон; Сото 2007].

«“Мода” на корпоративизм, без сомнения, – как справедливо отмечал Ф. Шмиттер, – имеет свои приливы и отливы, причем весьма регулярные. После Первой мировой войны понятие “корпоративизм” всплыло вновь, причем на этот раз в более светском и этикетском обличье, и нашло свое самое наглядное выражение в *corporazioni* фашистской Италии, за которой последовали Португалия, Испания, Бразилия, вишистская Франция и ряд других стран» [Шмиттер 1997].

В 1920–1930-е гг. корпоративизм стал своеобразным идеологическим прикрытием политики всеобъемлющего контроля правительства и правящей партии над обществом. Концепция корпоративизма была использована фашистскими и некоторыми правыми государствами для создания новой корпоративной экономики. Фашистские теоретики определяли корпоративизм как «новый тип политической цивилизации», как третий вариант общественного развития, противостоящий западному либерализму с его свободным рынком и прямой либеральной демократией, которая после мирового кризиса 1929–1933 гг. полностью дискредитировала себя, и государственному социализму СССР с полным огосударствлением экономической и социальной жизни [Белоусов 2012; Шапкин 2017].

Практическую реализацию корпоративистский идеал получил в фашистской Италии. Здесь на региональном уровне создавались профессиональные синдикаты, объединявшие работников и работодателей. Местные синдикаты составляли национальные федерации, которые, в свою очередь, входили в конфедерации работников и работодателей, охватывавшие широкие сектора хозяйства: промышленность, сельское хозяйство, торговлю и т. д. В 1934 г. власти заявили о создании в стране 22 подобных объединений. Эти корпорации получили полномочия в решении некоторых хозяйственных вопросов, например, ценового регулирования

ния, посредничества в трудовых спорах. Однако итальянскому «корпоративному государству» не удалось добиться компромисса между группами экономических интересов, а созданные корпорации представляли секторные экономические структуры, организованные и руководимые властью для укрепления диктаторского режима. Ни предприниматели, ни трудящиеся не обладали самостоятельными правами [Хиггс].

После Второй мировой войны корпоративизм, который незаслуженно связали с фашистским и другими правыми режимами, исчез как направление общественной мысли на два с лишним десятилетия. Корпоративизм стал синонимом недемократичности.

Но едва послевоенная волна демократизации, по замечанию Ф. Шмиттера, смыла с лица Европы корпоративные структуры авторитарно-этатистского или фашистского толка, корпоративизм вновь заявил о себе, но уже в неокорпоративной форме. В наибольшей мере неокорпоративизм проявился в малых европейских странах с относительным культурным и языковым единством, в странах с хорошо организованными ассоциациями интересов, и в первую очередь там, где имелись мощные социал-демократические партии – в Бельгии, Дании, Нидерландах, Швеции, Норвегии, Финляндии [Шмиттер 1997: 17].

В немалой степени формированию неокорпоративизма способствовали традиции, опыт корпоративного строительства предшествующих эпох; субъекты корпоративизма, то есть различные общественные организации, в том числе предпринимательские союзы и профсоюзы, имевшие позитивный опыт взаимодействия с властью, а также государство, приступившее к активному реформированию существовавшего общественно-политического устройства. В послевоенный период экономическая роль государства возросла, поэтому неокорпоративисты обращали внимание на необходимость в связи с этим сотрудничества с государственными институтами. Для них корпоративизм – «это экономическая система, предполагающая, подобно социализму, высокий уровень активности государства, в которой, однако, государство играет качественно иную роль» [Бьюкенен, Таллок 1997: 12].

Важнейшим условием распространения и развития неокорпоративистских взглядов явились глубокие изменения в социально-экономической жизни Западной Европы в середине XX в. Здесь постепенно сложились новые реалии: включение групп интересов в процесс принятия решений государством; создание социальных пактов, гарантировавших мирное развитие трудовых отношений и превращение профсоюзов, предпринимателей и правительственных институтов в социальных партнеров; формирование новой промышленной политики, предполагавшей обязательные консультации по важнейшим вопросам с представителями бизнеса и профсоюзов; проведение новой политики в области социальной защиты и образования; привлечение групп интересов к процессам экономического и социального реформирования. Начался процесс распада традиционных социальных страт (рабочий класс, мелкая буржуазия, крестьянство и т. д.) и образования новых. Менялись образ жизни населения, экономическое и политическое поведение людей, возросла социальная и географическая мобильность и т. д.

«Именно во второй половине XX в., – писал английский исследователь К. Кроуч, – возникла, по крайней мере временно, более надежная основа национального согласия между организованным трудом и организованным капиталом,

чем католическая теология. Речь идет о государстве всеобщего благосостояния, кейнсианской экономике и участии рабочих партий в управлении смешанной экономикой. Это совсем не те элементы, о которых говорили в 1870-х гг., однако у “классического” корпоративизма XIX в. и современного неокорпоративизма гораздо больше общего между собой, чем у них обоих – с фашистским извращением корпоративизма. Теоретики прошлого могли заблуждаться насчет содержания согласия, но они не так уж ошиблись в том, что касается его формы. Более того, если вспомнить, что Дюркгейм и его последователи часто называли себя социалистами (не говоря, разумеется, о “гильдейских социалистах”), расстояние между классическим корпоративизмом и скандинавским опытом покажется не таким большим. А в таких “демократиях сообществ”, как Австрия и Нидерланды, социалистические и католические версии корпоративизма любопытным образом уживаются друг с другом» [Almond, Verba 1965: 460].

Неокорпоративизм нередко отождествляют с социальным партнерством, в том числе с трипартизмом, то есть сотрудничеством государства, профсоюзов и предпринимательских организаций для решения распределительных и трудовых отношений; но существует и иная точка зрения, согласно которой неокорпоративизм и социальное партнерство – совершенно разнородные категории [Салмин 1984: 1].

По нашему мнению, такое противопоставление неверно, поскольку социальное партнерство – это одно из проявлений корпоративизма, практическая реализация корпоративистских представлений. Корпоративизм шире социального партнерства. Он подразумевает более широкое представительство участников диалога государства и общества.

Социальное партнерство – это форма организации политической жизни, рассчитанная на долгосрочное функционирование и ориентированная как на регулирование взаимоотношений между трудом и капиталом, так и на решение конкретных острых проблем (инфляция, безработица, вопросы социального обеспечения).

Экономический эффект социального партнерства состоит в стабилизации уровня занятости и распределения доходов, а также в положительном влиянии на экономический рост и на стабильность в сфере денежного обращения. Социальное партнерство влияет на социальную стабильность, ограничивая рост конфликтов [Там же: 22–24].

Экономическая система стран континентальной Европы представляет собой рыночную экономику, в которой сочетаются индивидуализм и корпоративизм. Рыночная система регулируется в соответствии с ее культурными традициями, сочетающими в себе элементы индивидуализма, корпоративистские и государственные стратегии социальной защиты. Эта система возникла в конце XIX в. и в последующий период развивалась, пытаясь примирить индивидуализм (как его корыстно-эгоистический, так и гуманистический аспекты) с государственной социальной защитой, профессиональными союзами, регулированием экономики, государственной и коммунальной собственностью.

Индивидуализм делает европейцев независимыми, зачастую весьма агрессивными в отстаивании своих корыстных интересов, материалистами, иногда склонными к анархизму, выступающими против государства, авторитаризма и даже частной собственности. Коллективизм делает их зависимыми, стремящими-

ся к уверенности в завтрашнем дне, готовыми подчиниться власти группы, к которой они принадлежат, и выполнять обязательства перед ней.

Эти противоречивые тенденции на протяжении веков гармонизировались под воздействием эволюционирующего корпоративизма – изменения институтов и отношений, позволяющих гражданам иметь частную собственность, стремиться к полезности и прибыли на рынке и при этом подчиняться коллективу и выполнять определенные обязательства перед ним.

Наибольшее развитие корпоративизм получил в экономической и социальной сферах. В Германии он оформился в виде «согласованного действия концернов», в Великобритании – «социального контракта», в Бельгии – «социального программирования» и т. д. [Ильичева 2002: 79]. В Австрии создана система экономического и социального партнерства, успешно функционирующая в течение десятилетий. Институциональной базой для нее служит паритетный комитет, в котором предприниматели представлены председателями Федеральной экономической палаты и сельскохозяйственных палат; наемные работники – членами палат рабочих, служащих, работников транспорта и профсоюзами.

Председателем паритетного комитета является федеральный канцлер, одним из членов комитета (без права голоса) – министр, ответственный за экономические вопросы. Комитет имеет две постоянные подкомиссии – по заработной плате и ценам. Но в действительности он работает как экономический и социальный совет, выдвигая на повестку дня комплексные вопросы экономического и социально-политического характера. Основной принцип деятельности комитета – это достижение единогласия между договаривающимися сторонами. Принятие решений носит неформальный и непубличный характер.

Важнейшие социально-экономические законы обсуждаются и готовятся непосредственно организациями-партнерами – Федеральной экономической палатой и профсоюзами. Затем эти законы, в сущности, лишь ратифицируются правительством и парламентом. Это относится, например, к принятию закона о праве на труд, который значительно расширил участие лиц наемного труда в делах производства, правовому регулированию занятости иностранных рабочих, закону о конкуренции и т. д. [Роман 1995: 110]. Заметим, что существование партнерства никак не отражено в австрийском законодательстве.

Австрийская система имеет длительную историю. Еще в конце XIX в. австрийское государство приступило к модернизации экономики, которая требовала, с одной стороны, учета интересов предпринимателей и наемных работников, а с другой – того, что профсоюзы не пользовались авторитетом среди наемных работников в отличие от социал-демократической партии и социально-христианского движения. С конца 1870-х гг. одним из требований рабочих являлось создание рабочих палат. В 1920 г. такая система палат была создана, произошли укрупнение и централизация профсоюзов, началось сотрудничество государства с организованными группами интересов, оформились идеологические элементы сотрудничества: реформизм, ориентация на государство, идеология согласия, стремление к гармоничному сочетанию интересов различных общественных сил.

В условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. отношения между сторонниками социал-демократии и правительством обострились, подрывались основы социального сотрудничества. Профсоюзы ограничились деятельностью на

уровне предприятий и борьбой за заработную плату, а в правящей среде усиливались антипарламентские настроения. Таким образом, к началу 1930-х гг. в Австрии был заложен институциональный фундамент социального партнерства.

В условиях австрофашизма все корпоративистские институты оказались под контролем государства. Корпоративизм стал формой принудительного сотрудничества при ликвидации правового государства. Но именно тогда были созданы институты, ставшие впоследствии базой послевоенного социального партнерства и институциональной основой согласования интересов при решении макроэкономических и общегосударственных проблем – единый профсоюз, Федеральная промышленная палата. В послевоенной Австрии определяющим основанием для формирования системы социального партнерства явилась национализация экономики, а также изменения в выработке подходов к принятию решений, в частности отказе профсоюзов от конфронтации с бизнесом и властью, переходу к диалогу с ней. Здесь постепенно сформировалась трипартистская форма согласования интересов, субъектами которой стали профсоюзы, предприниматели и правительство.

Органы, регулирующие рынок рабочей силы и осуществляющие комплекс мер по ограничению масштабов и смягчению последствий безработицы, были созданы также в Швеции, Великобритании, Нидерландах. В 1950–1970-х гг. широкое распространение получили трипартистские структуры. Их роль не ограничивалась достижением консенсуса между основными социальными партнерами. В некоторых странах (Швеция, Австралия и др.) они превратились в органы, определяющие направление социально-экономической стратегии государства.

В хозяйственной сфере тесное взаимодействие трех основных акторов политического процесса – государства, союзов предпринимателей и профсоюзов – повысило эффективность управления, способствовало экономическому росту, обеспечило политическую стабильность. К несомненным достоинствам корпоративной модели можно отнести повышение эффективности финансовой системы, большую сбалансированность бюджета, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, угасание классовой борьбы.

Созданная система является более эффективной, поскольку в ее рамках сила коллективизма используется для повышения трудолюбия, ради смягчения напряженности во взаимоотношениях между наемными работниками и владельцами предприятий. Эта система способствует выработке групповых знаний, повышению качества, координированию и планированию, созданию атмосферы доверия. Она учитывает интересы всех заинтересованных лиц, участвует в распределении риска, регулирует конкретный и совокупный спрос, создает атмосферу гражданской и социальной ответственности.

Вместе с тем замедление экономического роста, развитие иждивенческих настроений в обществе заставили руководителей ряда государств (Германия, Франция, Швеция) для разрешения возникших проблем перенять некоторые элементы англо-американской модели. Был ограничен рост государственных расходов; сокращены предельные ставки налогообложения; поощрялась либерализация норм, регулировавших использование рабочей силы; сократились выплаты, не обеспеченные финансированием; проводилась денационализация большинства отраслей промышленности; активно привлекались иностранные инвестиции; ока-

зывалась поддержка процессу интеграции Европы, которая включала создание валютного союза.

Результатом взаимных стремлений государства и групп интересов к совместной деятельности стало создание особой системы, для которой характерно наличие прямых связей между группами интересов и органами государственной власти. Такая система получила название «функциональное представительство». В течение последних десятилетий оно является органической частью государственного управления.

Во многих странах сложились национальные системы такого представительства. Но у всех у них есть общие черты: наличие специальных институтов и учреждений, в рамках которых осуществляется диалог представителей организованных интересов и государства; принципы организации и способы деятельности таких институтов, существование системы неформальных связей и отношений, нередко играющих роль более важную, чем формализованные связи. Пример формализованных структур – это советы, различные комитеты при органах исполнительной власти, которые состоят из руководителей данных органов, представителей групп интересов и независимых экспертов. Большинство таких комитетов существует на постоянной основе, часть же создается для поиска решений по конкретным проблемам.

В последние десятилетия сторонники индивидуализма, либерализации и глобализации по-американски подвергают критике систему корпоративизма. Из-за него, по их мнению, экономика объединенной Европы работает не в полную мощь. Она лишена гибкости и открытости к нововведениям, а принимаемые решения непрозрачны. В условиях экономического динамизма она консервативна, не стимулирует менеджмент и рабочую силу к повышению качества работы.

Корпоративизм создает иждивенческие настроения, стремление «проехаться за чужой счет», формирует антитрудовую этику. Эта система налагает групповые обязательства, которые население не принимает и которые приводят к ухудшению качества жизни. Люди видят в корпоративизме, неэффективной системе государственного протекционизма причину замедления темпов экономического роста, сохранения высокого уровня безработицы, неполной занятости [Роузфилд 2004: 176–177].

Противники отмечают падение эффективности институтов, обеспечивавших достижения корпоративизма, в частности трипартизма. Причина состоит в кризисе профсоюзов, ослаблении их влияния среди наемных работников, а также в укреплении позиций бизнеса, который предпочитает решать проблемы напрямую с правительствами. Он часто не соглашается на участие профсоюзов в переговорах и консультациях.

Противники этой системы призывают отказаться от всех антиконкурентных корпоративистских ограничений. Несмотря на критику, система функционального представительства продолжает развиваться в целом ряде стран.

Второй моделью взаимоотношения государства и общества является *плюрализм*. В наиболее полном виде она представлена в США. С самого начала здесь политическая роль общественных и экономических сил, оформленных в различные организации, была выражена сильнее, чем в Западной Европе. Для американской политической науки именно совокупность множества этих действующих

лиц, находящихся в постоянном взаимодействии, и составляет сущность политической системы.

«Слабое», нецентрализованное государство в этой системе ведет очень широкую деятельность, влияет почти на все сферы общественной жизни, но достигается это не «европейскими» методами, то есть не концентрацией государственной власти, а расширением функций «услуг». Ответом на кажущееся противоречие между «сильным» государством и его широкой деятельностью служит государственная политика, которая является не чем иным, как в соответствии с сущностью «государства услуг» регулируемой совместной деятельностью всех общественных действующих лиц в принятии и реализации решений [Аг 1995: 60].

Поэтому именно в США сформировалась теория плюрализма, основные идеи которого были сформулированы Р. Далем, Е. Латамом и др. Плюрализм превратил группы в основных агентов, связывающих государство и общество, в главных субъектов государственного управления. Группы интересов смогут лучше донести свои нужды и требования до правительства через проявление социальной активности.

Группы интересов, объединенные в общественные организации, являются основными агентами, связывающими государство и общество, поскольку в сложно-организованном обществе человек имеет мало шансов быть услышанным властью и еще меньше повлиять на правительственные решения. На основе эмпирических исследований Р. Даль пришел к выводу, что организации групп интересов «необходимы для функционирования демократического процесса как такового, для минимизации правительственного принуждения, для политической свободы и для человеческого благополучия» [Dahl 1982: 1].

В таких условиях коллективная (групповая) точка зрения обладает большим значением для власти, чем индивидуальный голос, а сформированные группы представляют собой каналы, через которые люди реализуют свои демократические права и вступают во взаимодействие с правительством.

В соответствии с главным принципом плюрализма политическая система состоит из конкурирующих друг с другом организованных групп интересов и строится на их постоянной конфронтации. Критерием демократизма или либерализма является наличие большого числа групп интересов, между которыми возможна свободная конкуренция.

Правительству плюралисты отводят роль посредника во взаимодействии между заинтересованными группами. Каждая группа действует в собственных интересах. Исполнительная власть должна добиваться координации действий всех участников политического процесса, стремиться к достижению компромиссов. Государство выступает как незаинтересованный арбитр, позитивно реагирующий на воздействие множества групповых притязаний и фиксирующий в своих решениях достигнутый баланс интересов. Эти решения отражают разнообразие мнений и общественных потребностей, становятся результатом компромиссов противостоящих групп. Как отметил Е. Латам, «каждый нормативный документ представляет собой некий компромисс, поскольку разрешение межгрупповых конфликтов – это процесс обсуждения и поиска согласия» [Latham 1952: 390].

Р. Даль полагал, что соперничество групп в какой-то степени аналогично конкуренции в экономике, позволяющей установить равновесие между спросом и предложением. «Плюрализм – это политический аналог экономики свободного

рынка» [Золотарева 1999: 63–75]. Столкновение конкурирующих групп обеспечивает динамизм и равновесие общественно-политической системы. Принятие государственного решения, таким образом, – это результат свободной политической конкуренции между заинтересованными группами интересов, победы одних групп над другими, конкуренции, позволяющей установить равновесие между спросом и предложением [Almond, Verba 1965: 245].

Государство является своеобразным политическим рынком, который «фильтрует требования и интересы соперничающих групп и индивидов», а «правила рыночной торговли: учет спроса и предложения, стремление к выгоде, выравнивание цен и конкуренция продавцов и покупателей... выступают регуляторами, автоматически (без внешнего принуждения) обеспечивающими функционирование политической системы общества» [Павроз 2009: 8–9].

Если политическое влияние отдельных групп возрастает несоразмерно их реальной общественной значимости, а политика, которую проводит правительство под давлением этих групп, не соответствует воле большинства, то благодаря механизму конкуренции увеличивается численность оппозиционно настроенных групп, ставящих правительство перед выбором: либо изменить или внести корректировку в официальный курс, либо утратить общественную поддержку.

Степень влияния соперничающих групп на политический процесс обусловлена располагаемыми ресурсами. Однако политическая инициатива и реальное политическое влияние осуществляются не самой группой, а ее лидерами. Препятствием на пути узурпации власти какой-либо группой являются, по мнению Р. Даля, признание гражданами и элитами демократических ценностей и норм, следование «правилам игры», закрепленным в конституции и других правовых актах.

Общественно-политическое развитие конца 1960-х гг. показало, что реальность гораздо сложнее теоретических построений. Практика поставила под сомнение широко распространенное мнение плюралистов о том, что соревнование групп интересов обеспечивает всем равный доступ к ресурсам власти.

Теория плюрализма была подвергнута критике. Ее оппоненты говорили о «чрезмерной власти союзов», о «государстве союзов и профсоюзов», о том, что возникает опасность неуправляемости и хаоса. По этой, в частности, причине ее оппоненты требуют принятия закона о союзах для того, чтобы ограничить их стремление направить государство в нужном им направлении. Они доказывали, что в плюралистическом обществе «слабые интересы» не играют роли, их трудно организовать и у них мало шансов на реализацию, что новые интересы с трудом могут быть включены в сильные группы интересов [Аг 1995: 28, 30].

Критики плюралистического общества обвинили Р. Даля в недемократичности, утверждая, что чрезмерно развитые внесударственные организации порождают такие связи между правящими и управляемыми, которые недемократичны сами по себе, поскольку не регулируются демократическими инструментами и механизмами, ведь группы интересов – это формально неполитические организации.

Другой аргумент критиков состоял в том, что «волонтаристские ассоциации и организации, которые, по мнению теоретиков плюрализма, существуют для поддержки индивида перед унифицированной мощью правительства, сами по себе стали “олигархически управляемыми иерархическими структурами”» [Мухомин].

А. Блайндер** справедливо заметил, что «плюрализм процветает на изобилии и, по-видимому, в благополучные времена, когда добродетели плюралистического государства – терпимость многообразия, компромисс, прагматизм – перевешивают один смертельный порок правления методом фракционной политики, а именно его неспособность преследовать общий общественный интерес» [Зяблук 1999].

* * *

1. Существующие в современном мире корпоративные модели определяются наследием прошлого и политическими реалиями настоящего. Нынешний корпоративизм является инструментом примирения различных общественных интересов посредством переговорных процессов. Он включен в систему государственного управления. Его отличает отсутствие каких-либо связей и интереса к католическому корпоративизму. Неокорпоративистов не интересуют идеи социального христианства, но они не связаны и с идеологией фашистского корпоративизма.

2. Неокорпоративная модель обладает важными достоинствами. Она оказывает влияние на социальную стабильность, ограничивая рост конфликтов, повышает эффективность управления, сохраняет политическую стабильность общества и т. д. Экономический эффект неокорпоративизма состоит в стабилизации уровня занятости, распределения доходов, а также в положительном влиянии на экономический рост.

Благодаря неокорпоративистской политике стало возможным проведение сбалансированной социально-экономической политики. Она позволила включить группы интересов в процесс принятия политических решений; создать социальные пакты, гарантировавшие мирные трудовые отношения и превращавшие вчерашних антагонистов – профсоюзы, бизнес и государственные институты – в социальных партнеров; проводить экономическую политику, предполагавшую консультации властных органов по ключевым вопросам с представителями бизнеса и профсоюзов; осуществлять социально-экономическую политику, подразумевавшую учет интересов разных социальных групп в разных сферах.

3. Наряду с достоинствами современная неокорпоративная модель имеет и издержки, связанные в первую очередь с недостаточной гибкостью и открытостью в отношении нововведений, а также непрозрачностью принятия решений.

4. Плюрализм не получил широкого распространения в Европе. Он характерен для англосаксонских стран. США являются неким «эталонном», реализовавшим в полной мере плюралистические представления. Не задавая строгих правил при согласовании интересов, плюрализм ориентируется на развитие конкурентных начал в политике. Как любое общественное явление, плюрализм обладает достоинствами и недостатками. К несомненным его достоинствам относятся оперативность, гибкость принятия политических решений, а к недостаткам – то, что доступ к власти получают преимущественно самые влиятельные ассоциации, которые оттесняют другие группы интересов на второй план, что не всегда идет на пользу «общему делу».

** Член Совета экономических консультантов в первой администрации президента США Б. Клинтона, вице-председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы (ФРС), а впоследствии профессор экономики Принстонского университета.

Литература

Аг А. Организованные группы интересов и формирование государственной политики // Государственная служба. Группы интересов. Лоббирование. (Взгляд из-за рубежа.) Вып. 4 / отв. ред. Г. И. Иванов. М., 1995.

Белоусов Л. С. Корпоративизм и правовое регулирование трудовых конфликтов в Италии 1920–1930-х гг. // От античности до современности: сб. ст. М., 2012.

Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии / Дж. Бьюкенен // Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. Т. 1. М., 1997.

Виноградова Т. И. Лоббирование как социальная технология // На пути к публичной политике: 10 лет стратегии. СПб., 2003.

Золотарева Е. В. Группы интересов в политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 1999. № 1. С. 63–75.

Зяблюк Н. Г. Политический плюрализм: контуры американской модели // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 5. С. 9.

Ильичева Л. Е. Институционализация лоббизма в политическом процессе современной России (Становление, приоритеты, развитие): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002.

Мусихин Г. И. Плюрализм и корпоративизм как институциональные модели взаимодействия государства и общества [Электронный ресурс]. URL: http://new.hse.ru/sites/mbd/programs_doc/new_docs14.

Олсон М. Деволюция северной и немецкой экономик [Электронный ресурс]. URL: <http://ie.boom.ru/Referat>.

Павроз А. В. Теория политического плюрализма: сущность, противоречия, альтернативы. СПб., 2009.

Роман З. Группы интересов и экономические палаты // Государственная служба. Группы интересов. Лоббирование. (Взгляд из-за рубежа.) Вып. 4 / отв. ред. Г. И. Иванов. М., 1995.

Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI в. М., 2004.

Салмин А. М. Неокорпоративизм в странах Запада. Научно-аналитический обзор. М., 1984.

Сото Э. Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск, 2007.

Хиггс Р. Кризисы и квазикорпоративная политика в истории США [Электронный ресурс]. URL: http://www.cato.ru/pages/69?idcat=675&parent_id=2.

Шапкин И. Н. Теоретико-методологические истоки теории корпоративизма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 3. С. 43–53.

Шапкин И. Н. Корпоративистская практика. Опыт создания «корпоративной» экономики в Италии, Австрии, Испании, Португалии в 1920–1930-х гг. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 3. С. 40–51.

Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22.

Шмиттер Ф. Неокорпоративизм и консолидация неолемократии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zhurnal.ru/polit/articles/cup2.html>.

Almond G., Verba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston, 1965.

Crouch C. Pluralism and the New Corporatism: A Rejoinder // Politic Studies. 1983. Vol. 31. No. 3.

Dahl R. A. Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven, 1982.

Latham E. The Group Basis of Politics: Notes for a Theory // American Political Science Review. 1952. Vol. 46. Pp. 376–397.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В БЛИЖАЙШЕЙ И СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г.,
Андреев А. И., Алешковский И. А.**

В статье ставится вопрос о том, как распределяется мировое население между странами с различным уровнем интегрированности в глобальное пространство (в первую очередь экономическое). С использованием демографических проекций ООН рассчитывается прогноз того, как это распределение будет видоизменяться в ближайшие десятилетия. При этом для определения уровня глобальной интеграции стран применяется новый подход, основанный на методах сетевого анализа. Сделан вывод о том, что наблюдаемые демографические тенденции способны существенно замедлить рост глобальной интеграции.

Ключевые слова: глобализация, глобальная интеграция, измерение глобализации, измерение глобальной интеграции, уровень глобализации, уровень глобальной интеграции, демографические прогнозы.

The paper views the current distribution of the world population among the countries with varying levels of global integration (especially its economic aspect). We use the demographic projections presented by the United Nations to forecast the changes in this distribution over the next decades. The global integration is calculated with a new metrics based on social network analysis. We conclude that the observed demographic trends can cause a slowdown in the global integration processes.

Keywords: globalization, global integration, measurement of globalization, measurement of global integration, globalization level, level of global integration, demographic projections.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-78-20096.

** Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, стажер-исследователь факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: juliazin@list.ru.

Шульгин Сергей Георгиевич – к. э. н., заместитель заведующего Международной лабораторией демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Андреев Алексей Игоревич – к. б. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: andreev@fgp.msu.ru.

Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Введение

В последние десятилетия интерес мирового научного сообщества к явлению глобализации переживает бурный подъем. Среди множества исследований природы глобализации и ее наблюдаемых и предполагаемых последствий особняком стоят относительно немногочисленные исследования, ставящие своей целью измерение глобализации. Тот факт, что попытки измерить глобализацию встречаются в науке не столь часто, как можно было бы предположить, а также то, что до сих пор отсутствует единая общепринятая методика измерения глобализации, следует отнести на счет чрезвычайной сложности и многомерности самого изучаемого явления. Действительно, вполне очевидно, что методика измерения глобализации должна напрямую зависеть от определения этого явления. Подобных же определений в настоящее время в научной литературе существует несколько сотен – это и «сжатие времени и пространства», и «начало безграничного мира», и «идеологический конструкт», и «глобальный торговый центр», и «всемирная интеграция человечества», и «исчезновение национального государства», и «триумф капиталистической мировой экономики», и «макдональдизация мира» [источники определений см.: al-Rodhan, Stoudmann 2006: 41–62]. Видный российский исследователь глобализации А. Н. Чумаков обращает внимание на то, что непрерывные дискуссии продолжаются и вокруг других важнейших понятий, составляющих костяк категориального аппарата глобалистики: глобальные проблемы, глобализм, антиглобализм, глобальный мир, глобальное человечество, интернационализация, глобальная экономика, глобальная политика, глобальная преступность, глобальная культура и т. п. [Чумаков 2014: 41]. В такой ситуации следует понимать, что ответ на любой конкретный вопрос, заданный исследователями глобализации (и даже постановка этого вопроса), будет неизбежно зависеть от выбранного определения глобализации и дискурса ее исследования [Зинькина и др. 2016: 16].

В настоящей работе мы опираемся на понимание глобализации, предложенное выдающимся глобальным политологом и экономистом Дж. Моделски. Оно заключается в сочетании «коннективистского» подхода, рассматривающего глобализацию как увеличение трансграничных взаимодействий, связей и потоков, и институционального подхода, объясняющего глобализацию как возникновение институтов планетарного масштаба¹ [Modelski 2008]. Следуя этому подходу, мы отобрали ряд глобальных институтов, имеющих сетевую структуру, таких как глобальная торговая сеть, глобальная сеть инвестиций и глобальная сеть миграционных потоков, для того, чтобы построить для них сетевые модели и применить методы сетевого анализа, получая, таким образом, характеристики структурного положения каждой страны в этих глобальных сетях. Эти характеристики затем позволяют рассчитать уровень глобальной интеграции каждой страны именно с точки зрения ее сетевых связей, что соответствует подходу Моделски.

Отметим, что в данной работе мы ни в коей мере не претендуем на полноту представленных нами измерений – она является скорее своего рода «приглашением к разговору», исследованием потенциала сетевых методов в измерении уровня

¹ Подчеркнем, что термин «институты» Дж. Моделски понимал в этом случае максимально широко, включая в него всемирную свободную торговлю, транснациональные корпорации, глобальное управление, всемирные социальные движения и идеологии и т. д. [Modelski 2008].

глобальной интеграции стран. Даже в экономическом аспекте глобализации к перечисленным нами сетям могут быть добавлены еще некоторые, а те, что мы назвали, могут быть детализованы. Так, глобальную торговую сеть мы подразделяем на две сети – торговли товарами и услугами. Однако теоретически возможны и дальнейшие детализации (к примеру, глобальную миграционную сеть можно разделить на учебную, трудовую и иную миграцию; глобальная сеть трудовой миграции может быть, в свою очередь, разделена на высококвалифицированную и низкоквалифицированную и т. д.). Неохваченными остаются также глобальные сети политических связей и связей социокультурных (хотя к последним в какой-то степени может быть отнесена глобальная миграционная сеть). Тем не менее мы полагаем, что измерение глобальной интеграции стран через сетевые методы даже на ограниченном числе глобальных сетей представляет исследовательский интерес.

Однако еще больший интерес представляют не только сами по себе значения уровней глобальной интеграции, но и их взаимовлияние с другими аспектами глобальной динамики человеческого сообщества. В настоящей статье мы фокусируемся на перспективах взаимодействия глобальной интеграции и демографической динамики в ближайшие десятилетия. Многие мировые исследователи убедительно показывали, что ближайшее будущее ожидается весьма турбулентным с демографической точки зрения – старение населения в первом мире, а также быстрый рост численности населения и образование «молодежных бугров» в ряде беднейших развивающихся стран, согласно прогнозам, могут вызвать значительную турбулентность в сложившемся мировом политическом и экономическом порядке [см., например: Weiner, Russell 2001; Coleman, Rowthorn 2011; Sciubba 2011; Yoshihara, Silva 2012; Apt 2013; Goldstone *et al.* 2012; 2014; Kim, Sciubba 2015; Teitelbaum 2015]. В этом контексте мы рассматриваем одну из проблем, способных оказать существенное влияние на мировую политическую и экономическую ситуацию, а именно – то, как распределяется в настоящее время мировое население между высоко-, средне- и низкоинтегрированными странами и какие изменения это распределение претерпит в ближайшие десятилетия в связи с прогнозируемыми демографическими изменениями в разных странах.

Данные и методы

Для исследования применялись данные по глобальной сети торговли товарами (в качестве базовых данных использована статистика импорта в текущих ценах в долларах) [United Nations 2017a], глобальной сети торговли услугами [World Bank 2017], глобальной сети накопленных запасов инвестиций [United Nations 2017a] и глобальной сети накопленных запасов миграции [United Nations 2017b]. Эти четыре сети исследуются на трех временных периодах: 2000–2004, 2005–2009 гг. и с 2010 г. по настоящее время. Демографические прогнозы численности населения различных стран мира взяты по расчетам Отдела народонаселения ООН [United Nations 2017c].

Для каждого периода данные по каждой из сетей были преобразованы в бинарную матрицу, то есть такую таблицу, где столбец *A* представляет данные о связях страны *A* с каждой из остальных стран в глобальной сети. Далее использовались методы сетевого анализа, более подробное их описание представлено в других наших работах [см., например: Shulgin *et al.* 2018]. Здесь лишь отметим

кратко основную суть: для каждой страны определяется максимально связанное подмножество стран, к которому она принадлежит (k_i); затем такое подмножество определяется для всей сети в целом (k_{\max}). Далее минимальное число связей одного узла (страны) в первом подмножестве (k_i) делится на таковое во втором подмножестве (k_{\max}) – это отношение (k_i/k_{\max}) является сетевой характеристикой страны. Например, полученный показатель будет равен 1, если страна принадлежит к максимально связанному подмножеству сети в целом. Или, например, этот показатель составит 0,5, если максимальная связность страны в 2 раза ниже (слабее), чем максимальная связность сети в целом. Если страна совсем не имеет связей с другими странами, этот показатель для нее будет равен 0.

Итак, максимальный показатель связности для страны в одной глобальной сети равен 1; соответственно, поскольку мы учитываем 4 сети, суммарный показатель уровня глобальной интеграции страны в нашей метрике составит 4.

Результаты

В зависимости от значения суммарного показателя уровня глобальной интеграции мы классифицировали страны на 6 категорий (в каждой категории страны перечислены в порядке убывания значений этого показателя):

- «лидеры глобальной интеграции» (страны, имеющие значения уровня глобальной интеграции в диапазоне от 3.99 до 4.00): Великобритания, США, Германия, Италия, Франция, Испания;

- страны с высоким уровнем глобальной интеграции (3.75–3.99]: Нидерланды, Швейцария, Бельгия, Китай, Япония, Канада, Россия, Ирландия, Швеция, Австралия, Польша, Южная Корея, Австрия, Дания, Индия, Бразилия, Сингапур, Норвегия, Гонконг;

- страны с уровнем глобальной интеграции выше среднего (3–3.75]: Турция, Венгрия, Финляндия, Португалия, Чехия, Люксембург, Греция, ЮАР, Таиланд, Малайзия, Румыния, Чили, Израиль, Мексика, Болгария, Новая Зеландия, Словакия, Индонезия, Кипр, Украина, Филиппины, Аргентина, Хорватия;

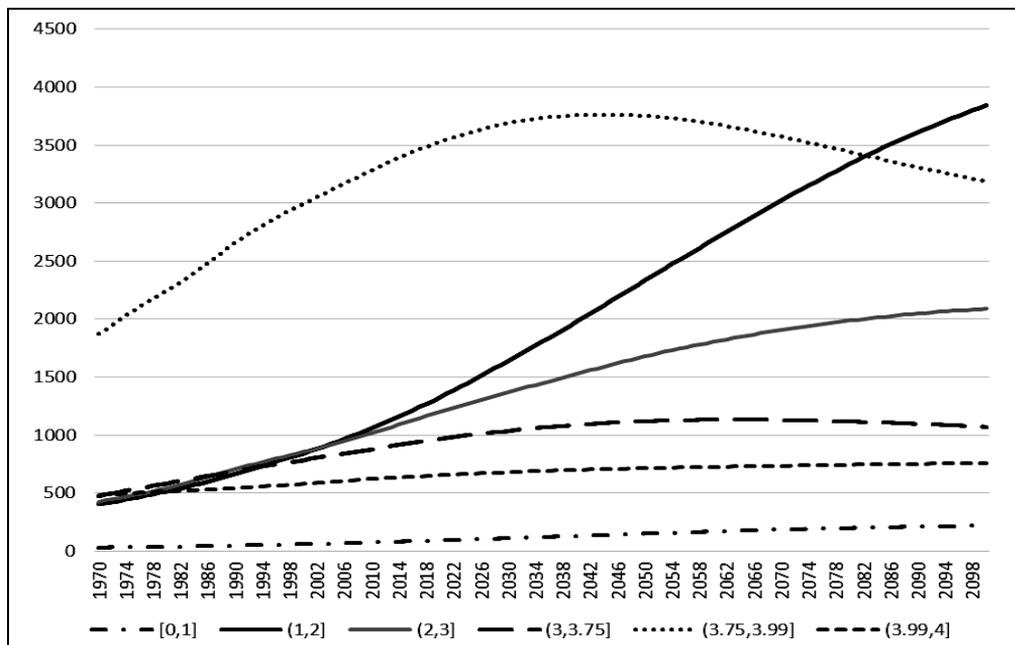
- страны со средним уровнем глобальной интеграции (2–3]: Пакистан, Египет, Литва, Словения, Латвия, Эстония, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Мальта, Венесуэла, Нигерия, Иран, Саудовская Аравия, Казахстан, Колумбия, Беларусь, Исландия, Вьетнам, Перу, Уругвай, Кувейт, Панама, Сербия, Бангладеш, Катар, Маврикий, Азербайджан, Алжир, Ливан, Иордания;

- страны с низким уровнем глобальной интеграции (1–2]: Ливия, Шри-Ланка, Бахрейн, Эквадор, Коста-Рика, Грузия, Сирия, Босния и Герцеговина, Тунис, Оман, Македония, Албания, Гана, Молдавия, Бермудские острова, Каймановы острова, Эфиопия, Кения, Йемен, Доминиканская Республика, Ирак, Армения, Боливия, Кыргызстан, Гватемала, Багамские острова, Судан, Кот-д'Ивуар, Танзания, Парагвай, Узбекистан, Замбия, Ангола, Афганистан, Сенегал, Уганда, Виргинские острова, Непал, Камбоджа, Демократическая Республика Конго, Камерун, Сальвадор, Черногория, Мозамбик, Мьянма, Гондурас, Куба, Палестина, Никарагуа, Намибия, Зимбабве, Мали, Того, Тринидад и Тобаго, Бенин, Либерия, Барбадос, Габон, Ямайка, Ботсвана, Буркина-Фасо, Руанда, Мавритания, Малави, Гвинея, Нигер, Макао, Северная Корея, Монголия, Сомали, Таджикистан, Туркменистан, Мадагаскар, Сьерра-Леоне, Бурунди, Белиз, Бруней-Даруссалам;

• страны с самым низким уровнем глобальной интеграции (0–1]: Свазиленд, Гайана, Лаос, Гамбия, Кабо-Верде, Гаити, Суринам, Эритрея, Папуа – Новая Гвинея, Кюрасао, Аруба, Центрально-Африканская Республика, Чад, Андорра, Экваториальная Гвинея, Лесото, Гвинея-Бисау, Бутан, Южный Судан, Гренландия, Джибути (в эту группу входит также значительное число мелких островных государств и зависимых территорий; для краткости изложения мы не будем их приводить в этом списке; интересующиеся читатели могут ознакомиться с полным списком стран, входящих в эту категорию, по следующей ссылке: <https://drive.google.com/open?id=0B2PD1YBY68PWN0FaRF9faUVtR1k>).

Далее мы переходим к анализу распределения мирового населения между выделенными шестью группами стран. Для прогнозирования динамики этого распределения нам необходимы страновые прогнозы численности населения (прогнозные значения населения стран, входящих в определенную группу, суммируются). Мы используем прогнозы, рассчитанные Отделом народонаселения ООН согласно среднему сценарию; горизонт прогнозирования простирается до 2100 г.

Итак, для каждой группы стран мы рассчитываем суммарную численность населения на каждый год в период с 1970 г. по настоящее время (используются данные Отдела народонаселения ООН), а также суммарную прогнозируемую численность населения на каждый год с 2018 до 2100 г. Реальная и прогнозируемая динамика численности населения с 1970 по 2100 г. для каждой группы стран представлена на рисунке.

Реальная и прогнозируемая динамика численности населения с 1970 по 2100 г. для групп стран с различными уровнями глобальной интеграции, млн человек

Источник: авторские расчеты по данным и прогнозам (средний сценарий) Отдела народонаселения ООН [United Nations 2017c].

Наиболее густонаселенную группу в настоящее время представляют собой страны с высоким уровнем глобальной интеграции, хотя по числу стран эта группа не является самой многочисленной. Этот факт следует отнести в первую очередь на тот счет, что к данной группе принадлежат две наиболее населенные страны мира – Китай и Индия. В целом в странах с высоким уровнем глобальной интеграции сейчас проживает почти половина населения мира (3,46 млрд человек). Второе место (с большим отрывом) по текущей численности населения принадлежит группе стран с низким уровнем глобальной интеграции – в них сейчас проживает 1,15 млрд человек – и группе стран со средним уровнем глобальной интеграции (также 1,15 млрд человек). Группа стран с уровнем глобальной связности выше среднего насчитывает население в 940 млн человек, примерно 640 млн проживают в странах – лидерах глобальной интеграции, и, наконец, 85 млн человек являются жителями наименее интегрированных стран.

Однако анализ демографических прогнозов показывает, что текущее распределение мирового населения по группам стран с различным уровнем глобальной интеграции претерпит весьма значительные изменения в ближайшие десятилетия. Если говорить в общих чертах, то наиболее значимые изменения можно охарактеризовать следующим образом: доля населения, живущего в странах-лидерах, а также в странах с высоким уровнем глобальной интеграции и уровнем выше среднего, снизится уже к 2050 г. и еще сильнее – к 2100 г. Напротив, доля жителей стран со средним, низким и самым низким уровнем глобальной интеграции заметно возрастет (см. таблицу).

Абсолютная численность (млн человек) и относительная доля (%) мирового населения, проживающего в настоящее время и по прогнозам в группах стран с различным уровнем глобальной интеграции в 2017, 2050 и 2100 гг.

Группа стран по уровню глобальной интеграции	Население в 2017 г., млн человек	Население в 2050 г., млн человек	Население в 2100 г., млн человек	Население в 2017 г., % от мирового	Население в 2050 г., % от мирового	Население в 2100 г., % от мирового
Лидеры	643,4	714,3	757,9	8,7	7,3	6,8
Высокий уровень	3464,1	3752,8	3186,3	46,6	38,5	28,5
Уровень выше среднего	941,3	1118,9	1070,2	12,7	11,5	9,6
Средний уровень	1146,1	1677,9	2088,0	15,4	17,2	18,7
Низкий уровень	1146,1	2331,5	3843,2	15,4	23,9	34,4
Самый низкий уровень	85,3	149,1	218,6	1,1	1,5	2,0

Наиболее выраженный рост населения как в абсолютном, так и в относительном измерении прогнозируется для стран с низким уровнем глобальной интеграции. В настоящее время в них проживает 15,4 % мирового населения, однако уже

к 2050 г. этот показатель возрастет более чем в 1,5 раза, а к 2100 г. – более чем в 2 раза. В абсолютном выражении численность населения этой группы стран возрастет более чем вдвое к 2050 г. и более чем в 3 раза – к 2100 г. Напротив, доля людей, проживающих в странах с высоким уровнем глобальной интеграции, согласно прогнозам, значительно снизится (в 1,5 раза к 2100 г.). В абсолютном выражении численность населения стран в этой группе будет расти (постепенно замедляясь) вплоть до второй половины 2040-х гг., а во второй половине столетия несколько снизится. Далее мы рассмотрим некоторые наиболее важные факторы ожидаемых изменений и их возможные последствия для глобального мира.

Обсуждение результатов и заключение

Для начала рассмотрим саму природу ожидаемых изменений. Важно подчеркнуть, что перераспределение мирового населения между группами стран с различными уровнями глобальной интеграции будет преимущественно происходить не в результате возникновения каких-то колоссальных миграционных потоков, но вследствие того факта, что страны мира находятся на различных стадиях глобального демографического перехода и соответственно темпы естественного прироста и естественной убыли в них сильно различаются. Так, большинство стран с наивысшими и высокими уровнями глобальной связности уже завершили демографический переход (к примеру, европейские государства) либо находятся близко к его завершению (к примеру, Индия). Уровень рождаемости в большинстве этих стран либо примерно соответствует уровню, необходимому для простого воспроизводства населения, либо (весьма нередко) оказывается даже ниже этого уровня. Соответственно, согласно прогнозам, абсолютный прирост населения в ряде государств этих групп окажется небольшим, а во многих странах и вовсе отрицательным (то есть ожидается естественная убыль населения), особенно во второй половине XXI в. Напротив, к группе с низким уровнем глобальной связности принадлежат многие страны (в основном речь идет о государствах Тропической Африки), вступившие в демографический переход с большим запозданием и сохраняющие высокие уровни рождаемости (в ряде государств – более 5 детей на женщину) [см.: Zinkina, Korotayev 2014; Korotayev, Zinkina 2015; Korotayev *et al.* 2016]. В этих странах чрезвычайно большую долю населения составляют дети и молодежь, а это означает накопление колоссальной демографической инерции; даже если рождаемость в этих странах снизится до уровня простого воспроизводства в ближайшие 10–15 лет (что крайне маловероятно), удвоение абсолютной численности населения в таких странах все равно окажется практически неизбежным [Zinkina, Korotayev 2014].

Итак, с демографической точки зрения значительный рост численности населения, проживающего в странах с низким уровнем глобальной связности, представляется практически неизбежным в ближайшие десятилетия. Однако возможно ли, что эти страны смогут повысить свой уровень глобальной связности и перейти, скажем, в средний или даже в высший эшелон по этому показателю? Различные индексы измерения глобализации, казалось бы, подразумевают, что это возможно – у многих стран уровень глобализации, измеренный через индексы, колеблется от года к году, иногда довольно заметно. Однако подобная волатильность, на наш взгляд, может быть связана с самой природой составления индексов как подхода к измерению глобализации [подробнее см.: Zinkina *et al.* 2013]. Сете-

вой подход к измерению глобализации дает несколько более стабильные значения уровней глобальной интеграции (в том числе и за счет того, что значения входящих в него показателей берутся не ежегодные, а за 5-летний период). Разумеется, собственно значения уровней глобальной интеграции различных стран испытывают определенные изменения от одного периода к другому, однако крайне редко эти изменения оказываются настолько велики, чтобы обеспечить переход конкретной страны из одной группы в другую. Так, в период с 2005 г. по настоящее время лишь 2 из 237 стран и территорий – Индия и Сингапур – смогли перейти в группу более высоких значений (из группы выше среднего в группу высоких уровней глобальной интеграции). За почти 20-летний период, с 2000 г. по настоящее время, переход в более высокую группу смогли осуществить 10 из 237 стран и территорий:

- Бразилия, Россия, Индия, Сингапур – из группы выше среднего в группу высоких уровней глобальной интеграции;
- Румыния, Чили – из средней группы в группу выше среднего;
- Маврикий, Сербия – из низкой группы в среднюю;
- Палестина, Черногория – из самой низкой группы в низкую.

Таким образом, можно видеть, что большая часть переходов в более высокие группы осуществлялась странами, имеющими уровень глобальной интеграции от среднего и выше. Среди стран, чей уровень глобальной интеграции был ниже среднего, осуществить такой переход смогли лишь 4 государства, причем в трех из них этот переход представлял собой, по всей видимости, не столько выход на новый уровень, сколько восстановительный рост после серьезных военных конфликтов. Из всего вышесказанного следует, что значительное повышение уровня глобальной интеграции той или иной страны представляет собой достаточно медленный и сложный процесс – соответственно, значительная часть стран с низким уровнем интеграции, по всей вероятности, останется в этой же группе в течение ближайших десятилетий. С учетом прогнозируемого в данной группе удвоения численности населения можно предполагать, что заметно большая доля мирового населения будет проживать в странах с низким уровнем глобальной интеграции, что может повлечь за собой даже определенную деглобализацию и/или рост мирового неравенства по уровню глобальной интеграции. Эти тенденции, безусловно, нуждаются в дальнейшем более глубоком и тщательном изучении. Однако уже сейчас можно с уверенностью заявить, что они должны учитываться при построении разного рода глобальных прогнозов, поскольку эти процессы способны существенно трансформировать привычный нам облик глобального мира.

Литература

Зинькина Ю. В., Ильин И. В., Андреев А. И., Алешковский И. А., Коротаев А. В. Историческая глобалистика. Т. 1. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», Изд-во Моск. ун-та, 2016.

Чумаков А. Н. 2014. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. Т. 2. № 14. С. 39–51.

Al-Rodhan N. R. F., Stoudmann G. Definitions of Globalization: A Comprehensive Overview and a Proposed Definition. Geneva : Editions Slatkine, 2006.

Apt W. 2013. Germany's New Security Demographics: Military Recruitment in the Era of Population Aging. N. p. : Springer Science & Business Media, 2013.

Coleman D., Rowthorn R. Who's Afraid of Population Decline? A Critical Examination of its Consequences // *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37. No. s1. Pp. 217–248.

Goldstone J. A., Kaufmann E. P., Toft M. D. (Eds.). *Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics*. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Goldstone J. A., Marshall M. G., Root H. Demographic Growth in Dangerous Places: Concentrating Conflict Risks // *International Area Studies Review*. 2014. Vol. 17. No. 2. Pp. 120–133.

Kim T., Sciubba J. D. The Effect of Age Structure on the Abrogation of Military Alliances // *International Interactions*. 2015. Vol. 41. No. 2. Pp. 279–308.

Korotayev A., Zinkina J. East Africa in the Malthusian Trap? // *Journal of Developing Societies*. 2015. Vol. 31. No. 3. Pp. 385–420.

Korotayev A., Zinkina J., Goldstone J., Shulgin S. Explaining Current Fertility Dynamics in Tropical Africa from an Anthropological Perspective: A Cross-Cultural Investigation // *Cross-Cultural Research*. 2016. Vol. 50. No. 3. Pp. 251–280.

Modelski G. *Globalization as Evolutionary Process* // *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change* / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson. London; New York : Routledge, 2008. Pp. 11–29.

Sciubba J. D. *The Future Faces of War. Population and National Security*. Santa Barbara, CA : Praeger, 2011.

Shulgin S., Zinkina J., Andreev A. Measuring Globalization: Network Approach to Countries' Global Connectivity Rates and Their Evolution in Time // *Social Evolution and History*. 2018. No. 2. Forthcoming.

Teitelbaum M. S. Political Demography: Powerful Trends Under-attended by Demographic Science // *Population Studies*. 2015. Vol. 69. Sup. 1. Pp. S87–S95.

United Nations. 2017a. UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 10.07.2017).

United Nations. 2017b. International Migrant Stock 2015. International Migrant Stock by Destination and Origin [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2017c. World Population Prospects: The 2017 Revision [Электронный ресурс]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 31.07.2017).

Weiner M., Russell S. S. (Eds.). *Demography and National Security*. New York, NY : Berghahn Books, 2001.

World Bank. 2017. Trade in Services Database [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/data-catalog/trade-in-services> (дата обращения: 24.07.2017).

Yoshihara S., Sylva D. A. (Eds.). *Population Decline and the Remaking of Great Power Politics*. Washington, DC : Potomac Books, Inc., 2012.

Zinkina J., Korotayev A. Explosive Population Growth in Tropical Africa: Crucial Omission in Development Forecasts-emerging Risks and Way out // *World Futures*. 2014. Vol. 70. No. 2. Pp. 120–139.

Zinkina J., Korotayev A., Andreev A. Measuring Globalization: Existing Methods and Their Implications for Teaching Global Studies and Forecasting // *Campus-Wide Information Systems*. 2013. Vol. 30. No. 5. Pp. 321–339.

ПОСТАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: К ЛОГИКЕ НЕЛИНЕЙНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ

Муза Д. Е.*

Статья посвящена проблеме перехода человечества к постантропологической перспективе, который рассматривается под углом зрения утраты современным человеком его сущностных признаков и их замены на «плавающие» характеристики. Цель статьи – рассмотреть нелинейную драматургию этого перехода под углом зрения двух катализаторов: современных технологий и рыночных игр. Причем такая интерпретация опирается на представление о том, что технология и экономика как онтологические (институциональные) размерности современного социума могут быть представлены через контрапункт, как и через эквипотенциальную систему – техноэкономику.

Ключевые слова: *распад сущности Ното, постчеловек, техноэкономика, нелинейность, постантроподинамика.*

The article is devoted to the problem of the transition of mankind to the post-anthropological perspective, which is viewed from the point of view of the loss of its essential features by a modern person and their replacement by «floating» characteristics. The purpose of the article is to consider the nonlinear dramaturgy of this transition from the point of view of two catalysts: modern technologies and market games. Moreover, such an interpretation rests on the idea that technology and economy, as ontological (institutional) dimensions of modern society, can be represented through counterpoint, as well as through equipotential system – techno-economic paradigm.

Keywords: *decay of Homo essence, post-human, techno-economic paradigm, nonlinearity, post-anthropo-dynamics.*

Современные дискуссии о человеке все чаще акцентируют факт трансгрессии этого существа к новым онтологическим рубежам и интригам. Думается, что это вовсе не случайно, поскольку на повестке дня тенденция окончательной утраты Ното своего главного, субстанциального индикатора и замены его на мульти-модальные структуры и прогрессирующие конфигурации функционалов.

Речь идет о «человеке Тьюринга», «кибернафтах», e-homo, Nano-sapiens'е, «бионических ангелах» и пр. Нередко можно слышать о наступлении «эпохи нового тела», преодолении биосферной и социосферной «ограниченности», разрушении прямолинейности и подчеркнутой ушербности фило-, онто- и социогенетики. Между тем новая эпоха обещает быть эпохой улучшенного вида или же его радикальной трансформации, причем в аспекте монадности, размещенной в пост-

* Муза Дмитрий Евгеньевич – д. ф. н., профессор, член-корреспондент Крымской академии наук, начальник научного отдела ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт» МОН ДНР. E-mail: no_donpi@mail.ru.

биосферном и информационно-цифровом мирах с принципиально непредустановленной гармонией.

Иначе говоря, достаточно определенный образ человека поставлен постмодернистской культурой с ее «техногнозисом» и «техно-аутопоэзисом» под радикальное сомнение, а взамен предлагаются варианты его черновиков, прямо или косвенно указывающих на тенденцию перехода в состояние «пост-». Конечно, у данной трансгуманистической тенденции есть свои объективные предпосылки: «Лавина ущербных и немощных детей нарастает практически во всех индустриально развитых странах, что уже ассоциируется с начавшимся вырождением кроманьонца как вида... Не исключена уже социогенетическая смена его постчеловеческим разумным существом» [Демиденко 2003: 151].

Однако такая общая проблемная рамка нуждается в концептуальной конкретизации, что, собственно, и предпринимается в настоящей статье. В ней преследуется цель – рассмотреть антропологический переход, его нелинейную драматургию под углом зрения двух катализаторов: современных технологий и рыночных игр. Причем такая интерпретация опирается на представление о том, что технология и экономика как онтологические размерности современного социума могут быть представлены через контрапункт и через эквипотенциальную систему – техноэкономику.

Если обратиться к современной рефлексии этого перехода, то в ее зеркале обнаруживается ряд любопытных обстоятельств. Например, украинский автор В. Г. Табачковский убедительно показал метаморфоз от классического (моносущностного) понимания человека к нынешним вариациям его полисущностной, дискретно организованной природы [Табачковский 2005]. В этом же духе, но иными методологическими акцентами («природа человека является многоуровневой, а его сущность – многомерной») выразил свою позицию дуэт известных российских философов – С. А. Лебедева и Ф. В. Лазарева [Лебедев, Лазарев 2010: 34]. Но правоту этих медитаций подтверждают и более конкретные (прицельные) исследования.

К примеру, Ю. Хабермас, много говоривший о «генно-технологической самоинструментализации» человека, не видел в «натуралистическом футуризме» чего-то странного, ведь ранее натурализм физики, неврологии и эволюционной биологии преодолел классические монообразы человека, созданные религией и метафизикой [Хабермас 2002: 107]. Правда, нынешний этап «либеральной евгеники» несет в себе ряд этических дилемм, в конце концов возвращающих нам прежний облик Номо. В свою очередь, Ф. Фукуяма указывает на биотехнологическую революцию, то есть на открытия нейрофармакологии и молекулярной биологии как главные инструменты конституирования постчеловеческого будущего. Именно чрезвычайная «пластичность» человеческой природы, открытая наукой и подпитываемая новыми формами свободы, открывает новое измерение истории [Фукуяма 2004: 305–308].

Однако тональность дискурса о человеческо-постчеловеческом уделе может быть и другой. На ином, а именно – сверхдинамичном глобально-социокультурном аспекте утраты человеком себя делает акцент О. Тоффлер: «...по мере разрушения научных, экономических, политических и других границ размывается само понятие того, что значит быть человеком» [Тоффлер 2008: 531]. Это размывание, с чем можно согласиться, имеет свои эпистемологические причины: мы

являемся свидетелями и соучастниками изменения типа рациональности, а именно – использования такого способа мышления, который имеет сугубо функциональные отношения и количественные показатели бытия [Муза 2013: 72–73]. В этом створе и ищется единая «ментальная» формула, обеспечивающая присутствие постчеловека в универсуме.

В данном контексте наиболее сильным аргументом, указывающим на финализм начавшегося процесса, выступает аргумент к Сингулярности: расчеты Г. Д. Снукса, А. Д. Панова и Р. Курцвейла показали, что сократившиеся периоды между глобальными фазовыми переходами в истории биосферы и антросферы плюс увеличение скорости глобальных изменений неизбежно приведут к появлению «великого эскалатора», устраняющего экономические, экологические и прочие диспропорции. И с «бессмертным носителем разума» (!) [Назаретян 2017: 299–344].

Но все же онтологические размерности в рамках постантропологического дискурса выступают как базисные, поскольку они задают структурно-топологические, ритмические и семантические координаты жизни. В отношении прояснения наличной онтологической специфики несомненный интерес представляют работы двух российских авторов – С. С. Хоружего и В. А. Кутырева.

Так, С. С. Хоружий прямо указывает на причины происходящего, то есть на изменение человеческого бытийного горизонта: «Генетические и гендерные эксперименты, практики трансгрессии (включая феномен суицидального терроризма), экстремальные психопрактики, “кислотные” и виртуальные практики... – весь этот спектр явлений, как мы говорили, выражает некоторые перемены с Человеком. Что это за перемены, как можно их охарактеризовать? В первую очередь, во всех перечисленных явлениях видна одна общая черта. Если и не все они имеют непосредственно кризисный и катастрофический характер, то заведомо все имеют характер *предельный*: все они суть такие явления и практики, в которых Человек устремляется к пределу, к границе своих возможностей, самого горизонта своего существования: к той области антропологических проявлений, в которой начинают изменяться фундаментальные предикаты способа существования человека и которую естественно называть *антропологической границей*. Далее, надо обратить внимание на беспрецедентное множество и разнообразие, предельную же широту диапазона совершающихся предельных явлений. Это свидетельствует о том, что “предельность” – погруженность в предельные практики и стратегии, акции, формы поведения – становится для Человека самоценностью, самоцелью. Человек стремится актуально осуществить и испытать все и любые в принципе возможные предельные проявления, стремится активизировать, актуализовать весь их существующий круг, репертуар. Эту особенность и можно считать общей определяющей чертой той антропологической динамики, которая обнаруживается во всем комплексе новых характерных явлений антропологической ситуации наших дней» [Хоружий].

В свою очередь, В. А. Кутырев в своем триптихе показал: схватка «естественного» и «искусственного», борьба «культуры» и «технологии» трансформировались в борьбу человека со своим иным. Причем он заявляет о «Великой, всеобъемлющей нигилистической революции», которая не только удалила «файл» Бытия, заменив его возможными (виртуальными) мирами, а на место Homo sapiens воздвигла «Computer science искусственный». Причем эта революция происходит

под лозунгом «инонизма», то есть достижения мира количества, онтологии «чужого» и нигитологии, наконец, «идеологии отказа человеческого вида от продолжения своего рода» [Кутырев 2009: 144].

Как видим, обрисованные трансформации человека и его мира находят в современных дискурсах свое определенное выражение. Но в данной ситуации, как представляется, нужна дополнительная рефлексия, осуществляемая с целью выработки метапозиции, связанной с синергетическим пониманием происходящего.

Итак, если конкретизировать разнообразие дискурсов через идею перехода (поворота) в новую стадию, то напрашивается следующее: а) в *настоящий момент «снята» привычная (психофизиологическая) онтология человека – онтологией постлюдей, в которой обретыены новая телесность и гиперинтеллект, а также созданы невиданные ранее функционалы и установлены иные типы связей в рамках заметно трансформированной диметрии; б) конституирован оптимальный тип реальности – виртуальная реальность, которая онтологически независима от предметного мира и его модусов и вообще выступает в качестве смыслового экстракта постчеловеческого бытия; в) радикально изменен хронотон бытия пост-ноты, причем таким образом, что привычным метрикам в «сетевом сообществе» и «обществе потребления» нет места, а взамен предложены сеть техно-виртуальных топосов и кластер «вечно настоящего»; г) артикулированы и методично культивируются «нечеловеческие» цели, интересы и ценности. Все бы хорошо, но этот суммативный трансгрессирующий феномен на глазах становится феноменом глобального масштаба и уровня сложности.*

Нужно заметить, что проблема человека нередко осознается в виде проблемы его адаптации к современным, радикально меняющимся условиям жизни. Формально это справедливо. Еще в советской глобалистике ей было уделено внимание под углом зрения демографии, биологии и социологии (работы И. Т. Фролова, В. В. Загладина, А. Н. Чумакова и др.). Сегодня она находится в фокусе внимания различных специалистов – эволюционной биологии и психологии, этологии и кибернетики, когнитивной неврологии и социологии, антропологии и этики. При этом, как правило, указывается на ее позитивное звучание. Но осмысление проблемы человека предлагается также вести средствами философии, которая привыкла видеть всякую проблему не только с лицевой, но и с изнаночной стороны. Поэтому сегодняшняя посылка философии – установить и описать так называемые «антропологические ловушки» (кризис идентичности, медийное манипулирование сознанием, дегуманизация, гегемония массовой культуры) – выглядит оправданным. Последние связаны: а) с реализацией уродливых социально-антропологических доктрин; б) разрушением базисных определений *Homo sapiens*; в) осуществлением негативных цивилизационных, геополитических процессов, в том числе глобализации [Лазарев 2008: 39].

Проще говоря, философия не может миновать тот факт, что антропологическая эволюция (вплоть до ставших очевидными тупиков и ловушек) своим динамизмом обязана Западу¹, точнее, западной цивилизации модерна и ее нынешней трансформации в постмодерн.

¹ В этом отношении справедлива ремарка П. Тейяра де Шардена о том, что «ведущая ось антропогенеза прошла через Запад», поскольку «все, что было давно известно в других местах, приняло окончательное человеческое значение, лишь войдя в систему европейских идей и европейской деятельности» [Тейяр де Шарден 1987: 170].

Нужно заметить, что к такому пониманию, а именно: «антропологического излома», «антропологического тупика», «антропологического кризиса» – пришли не сегодня. В наиболее общем виде эта проблема была поставлена О. Тоффлером в его программной работе «Футурошок» (1972): в результате встречи с радикальными переменами в жизненном укладе, формах, ритме возникло особое психобиологическое состояние человека – боязнь перемен. При нарастающих изменениях во внешней среде происходит изменение психического состояния людей (ощущения «бомбардированы», индивиды пребывают в состоянии «информационной перегрузки», решения принимаются в состоянии стресса, без должной рефлексии и оценки). В результате мы можем наблюдать миллионы (если не миллиарды) «жертв футурошока». Правда, Тоффлер интерпретировал перемены как *вторжение будущего в настоящее* и на этом основании пытался построить «мировую теорию адаптации». Она предполагала управление изменениями в сторону смягчения их последствий, демократизацию самих методов и пересмотр всех (в том числе технократических как неадекватно представляющих цели человечества) ориентаций в будущее. Однако, как мы знаем теперь, вторжение будущего², проходившее без надлежащей амортизации, как раз и обернулось неисчислимыми жертвами, в том числе потому, что темпы научного, технологического и социального изменения затронули «химическую и биологическую стабильность человеческой расы» [Тоффлер 1997: 276].

В немалой степени трансформации вида Номо были ускорены в 90-е гг. XX столетия. Эта проблема зазвучала иначе, и прежде всего в связи с *биотехнологической революцией* (разработка и внедрение в практику новых лекарственных средств, успехи в исследовании стволовых клеток, генная инженерия). Считается, что именно с ее помощью открылась возможность заняться евгеникой, то есть практическим улучшением человеческой природы, исправлением изъянов предшествующих ступеней антропологической эволюции.

Но и это еще не все, поскольку параллельным курсом осуществлялась *информационная революция*, которую удачно предвосхищали в своих трактатах такие разные авторы, как Н. Винер и М. Маклюэн. Тем не менее ее разбег и нынешние формы чаще всего осмысливаются стандартно, то есть посредством указания на взрывоподобный рост количества информации (за 10 последних лет вычислительная мощность увеличилась в 1000 раз); или делаемого ударения на специфике информационного обмена, в отношении которого не действует принцип сохранения, присущий веществу и энергии [Деягин 2008: 53]; или фиксации того обстоятельства, что «компьютер не только революционализировал посредством электронных соединений нашу нематериальную жизнь, он безвозвратно изменил и нашу материальную жизнь» [Дери 2008: 12]. Речь по большому счету идет об эмпирических и структурных моментах, таких как техно-арт, техноспектакли, техно- и биомюзика, кибернетический боди-арт, киберсекс, киборгизация телесности, и, конечно, о новых субъектах типа техно-яппи, киберпанков, киберхиппи, «терминаторов», виртуальных двойников и т. д.³

² Не секрет, что часть интеллектуального истеблишмента США озабочена так называемыми неконтролируемыми факторами: сегодня, считает Р. Шапиро, «исторически неконтролируемым фактором являются неожиданные технологические прорывы» [Шапиро 2009: 449].

³ В качестве примера хочу привести чрезвычайно выставку под названием «Decode: прикосновение к цифровому искусству», прошедшую в Лондоне (2009), Пекине (2010) и Москве (2011).

Конечно, эти рамочные аспекты важны для понимания исследуемой трансформации, но они охватывают лишь ее внешнюю сторону. В более конструктивном направлении (от явлений – к сущности) пытается идти американский публицист Э. Дэвис и российский ученый В. А. Кутырев. Первый делает акценты на техногнозисе как ключевом параметре современного бытия, в частности на создании нового мифа об информации, электрическом мозге и бесконечных базах данных, компьютерном прогнозировании и гипертекстовых библиотеках, реалистичных медиаснах и всепланетарной экранной культуре, связанной воедино глобальной коммуникационной сетью [Дэвис 2008: 15]. Второй говорит о перейденном «Рубиконе антропологии», то есть об умалении онтологии человека за счет достижений хай-тек и биотехнологий и приведении ситуации к полной деэволюции человеческой экзистенции [Кутырев 2010: 69–75]. Разумеется, эти ценные наблюдения нуждаются в корректной интерпретации, поскольку инфляция человеческой сущности поставлена в зависимость от познавательных и бытийных паттернов.

Делая небольшое методологическое отступление, хочу подчеркнуть то обстоятельство, в соответствии с которым две ведущие тенденции современного бытия – последовательная *технологизация человека* (= его дисфункция как человека) и спорадическая *гуманизация техносферы* (установление человекоразмерных смыслов) – не только не совпадают, но и во многом контррадикторны. Очевидно, что пришел период их дивергенции, а не образования гомеостазиса⁴. Но как быть с тем фактом, что прежние этапы эволюции Номо предполагали борьбу с возрастающим хаосом, как внутренним, так и внешним?

Итак, нужно заметить, что природа человека в мировых религиях, а тем более в западной науке и философии модерна (то есть XVI–XX столетия), – величина постоянная⁵. Ситуация меняется к концу XX в., когда происходит серьезный социокультурный сдвиг в представлениях о ней, вызванный упомянутыми факторами. В конце концов появляется идея *о нежесткой, непредзаданной природе человека*, которую можно деформировать в любом удобном направлении. Разумеется, наука, рынок и СМИ здесь должны сделать свое эпохальное дело, внушив человеку комплекс недостроенности, ущербности. Определенная ставка здесь делается на общественные движения и организации (например, Всемирную ассоциацию трансгуманистов – WTA), отстаивающие принципы изменения эволюции человека и появления его нового, более совершенного вида.

Мир будущего, который был представлен ее устроителями, можно охарактеризовать как прекрасный и безумный одновременно.

⁴ Современная синергетическая версия бытия человека не только усиливает эффект неопределенности, но и оправдывает его. Здесь легитимен тезис о том, «что путь творчества состоит в том, чтобы отдать себя во власть хаосу для овладения им, подчиниться хаосу, получив возможность создать из него изящную структуру» [Князева 2000: 88]. Этот шаг в бездну, который следует после шагов по бесконечной Вселенной, ГУЛАГу и Освенциму, тем не менее опирается не только на идею монолитности человека, но и на его подчеркнутую теургичность. Но Е. Н. Князеву, по-видимому, ничему не научил опыт нескольких антропологических катастроф XX в., его, Номо, отнюдь не мифологическое оборотничество! Как здесь не озаботиться тем, что Голем, Фауст, *Übermensch*, Смердяков, Шигалев, Эдип, Орфей и Нарцисс были актуализированы в виде принципиальных, судьбоносных жестов. Если к ним присовокупить киборговую проекцию человека, то складывается вполне рельефная картина антроподинамики.

⁵ «В принципе, – пишет российский философ П. С. Гуревич, – под “природой человека” подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи homo sapiens во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса (курсив мой. – Д. М.)» [Гуревич 1999: 60].

Тем не менее есть серьезные причины думать об этой проблеме иначе. Обеспокоенность прохождения именно такой, либерально организованной траекторией вовсе не напрасна, поскольку «самоинструментализация вида» (Ю. Хабермас) несет в себе новые противоречия и проблемы. Например, этическую дилемму видят в том, что: а) генетически запрограммированные личности уже более не рассматривают себя как безраздельных авторов своей собственной истории жизни; б) в отношениях с предшествующими поколениями они уже более не могут без каких-либо ограничений рассматривать себя в качестве равных по происхождению личностей [Хабермас 2002: 93].

Но на фоне новых перспектив эти дилеммы кажутся чем-то акцидентальным. Не секрет, что разнообразные перспективы: *перспектива киборга* (соединение «естественного» человека и техногенных деталей), *перспектива полностью искусственного существа* (создание Франкенштейна), *перспектива создания «сапиентиссимуса»* (сверхразумного организма); *перспектива «улучшенных людей»* (частичный андроид) – дают колоссальный заряд оптимизма и уверенности [Буровский 2008]. Конечно, эти перспективы опираются, с одной стороны, на факт ухудшающейся генетики вида Номо, а с другой – на потрясающие успехи современной науки и техники. Но масштаб проблемы не исчерпывается такими ее границами. Скорее наоборот, он только ее минимизирует и затемняет.

Чтобы понять это, нужно обратиться к услугам философской антропологии, которая имеет дело с «сущностью и сущностной структурой человека» (М. Шеллер). По большому счету в человеке заложены и в разной степени развиты три программы: *биологическая, социальная и духовная*. Спор о первенстве какой-нибудь одной – это сквозная проблема всей обозримой истории и культуры, поскольку за каждую программу в разные эпохи ратовали религия, философия, искусство и наука. У них у всех находились аргументы в пользу редукции человека либо к биологическому, либо к социальному, либо к духовному основанию. Но на самом деле *современная ситуация человека* свидетельствует о том, что за основу ее понимания и трансформации берется *человек западного типа*, не мыслящий себя вне долголетия, комфорта, достатка и, конечно же, процедуры самоуправления своим собственным развитием. При этом в расчет не взяты антропологические сюжеты иных цивилизаций, где вообще по-другому акцентирована и представлена сущность человека, а также указаны варианты ее проявления в социуме и во взаимодействии с космосом. В терминах современного гуманитарного знания – выстроены *формулы идентичности*.

Так, в Китае человеческая сущность соотнесена с Дао (Законом), с природой и развивается циклично; в Индии она находится в зависимости от многообразных высших и низших сил, но сопряжена с универсальным духовным принципом – Брахманом. В исламской цивилизации человек – творение Всевышнего, а в православной – отображение Святой Троицы. И только Запад предоставил Номо самому себе, своей квазидуховности (рассудку, воображению, желанию и капризу), отбросив божественное измерение его присутствия в мире; через труд соединил его с природой и через труд таки удалил его из природы, сделав при этом ее врагом (!); поместив его в социальную семью, вскоре максимально освободил от «пут» этого самого социума. Но самое, пожалуй, важное состоит в том, что, будучи вооруженным наукой и техникой, «западоид» (А. А. Зиновьев) объявил всю предшествующую эволюцию человека тупиковой, а значит, ложной. То есть, от-

вергая разнообразный опыт других народов и цивилизаций, он предложил свой исключительный, по меркам истории, антропологический марафон всеобщим достоянием человечества. Иначе говоря, ценности «западоида» объявлены ценностями всего человечества.

Но положение о доминировании технологий при переходе человека в постчеловеческое состояние тем не менее заметно модифицируется, если ввести в рассмотрение переменную экономики (рынка). Не секрет, что ранее ей уделяли внимание представители разных социальных наук, в том числе социальной психологии [Фромм 2009: 106–279], культурологии [Бодрийяр 2007] и экономики [Олсон 2007: 63–75]. В конце концов, эта проблема четко артикулирована *in виде принципа раскрепощения природы человека при помощи рынка*, а именно *идеологии laissez faire*. Конечно, эта идеология видоизменилась на пути от классического – через неклассический – к постнеклассическому капитализму (Ф. Г. Федотова). Нынешний же рынок предстает в модифицированном виде, а именно – как новый тип репрезентации его процессов посредством медиа. Между тем в постмодернистском культурном пространстве и рынок, и медиа образуют «две системы кодов отождествления таким образом, что дают возможность либидинальным энергиям одной системы накрыть другую систему, не создавая при этом... синтеза, нового объединения, нового языка или чего-нибудь такого» [Джеймисон 2008: 310].

Но этот вывод тем более интересен в свете представления постнеклассической философии науки о том, что абсолютные пределы управляемости Вселенной отсутствуют, то есть нет никакого конечного числа фундаментальных законов, при помощи которых разворачиваются процессы в неживой, живой и социально организованной формах движения материи. Значит, синтез технологии и рынка возможен в точке социальной бифуркации, как в принципе возможна новая тотализация вида Номо. Однако понятно и другое: пока несращенные социальные структуры будут и дальше порождать хаос, в качестве лона рождения упорядоченности *post-Номо*. Для примера сошлюсь на работу шведских интеллектуалов А. Барда и Я. Зодерквиста.

В информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным элементом будет «портал власти», или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него и формируется *Нетократия*, способная к артикуляции адекватных аттракторов [Бард, Зодерквист 2004: 58]. Нисколько не скрывая своих намерений, они утверждают, что нетократия должна управлять «низшим классом, манипулируя тем, что можно назвать потребляющей деятельностью консьюмтариата, деятельностью, вызванной желаниями» [Там же: 147]. Умело используя схему *реклама + потребитель = желание*, можно решить две задачи: привязать консьюмтариат к наркотическому потребительству; тем самым дистанцироваться от него. На этом пути должны быть отброшены любые институты, содержащие гуманистический принцип, не говоря уже о нем самом. Напротив, в духе идей Ч. Дарвина и Ф. Ницше это общество просто обязано пройти сквозь «естественный отбор» и сформировать нетократическую наследственность. Она не чета прежним формам социального воспроизводства (семья, трудовые коллективы), тормозившим развитие как таковое. Все это нуждается в одной важной поправке – отбор будет контролируемым, но не большинством, а «нетократическими дивидуалами».

Этот антропологический ракурс также ценен для понимания всего *нетократического проекта*. У А. Барда и Я. Зодерквиста указывается на то, что в инфор-

мационном обществе «развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера». И далее – самое интересное: «...шизофреническая, калейдоскопическая личность... становится достойным подражания параметром, поскольку она функциональна» [Бард, Зодерквист 2004: 206]⁶. Но этот прагматический союз будут создавать именно нетократы, главная цель которых – замена сетью человека в качестве великого общественного проекта – не выглядит шизофренически. Также не выглядит шизофренически заявление о том, что с такими онтологическими параметрами (иерархией во главе с нетократией, процедурами недемократического принятия решений, созданием режима диктатуры желаний для низшего класса – консьюмтариата, культивированием в человеке прогрессивно расщепляемой сущности) информационное общество «не тоталитарно» [Там же: 211] (!).

Объективная оценка этого проекта говорит о другом: перед нами не только манипулятивные процедуры⁷, но и, возможно, рождение новой, информационной разновидности тоталитаризма. Во-первых, нетократическая сетевая власть не обеспечивает ту «меру свободы» (Ж.-Л. Нанси), которую несли в себе иерархические структуры прежних обществ; во-вторых, она выводит из игры человека, заменяя его «шизиком» и предоставляя ему иные, негуманные правила игры; в-третьих, она искусственно создает консьюмтариат, участь которого – жить в мире репрессированной чувственности и иллюзорных желаний. Что же касается самой информации как новой «субстанции» для развертывания всех процессов, включая антроподинамические, то о ней есть мнение как о «самой совершенной эссенции лжи, которую будет загонять “шприц”, воткнутый в мозги человечества» [Джемаль 2008: 73]. Причем лжи, являющейся рыночным брендируемым (изысканным) товаром.

Отсюда напрашивается предварительный вывод: современный западный человек вступил на стезю технологического и рыночного саморасщепления, в начале пути рационально и деятельностно преодолев конечный набор принципов (например, Декалог) организации своего бытия, а затем перешел к самообольщению через миражи беспредельности⁸. Преодоление сложившейся ситуации видится диаметрально противоположным образом: или в программе примитивизма (добровольное сокращение человечества в 2000 раз, полное уничтожение технических устройств, расселение оставшихся 30 млн в тропических областях для воссоздания донеолитической социальности [Зерзан 2007]); или в программе симбиозных человеко-роботов, живущих и находящих смысл в киберпространстве и интересе рынка.

⁶ Хочу заметить, что формализация наличного антропологического сюжета удачно проделана А. Г. Дугиним. Диагностируя нынешний постлиберально/постмодернистский гротеск, он показал, что «дивидуум», или случайное игровое сочетание частей человека (его органов, его клонов, его симулякров – вплоть до киборгов и мутантов), выступает сегодня *мерой всех вещей* [Дугин 2009: 43].

⁷ Согласно теории манипуляции сознанием С. Г. Кара-Мурзы, вариант взаимодействия, при котором «один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления», должен быть квалифицирован как манипулятивный [Кара-Мурза 2000: 12].

⁸ Программный доклад Римского клуба «Пределы роста» кроме экологического и социального контекстов имеет подчеркнута антропологический смысл: современный человек должен культивировать процедуры самоограничения, считаясь с относительно замкнутыми глобальными процессами.

И поскольку эти две тенденции неравновелики (неравноценны как для Номо, так и для post-Номо), а тем более их нельзя отождествить со странной аттрактивностью, то приходится ждать постмодернистский «великий Отказ», где субъект Отказа утверждает свой объект в контрапункте технологии и рынка. В противном случае многократные объемы инвестиций в робототехнику в сочетании с достижениями в области «больших данных», сетевых технологий, материаловедения и искусственного интеллекта [Росс 2017: 51] сделают человеческие фантазмагии о постчеловеческом реальностью. И так родится супер-аттрактор в виде post-Номо вместо Номо noosphericusa и ноосферного будущего.

Литература

Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академический Проект, 2007.

Буровский А. М. После человека / Т. Ю. Чеснокова // Постчеловек. От неандертальца к киборгу. М. : Алгоритм, 2008.

Гуревич П. С. Философия человека. М. : ИФ РАН, 1999. Ч. 1.

Деягин М. Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М. : Вече, 2008.

Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни. М. : МАОР, 2003.

Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. М. : АСТ Москва, 2008.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, або Логіка культури пізнього капіталізму. Київ : Видавництво «Курс», 2008.

Джемаль Г. Наследие Кириллова / Т. Ю. Чеснокова // Постчеловек. От неандертальца к киборгу. М. : Алгоритм, 2008.

Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб. : ТИД Амфора, 2009.

Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008.

Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М. : Гилея, 2007.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2000.

Князева Е. Н. «Я» как динамическая структура-процесс // Синергетика: человек, общество. М. : Изд-во РАГС, 2000.

Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб. : Алетей, 2009.

Кутырев В. А. Философия трансгуманизма: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород : Нижегородский университет, 2010.

Лазарев Ф. В. Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект // Человек и современная цивилизация: сб. ст. Симферополь : Доля, 2008.

Лебедев С. А., Лазарев Ф. В. Многомерный человек: онтология и методология исследования. М. : Изд-во Московского ун-та, 2010.

Муза Д. Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки: монография. Днепропетровск : Адверта, 2013.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании: монография. М. : Аргамак-Медиа, 2017.

Олсон М. Влада і процвітання. Подолання комуністичних і капіталістичних диктатур. Київ : Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2007.

Росс А. Индустрии будущего. М. : АСТ, 2017.

Табачковський В. Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках „неевклідової рефлексивності”. Київ : Видавець ПАРАПАН, 2005.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Гл. ред. изданий для зарубежных стран изд-ва «Наука», 1987.

Тоффлер А. Футурошок. СПб. : Лань, 1997.

Тоффлер Э. Революционное богатство. М. : АСТ: АСТ Москва: Профиздат, 2008.

Фромм Э. Здоровое общество. М. : АСТ: АСТ Москва, 2009.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ: Люкс, 2004.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М. : Весь мир, 2002.

Хоружий С. С. Глобалистика и антропология [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2009/hor_interelig_rus.doc.

Шапиро Р. Прогноз на будущее. М. : АСТ: АСТ Москва, 2009.

ЗАПАД И ВОСТОК: ГЕНЕТИКА ДУХОВНОГО ПУТИ

Махаматов Т. Т.*

В статье речь идет об имманентных противоречиях, заложенных в самой природе, генетике Запада и Востока как неких макрополюсов мировой цивилизации, с одной стороны, и о сильнейшем влиянии глобализации на диалектику межцивилизационных отношений – с другой. Глобализационные процессы, достигшие своего апогея в современном мире, отчетливо выявляют противоречия, определяют различные варианты их разрешения и особенности, действующие на всех уровнях человеческого бытия и сознания – от особенностей мировоззрения и мировосприятия в целом до прикладной хозяйственно-экономической деятельности в частности. Осмысление данного фактора объективной реальности, поиск форм и способов разрешения противоречий межцивилизационных отношений может явиться важным элементом для наиболее адекватного и продуктивного жизненного пути человечества в современном мире.

Ключевые слова: цивилизация, западный менталитет, восточная мудрость, макроцивилизации, глобализация, межцивилизационные отношения, противоречия, диалектика, демографическая лавина, многополярный мир, техногенность.

In this article, we speak about the immanent contradictions inherent in the very nature, the genetics of West and East as some macro-poles of world civilization, on the one hand, and about the strong influence of globalization on the dialectics of inter-civilizational relations, on the other. Globalization, which has reached its apogee in the modern world, clearly reveals the contradictions that define various options for their resolution and features operating at all levels of human existence and consciousness – the nature of the worldview and attitude, in general, and as applied to economic activities, in particular. Understanding this factor of objective reality, the search of forms and methods for the resolution of contradictions of inter-civilizational relations can be an important element for the most adequate and productive life path of humanity in the modern world.

Keywords: Civilization, Western mentality, the wisdom of the East, macrocivilizations, globalization, relations between civilizations, contradictions, dialectics, demographic avalanche, multipolar world, technology-relatedness.

Усиливающийся и устойчивый научный интерес к цивилизационной проблематике в рамках социально-философского дискурса побуждает к размышлениям о противоречиях современного этапа глобализации [Бахтуридзе 2017; Гранин 2017; Гринин 2013; Кочетов 2017; Чумаков 2017; Махаматов 2017], о порождаемой ею в западном мире массовой культуре, «новом классе» – прекариате [Стэндинг

* Махаматов Тимур Таирович – к. филос. н., Финансовый университет при Правительстве РФ. E-mail: Timour.makhamatov@gmail.com.

2014], с одной стороны, и о мире так называемых традиционных обществ, с их многовековыми ценностными системами и канонами – с другой [Махаматов 2007; Мигунов, Мигунова 2017].

Процесс глобализации с самого своего начала раскрывал, обострял актуальные имманентные противоречия человеческого мира и определял основные линии его дальнейшей эволюции. Нынешний этап глобализации на передний план выдвигает диалектику противоречий междивиллизационных отношений, актуализирует проблему нахождения адекватных форм, способов их разрешения и формирование такого глобального жизненного пространства, «где человек и мир составляют одно целое и являются “продлением” друг друга» [Мигунов, Мигунова 2017: 31].

Для современной цивилизации в целом характерна парадигма сосуществования, выживания и диалектического единения в условиях глобальных проблем. В настоящее время, как пишет Р. А. Нуруллин, «интеграция народов приобрела глобальный характер, что вновь на новом витке развития человечества актуализировало проблему необходимости синхронизации различных культур, но только на основе переосмысления не проблем начала бытия, а проблем, связанных с осознанием конечности существования человечества (эсхато)» [Нуруллин 2017: 84].

Что лежит в основе парадигмы диалектического единства макроцивилизаций? Для раскрытия основ противоречивости двух макроцивилизаций и их возможного позитивного взаимодействия следует рассмотреть то, что их различает. Современные процессы «постиндустриальной» технологизации, информатизации и в конечном счете – *универсалистской глобализованности современной мировой цивилизации* привели к сущностным противоречиям как между Западом и Востоком, так и на уровне конкретных локальных цивилизаций – по принципу «*универсализм – партикуляризм*», с одной стороны, и также к глубокому противоречию между материальным аспектом существования человека и общества и его духовным аспектом – с другой.

До начала XXI в. в мире господствовала прозападная цивилизация [Гранин 2017], которая в отличие от классических цивилизаций Востока содержит в своей основе иной, не восточный, *духовный Путь*, опирающийся на рационализм, иной комплекс морально-этических и духовных ценностей, исходящих из разумного эгоизма. В итоге чем совершеннее становятся технологии, тем слабее и беззащитнее в их среде чувствует себя человек-эгоист.

В связи со сказанным вспоминаются слова Махатмы Ганди о том, что материальное производство и промышленность в сущности необходимы человеку постольку, поскольку у него имеются минимальные, естественно насущные потребности; разрушительное противоречие возникает лишь тогда, когда человек в своем существовании все более и более начинает зависеть от машин и материального производства (которые, в свою очередь, диктуют человеку расширение потребления), усугубляя тем самым собственное бессилие и приближая себя к гибели.

В этой связи примечательны слова И. А. Василенко, справедливо заключившей, что «сегодня предельно поляризованное человечество, наконец, пришло к выводу, что необходимы поиски *новой политической этики*, существенно отличающейся от прогрессистской модели эгоистической заинтересованности и конкурентности», антропоцентризм которой «*низводит духовность до неадекватно-*

го ей уровня и низводит природу до статуса объекта потребления» [Василенко 1999: 4].

Предмет, мотивация и методы философско-религиозного поиска в макроцивилизациях Востока и Запада различаются существенно. Путь развития макроцивилизации Запада **экстравертен**. В его основе никогда не существовало предпосылки следовать внутреннему **естеству**, природным и космическим законам, Пути самосовершенствования. Как раз наоборот, имманентно преобладало стремление **подчинять и использовать** – природу, общество рациональному человеку-эгоисту и потребителю. Исторически имела место предельная рационализация духовной и общественно-политической жизни.

В итоге эпоха модерна, сменившись эпохой постмодерна, завершилась неким разочарованием Запада в осуществлении трех главных целей, поставленных в свое время эпохой Просвещения: подчинить человеческому *ratio* природу, общество, человека. Как пишет известный польский ученый Гж. В. Колодко, «усилия по вестернизации мира и особенно по его американизации потерпели неудачу... Политический неолиберализм из подлинной демократии делает посмешище, а экономический неолиберализм превращает экономику в свою частную ферму...» [Колодко 2017: 146].

В цивилизации Востока издревле преобладало стремление познать *изначальные, непреходящие законы Естества*, согласно которым, как считалось и считается, все исконно управляется и совершается (иначе говоря, высшее, универсальное начало, например, Дао, Дхарма, Святое Откровение, Атман, Воля Всевышнего), ибо лишь следуя этим законам, можно достичь истинного мира и гармонии, что и является, собственно, подлинным развитием, как полагали на Востоке. А. Фурсов, например, в данной связи справедливо отмечает: «В отличие от Запада, где изменение приравнивается к прогрессу, а прогресс является ценностью, в Бирме изменение не отождествляется с прогрессом. Буддизм учит: изменение неизбежно, но оно вовсе не значит ни линейность, ни сдвиг к лучшему, а потому нововведения и новизна не могут быть целями...» [Афро-азиатский... 1999: 78–79].

В этом аспекте можно говорить о существовании неких системообразующих элементов макроцивилизационного дискурса, таких как образ жизни, мировосприятие, миропонимание, ментальность, духовно-культурные ценности. Можно заключить, что данные факторы обусловили различие самих целей цивилизационного развития на Западе и Востоке, а также логики эволюции восточного и западного типов макроцивилизаций. Данная логика представляется противоречивыми тенденциями этого развития, такими как рационализм, техногенность, антропоцентричность, «условная дифференцированная реальность» – в западной макроцивилизации, и иррационализм, экофильность, теоцентричность, «безусловная целостная реальность», которая, согласно концепции гецивилизации, выдвигаемой современными китайскими обществоведами во главе с Жуань Вэем, «является фактом “живой жизни”, а потому и воспринимается по-китайски – “сердцем”, то есть сквозь призму наполненного теплом человеческого соприсутствия и вовлеченности» [Мигунов, Мигунова 2017: 31], – в восточной.

Возвращаясь к межцивилизационному аспекту современных глобальных проблем, отметим актуальнейшую, на наш взгляд, проблему: существует ли какая-либо позитивная перспектива дальнейшего развития межцивилизационных отношений в современном мире? Актуальность проблемы еще ярче выступает на фоне

того, что, согласно рассуждениям Гж. В. Колодко, «во времена глобализации и присущей ей борьбы за влияние и положение честной политики не существует. Китай широко использует промышленный шпионаж... Американцы, русские, англичане, немцы, французы и японцы, а также другие нации тоже это делают» [Колодко 2017: 141].

Рассматривая в данной связи известный тезис американского ученого С. Хантингтона о неизбежном столкновении цивилизаций в XXI в., мы можем сказать, что, конечно, потенциально возможности столкновения макроцивилизаций существуют, но постольку, поскольку параллельно с ними существуют также и возможности позитивного диалога и сотрудничества, опирающиеся на *потенциал, имманентно заложенный в самой сущностной основе каждой из макроцивилизаций*. Однако как бы ни были объективны эти возможности и потенциалы, без субъективных факторов, без решения проблем глобального управления и регулирования [Урсул 2014; Чумаков 2010] они не могут быть реализованы.

На наш взгляд, возможность столкновения цивилизаций во многом определяется наличием или отсутствием и уровнем рационального мышления, принципами гуманизма, толерантности руководителей ведущих держав мира. Действительно, наглядный пример развития, который демонстрируют в наше время Япония и Китай, показывает, что возможно, скажем, совершать модернизацию восточного государства и общества, не просто заимствуя западные ценности, но сочетая, синтезируя технократическую культуру Запада с духовными традициями Востока, сохраняя при этом национальную культурную идентичность и самобытность цивилизации.

Хотя Восток всегда был самодостаточен в своем пути развития, притом что само понятие «развитие» всегда обладало иной семантикой, чем на Западе, объективный процесс глобализации вынуждает его *заимствовать и адаптировать на своей почве западные ценности и элементы западной культуры и менталитета*. Участвуя в развитии межцивилизационных отношений в условиях углубляющейся и расширяющейся глобализации (что является закономерным следствием развития так называемой «западной половины человечества», о чем говорилось выше), Восток должен, так сказать, изучить этот «язык» современного глобализма и говорить на нем, для того чтобы выявить и некий собственный потенциал развития – рационального, техногенного, технократического. В то же время Запад лишь начинает осознавать необходимость культурных заимствований у Востока, продолжая считать самодостаточной ту систему ценностей, которую создала западная цивилизация в ходе своего исторического развития [Проблемы... 2016]. Осознание такой необходимости обусловлено как спецификой и логикой развития самой западной макроцивилизации, так и недавними последствиями глобализации. Как справедливо пишет Л. Е. Гринин, «развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии» [Гринин 2013: 66].

В этом же русле находится вышеупомянутая и анализируемая Н. И. и О. В. Мигуновыми концепция «геоцивилизационного континуума», разрабатываемая китайскими философами. «В этом отношении разработка китайскими обществоведами концепта “геоцивилизации” – очевидное свидетельство признания плюрализма цивилизаций и отказа от идеи цивилизационной исключительности Китая, – отмечают авторы. – Но по существу обращение к концепту “геоцивилизация” есть признание

и чего-то большего, а именно – того обстоятельства, что мир все же сложнее, чем его представляет теория локальных цивилизаций; что мир как единое общечеловеческое цивилизационное целое состоит не из одних лишь цивилизационных образований как своих “слагаемых”...» [Мигунов, Мигунова 2017: 23].

Обусловленно наблюдается стремление западного человека сбалансировать перениманием духовных традиций, морально-этических канонов, культурных достижений Востока ту рационализированность, спланированность и техногенность окружающей его жизни, которая зачастую делает формальной даже систему ценностей, в которой он живет.

В настоящее время мы можем говорить о заимствованиях западным обществом культурных традиций Востока на уровне отдельных индивидов и мелких социальных групп (общин), хотя и в широких масштабах. Это выражается во все возрастающем личностном и групповом интересе западного человека к традиционным и нетрадиционным религиозно-философским системам Востока (буддизм, ислам, индуизм и др.), к национальным восточным культурно-философским традициям (таким, например, как японская *икебана* и чайная церемония, китайское искусство *цигун* и *тайцзицюань* и т. п.), в создании соответствующих общин и обществ на Западе.

Обратимся, на наш взгляд, к достаточно глубокой и существенной для настоящего исследования парадигме – возможности достижения *качественно иного уровня межцивилизационных отношений* в современном мире.

Для развития искусства межцивилизационного «гуманистического» политического диалога необходимо в корне пересмотреть саму общую парадигму конфликта цивилизаций. Содержательную концепцию такой парадигмы развила И. А. Василенко. Так, анализируя два типа взаимодействия – взаимодействие *интересов* и взаимодействие *ценностей*, она отмечает, что модель «столкновения интересов» работает только в рамках одной цивилизации (одной картины «мира»). Здесь действительно интересы сопоставимы и соизмеримы в рамках одной системы ценностей. Их можно объективизировать, схематизировать, представить в виде причинно-следственной связи и, наконец, согласовать.

При столкновении цивилизаций (и индивидуальных «миров»), подчеркивает И. А. Василенко, «необходима другая парадигма конфликта – модель “столкновения ценностей”, при том, что ценности разных культур несопоставимы и несоизмеримы, среди них не может быть никаких универсальных “эталонов”, заданных одной из сторон. Иначе цивилизации (“миры”) будут неравноправны в своем взаимодействии» [Василенко 1999: 246].

Образно говоря, ведя разговор об одном предмете и употребляя одни и те же понятия, представители разных цивилизаций будут иметь в виду на самом деле вещи различные, понимая их согласно ценностям традициям своей цивилизации. К примеру, когда западные люди говорят с людьми Востока о мире, то первые имеют в виду некий консенсус в обоюдных интересах, сдерживающий на какое-то время взаимную агрессию заинтересованных сторон (либо агрессию и адекватный ответ на нее) либо удовлетворяющий интересы этих сторон, а вторые – по сути преобразованное состояние души и сознания враждовавших сторон, интересы же при этом решаются вторичным порядком.

Обобщая смысл вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что межцивилизационные отношения, являясь по сути процессом взаимодействия различ-

ных, порою даже сущностно противоположных, систем ценностей, практически выражаются на современном этапе их развития во взаимодействии **систем интересов** этих цивилизаций (макrocивилизаций). Это, в свою очередь, обуславливает предпосылки к межцивилизационному столкновению, о котором ведут речь некоторые западные ученые, в частности С. Хантингтон.

Однако следующим, качественно новым и весьма необходимым для дальнейшего позитивного развития современного мирового сообщества этапом в формировании межцивилизационных отношений должен явиться осознанный качественный переход этих цивилизаций (макrocивилизаций) в их взаимодействии друг с другом от приоритета парадигмы интересов к приоритету парадигмы ценностей.

В обсуждении данной проблемы представляется более правильным анализировать дилемму возможности взаимодействия макrocивилизаций не с позиции парадигмы конфликта – интересов или ценностей, а с позиции *парадигмы взаимодействия* цивилизаций (макrocивилизаций). Такой «гуманистический диалог» может стать возможным при условии преодоления некоего социокультурного эгоцентризма как Запада, так и Востока, то есть более позитивного и открытого подхода друг к другу.

Так, И. А. Василенко отмечает: «Каждая из цивилизаций должна реабилитировать опыт других культур не только как равноправный, но и как расширяющий горизонт собственного бытия. Через гуманистический диалогизм осуществляется понимание культурой себя самой в прогрессе понимания других. Диалог актуализирует потребность культуры *выйти за границы своей “самости”, включить в свое самосознание человека другой культуры, совершенно иного, с другой картиной мира и другими смыслами бытия* (курсив мой. – Т. М.). Этот взгляд “из-за зеркала” на свое собственное бытие и сознание становится подчас решающим для активизации творческих возможностей культуры, а иногда и для коренного изменения процесса ее развития» [Василенко 1999: 248].

Закономерным результатом такого качественного перехода на более совершенную ступень в межцивилизационных отношениях неизбежно станет проявление взаимного уважения во взаимоотношениях цивилизаций и преодоление, по словам Жака Ле Гоффа, «псевдиалога между Востоком и Западом, Севером и Югом» [Ле Гофф 2001: 18], что, в свою очередь, позволит цивилизациям (макrocивилизациям) осуществлять взаимное культурное обогащение и более эффективно сотрудничать в решении глобальных проблем современного мира.

А. С. Панарин отмечает: «Гуманизировать историю – значит реабилитировать принцип множественности субъектов истории в противовес монологу авангарда (гегемона), воплощающего своей волей единственно верный вариант ее развития». Это, на наш взгляд, и должно стать смыслом своего рода «гуманизации истории», «мучительного рождения нового этапа человеческой истории» [Панарин 1994: 41]. Данная задача сегодня является основной для всей мировой цивилизации.

Говоря о смене парадигмы взаимоотношений (поскольку совершенно естественно, что парадигма интересов во взаимоотношениях Запада и Востока как существовала прежде, так и будет существовать всегда) Запада и Востока в современном мире – с *парадигмы интересов* на *парадигму ценностей*, вернее, о необходимости приоритета последней над первой, следует иметь в виду, что для

реализации подобного рода качественного совершенствования межцивилизационных отношений необходимы некие значительные мотивационные предпосылки.

Одной из значимых причин возникновения таких предпосылок, на наш взгляд, является реальность современных глобальных проблем, встающих все острее и актуальнее перед всем мировым сообществом, независимо от цивилизации. «Если нам удастся должным образом направить и контролировать постоянный диалог цивилизаций, – пишет Гж. В. Колодко, – то не будет их разрушительных столкновений, а возникнет творческая гармония» [Колодко 2017: 146]. Только всеобщее осознание необходимости совместного решения этих проблем поистине общепланетарного масштаба (как по своим причинам, так и по реальным и возможным последствиям) в условиях интегрированности и целостности современного мира, от разумного и позитивного разрешения которых зависит будущее человечества, может привести к подлинному диалогу ценностей между Востоком и Западом, к развитию межцивилизационных отношений качественно иного порядка. Здесь следует иметь в виду особенности культурно-цивилизационных систем Европы, США, Востока, в частности Китая и Ирана, и господствующие в них менталитеты, о тонкостях которых метко пишет А. Н. Чумаков, что оправдывает величину цитаты из его недавно опубликованной работы: «...в то время как Европа проявляет определенную осторожность и осмотрительность в международных делах, Соединенные Штаты Америки как относительно молодая культурно-цивилизационная система ведут себя несколько иначе. Американцы – прагматики и потому мыслят по большей части тактически, на короткие дистанции. Они не любят и не хотят ждать...

Иначе обстоит дело с культурно-историческими системами, история которых насчитывает многие столетия и тысячелетия. Там мыслят стратегическими категориями на длинные дистанции и умеют ждать: не спешат ни в словах, ни в делах, добываясь поставленных целей» [Чумаков 2017: 16–17].

Диалектика межцивилизационных отношений Востока и Запада – этих двух великих феноменов, которые представила перед глазами цивилизованного человека история всей человеческой цивилизации и мысли, – заложена в глубинах самой сущности обеих макроцивилизаций, и достичь этих глубин в познании, надемся, еще предстоит человеческой мысли и гуманизму. Здесь не должно быть места категоричности вроде той, что региональным или мировым лидером должна стать какая-либо страна [см.: Ковалев 2017: 14]. Конкретное государство становится лидером на основе устойчивого развития своей реальной экономики и тонкой международной политики. А это, в свою очередь, означает для цивилизации необходимость суметь подняться на качественно иную ступень духовного совершенства, что особенно важно для обеспечения ее дальнейшего сосуществования и выживания в новом, еще одном тысячелетии в развитии мировой цивилизации.

Литература

Афро-азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм: проблемно-тематический сборник / сост. А. И. Фурсов. М.: ИНИОН РАН, 1999.

Бахтуридзе З. З. Международные отношения в эпоху «пост»: возможность эволюции // Век глобализации. 2017. № 3. С. 113–120.

Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М. : Эдиториал УРСС, 1999.

Гранин Ю. Д. Запад и альтернативные стратегии модернизации // Век глобализации. 2017. № 3. С. 17–30.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Ковалев Ю. А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии // Век глобализации. 2017. № 4. С. 14–22.

Колодко Гж. В. Эра Азии на фоне евро-атлантической цивилизации? // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 140–147.

Кочетов Э. Г. Парадигма Мирового Преображения как модель будущего (ее суть в максимально сжатом виде) // Век глобализации. 2017. № 3. С. 51–60.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М. : Прогресс, 2001.

Локальные цивилизации в XXI веке: столкновение или партнерство? Материалы к X Междисциплинарной дискуссии, Кострома, 21 мая 1998 года / под ред. проф. Ю. В. Яковца. М., 1998.

Махаматов Т. Т. О диалоге цивилизаций // Вестник Финансового университета. 2007. № 1. С. 109–115.

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4. С. 55–61.

Мигунов Н. И., Мигунова О. В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2. С. 20–36.

Нуруллин Р. А. Идеология в условиях становления глобальной цивилизации // Век глобализации. 2017. № 2. С. 83–92.

Панарин А. С. Введение в политологию. М. : Новая школа, 1994.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2016.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : АЙРИС, 2014.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 16–27.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ: ЧЕГО ДОБИЛИСЬ СТРАНЫ СССР И ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА*

Тарко А. М.**

В статье проведены анализ и сравнение экономической, демографической и других характеристик развития России, бывших союзных республик СССР и стран Варшавского договора после 1991 г. Разработан интегральный индекс развития стран (ИРС). Показано, что по большинству параметров и по ИРС бывшие страны Варшавского договора опережают бывшие союзные республики СССР.

Ключевые слова: индекс развития, валовой внутренний продукт, электропотребление, темпы роста, ожидаемая продолжительность жизни, общая смертность, индекс демократии, расходы на образование.

The article presents the analysis and comparison of economic, demographic, and other characteristics of the development of Russia, the former USSR republics and countries of the Warsaw Pact after 1991. The author develops an Integral Index of Development of countries (IID). It is shown that in most of the parameters and in IID the former Warsaw Pact countries are ahead of the former USSR republics.

Keywords: development index, gross domestic product, electric power consumption, growth rates, life expectancy, crude mortality, democracy index, education expenditures.

Прошла четверть века после крушения тоталитарного коммунистического режима в СССР. Республики СССР и страны Варшавского договора стали независимыми государствами, прошли новый большой путь развития. В данной работе проведено сравнение результатов развития стран, которых они добились в новых политических и экономических условиях с новыми приоритетами дальнейшего развития и движения вперед. Мы проведем анализ результатов, достигнутых этими странами, в первую очередь Россией, в развитии экономики и уровня жизни населения, демографии, в достижении политических свобод, рассмотрим перспективы их развития.

Во всех странах экономически тупиковый режим централизованного планирования был сменен на принятый в мире режим рыночной регуляции цен. При этом страны бывшего Варшавского договора перешли к многосекторной эконо-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00693.

** Тарко Александр Михайлович – д. ф.-м. н., профессор, главный научный сотрудник Вычислительного центра им. А. А. Дородницына РАН ФИЦ «Информатика и управление» РАН. E-mail: tarco@bmail.ru.

мике, а Россия перешла почти исключительно на добычу и продажу сырьевых ресурсов, то есть на сырьевое развитие. Однако такая ориентация является тупиковым путем развития, который со временем приводит к кризису. Другие сектора экономики в России практически перестали развиваться. При этом социальное положение в стране оставалось неблагоприятным, а технологическое ухудшалось. Достиженные при старом строе выдающиеся результаты, полученные в науке и технике, и отрасли, их создавшие, стали не нужны. Они разрушаются вместе с создавшей их передовой фундаментальной и прикладной наукой [Тарко 2016]. Это обстоятельство в значительной степени предвосхитило дальнейшее развитие России и связанных с ней экономически стран, вышедших из СССР.

Россия и страны, вышедшие из Советского Союза, объединились в Союз Независимых Государств (СНГ). Постепенно из СНГ вышла Грузия, на грани выхода Украина. Страны бывшего Варшавского договора после 1991 г. стали ориентироваться на государства Европы, многие вошли в Евросоюз и НАТО. Экономические связи между двумя группами стран в значительной степени разрушены.

Для анализа мы будем в основном использовать последние по времени параметры развития стран из базы данных Всемирного банка [World... 2017], а также из баз Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Федеральная... 2017].

В задачу исследования входит сравнение развития как каждой из стран бывшего Советского Союза (БСС) и бывшего Варшавского договора (БВД), так и двух групп этих стран. При этом для нас важно и сравнение развития исторически близких России Беларуси и Украины.

Нас интересует анализ развития не только человека, но и стран, в которых он живет, поэтому данный индекс недостаточен, и в нашей работе недостаточно сравнить страны, например, по параметрам индекса человеческого развития, применяемого в ООН. Если для характеристики условий жизни человека достаточно знать получаемый доход, то для характеристики состояния развития экономики страны нужно знать еще и темп его роста. Электропотребление характеризует технологическое состояние страны. Также нельзя ограничиться только одним демографическим параметром, применяемым в ООН, – ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ). Используемые нами три демографических параметра характеризуют не только развитие воспроизводства населения, но и разные аспекты динамики развития социальной жизни и состояния медицинского обеспечения в странах.

Начнем исследование с анализа доходов в странах. Рассмотрим распределение валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в государствах БСС и БВД в 2015 г. (рис. 1). Данные о валюте стран взяты из базы данных Всемирного банка, в которой они выражены в долларах США с учетом паритета покупательной способности доллара в текущих международных ценах.

Из рис. 1 видно, что наибольших доходов в 2016 г. достигли Чехия (34 711 долларов) и Словакия (30 632 доллара). Заметим, их развитие не доходит до среднего значения Евросоюза. Из стран БСС наибольших успехов достиг Казахстан (25 264 доллара), опередивший в этом году Россию (23 163 доллара). В 2015 г. доход Беларуси (так же как Туркменистана) составил 3/4 от значения России. Уровень доходов Украины составил 36 % от российского. Наименьший доход был в Киргизии (3 551 доллар) и Таджикистане (2 980 долларов), к сожалению, Таджикистан находился на уровне наименее развитых стран (2 623 доллара). Страны Балтии имели доход, находившийся внутри диапазона доходов остальных стран БВД.

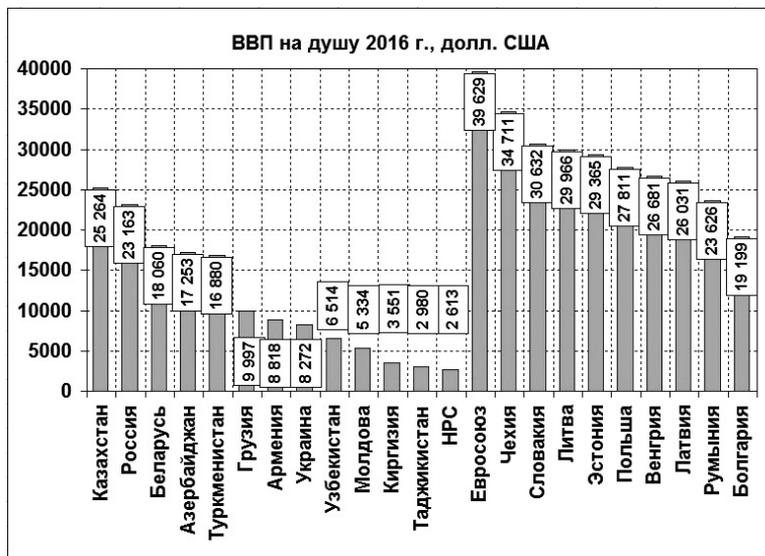

Рис. 1. ВВП на душу населения (доллары США) в странах БСС и БВД в 2016 г. Здесь и далее НРС означает наименее развитые страны

Рассмотрим темпы развития экономики – средний рост ВВП на душу населения в процентах за три года – 2014–2016 гг. (рис. 2).

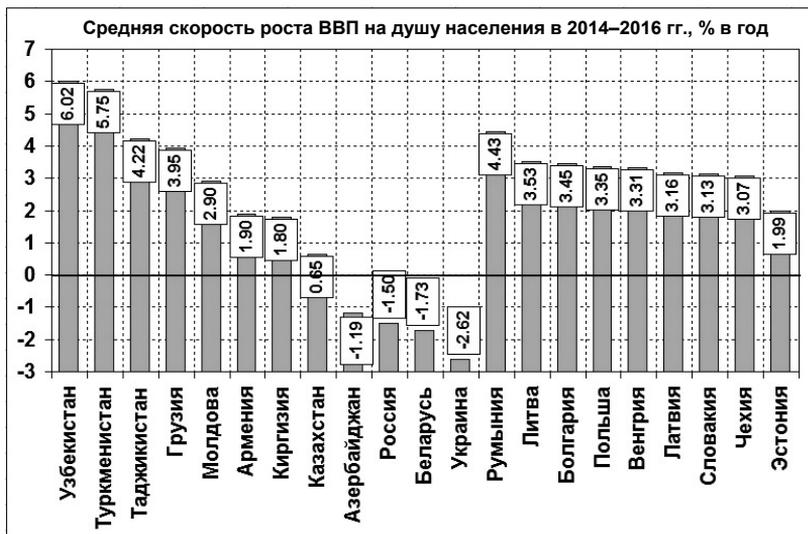

Рис. 2. Средние темпы роста ВВП на душу населения в странах БСС, БВД в 2014–2016 гг. (проценты в год)

Отметим, темпы роста стран БСС были как заметно выше, так и заметно ниже стран БВД, что говорит об их более неравномерном развитии. Самый высокий темп роста – 6,02 % в год – был достигнут в Узбекистане. Следующим по темпу роста идет Туркменистан (5,75 %). Отрицательными темпами роста отличаются

четыре страны: Азербайджан (-1,19 %), Россия (-1,5 %), Беларусь (-1,73 %) и Украина (-2,62 %). Вызывающим беспокойство является развитие экономики трех когда-то братских стран СССР, имеющих самые низкие темпы экономического роста. В конце 1990-х гг. академик Н. Н. Моисеев, столетие со дня рождения которого отмечали в 2017 г., очень переживал по поводу разъединения России, Украины и Беларуси, которое представлялось ему совершенно не соответствующим их долгому исторически близкому развитию. К сожалению, теперь они вновь «встретились» – на графике в зоне наиболее отстающих в развитии стран бывшего СССР.

Важной характеристикой уровня экономического и технологического развития любой страны является потребление электроэнергии на душу населения. Эти данные представлены на рис. 3.

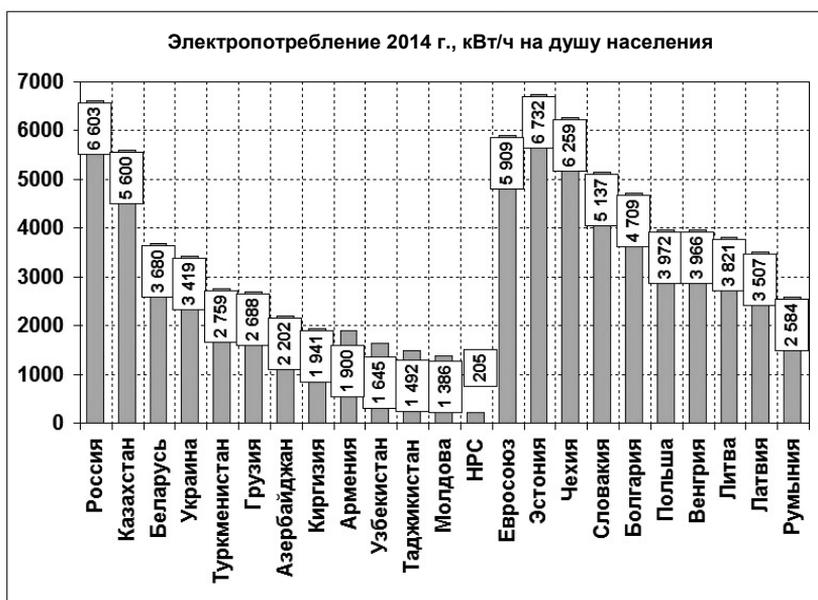

Рис. 3. Потребление электроэнергии (кВт/ч на душу населения) в странах БСС, БВД в 2014 г.

Наибольшее электропотребление (кВт/ч на душу населения) было достигнуто в 2014 г. в Эстонии (6732) и России (6603). Следующей страной является Чехия (6259). Эти показатели превышают среднее значение, достигнутое в ЕС (5909). Электропотребление Молдовы, страны с самым малым в БСС электропотреблением, составляет 21 % от России и 54 % от Румынии, являющейся страной с самым малым электропотреблением в БВД.

Рассмотрим три демографических показателя развития стран. Это данные ожидаемой продолжительности жизни (рис. 4), общей смертности (рис. 5) и младенческой смертности (МС) (рис. 6).

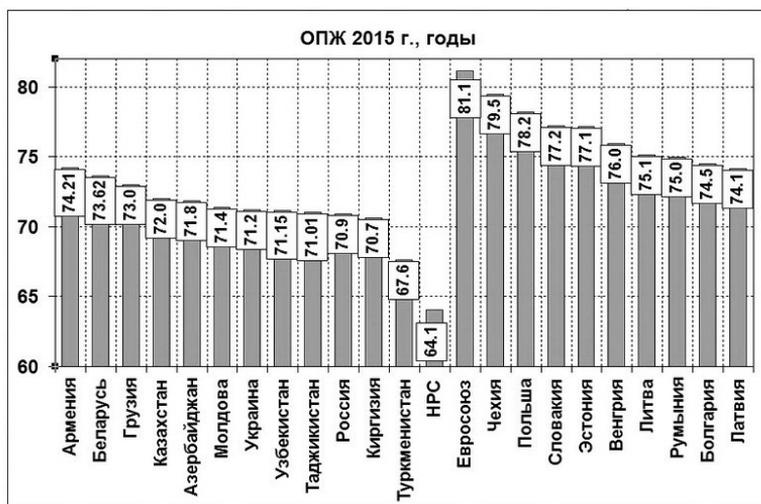

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни (годы) в странах БСС, БВД в 2015 г.

Положение стран по ОПЖ свидетельствует о значительном отставании стран БСС от БВД. Семь стран БВД превышают показатели стран БСС. Наибольшее значение ОПЖ достигнуто в Чехии – 79,5 года. Близкие к этому значения у Польши – 78,2 и у Словакии – 77,2. Эти показатели заметно ниже значений Евросоюза – 81,1.

Только Армения (74,2) не отстает от показателей стран БВД. Самое малое значение ОПЖ в странах БСС у Туркменистана – 67,6, и оно ненамного выше наименее развитых стран (64,1). Заметно отстает от стран БВД и Россия – 70,9. Автор данной статьи писал об отставании России [Тарко 2012: 108–118], здесь следует отметить не только малую величину, но и медленную скорость роста этого показателя, равняющуюся в среднем 0,22 года за год в течение последних 15 лет.

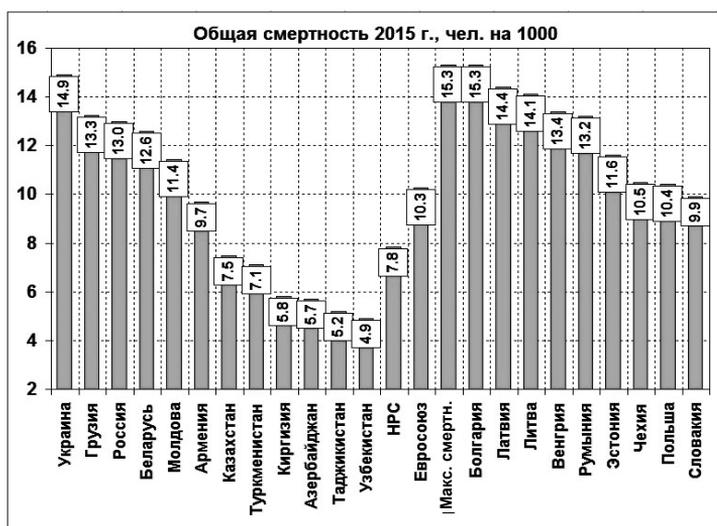

Рис. 5. Общая смертность (человек на 1000 населения) в странах БСС, БВД в 2015 г.

Состояние общей смертности в исследуемых странах вскрывает большие недостатки развития стран как БСС, так и БВД. Во-первых, в 2014 и 2015 гг. в Болгарии была самая высокая смертность в мире – 15,0 и 15,3 года. Во-вторых, в течение двух указанных лет второе место в мире по смертности занимает Украина – 14,7 в 2014 г. и 14,9 в 2015 г. Третьим фактом является то, что в 2015 г. Латвия (14,4), Литва (14,1) и Грузия (13,3) имели высокие уровни смертности и занимали весьма высокие четвертое, шестое и девятое места в таблице смертностей в мире. Россия (13,0) находилась на 11-м месте. В шести странах БСС от Казахстана до Узбекистана смертность была ниже, чем в наименее развитых странах (7,8).

Этими фактами не заканчивается исследование «рекордов» смертности в рассматриваемых странах. Как выявлено [Тарко 2016], с 2012 по 2014 г. в части субъектов Российской Федерации наблюдалась гигантская смертность: она в каждый из этих лет превышала максимальную смертность в мире. Вот эти регионы в 2014 г. вместе со значениями смертности: Псковская область – 18,4; Тверская область – 17,8; Новгородская область – 17,4; Тульская область – 17,1; Владимирская область – 16,6; Курская область – 16,6; Ивановская область – 16,4; Орловская область – 16,4; Тамбовская область – 16,3; Рязанская область – 16,1; Смоленская область – 16,1; Брянская область – 16; Костромская область – 15,8; Воронежская область – 15,7; Ярославская область – 15,5; Липецкая область – 15,4; Калужская область – 15,3. За указанные годы количество таких регионов изменялось от 16 до 18. Отметим, что большая часть названных регионов РФ – это исторические регионы вокруг Москвы и Московской области. В годы СССР они не отставали от развитой Чехословакии. Теперь «им имя» – «вымирание» и «бедность»: у них доходы (среднее значение ВРП на душу населения – 13 675 долларов) не только ниже Чехии и Словакии, самых развитых стран в нашем анализе, но и в 1,6 раза меньше среднего значения по России и в 2,4 раза меньше, чем в ЕС. Данное обстоятельство свидетельствует о тяжелой отсталости России – отсутствии в значительной части ее регионов нормальной медицинской помощи при весьма слабом экономическом развитии.

Рассмотрим третий демографический показатель развития – младенческую смертность (рис. 6).

У девяти стран БСС МС превышает значения всех стран БВД. Наибольшие значения при этом достигают следующих величин: Туркменистан – 43,7 человека на 1000 (0,85 от наименее развитых стран), Таджикистан – 38,5 (0,75 от наименее развитых стран), Узбекистан – 33,9 (0,66 от наименее развитых стран). Таким образом, среди бывших республик СССР три из них по МС находятся в близости к самым бедным и неразвитым странам мира. В Киргизии, Азербайджане и других государствах, находящихся на рисунке выше них, значения младенческой смертности более чем в 5 раз выше среднего значения в ЕС (3,7).

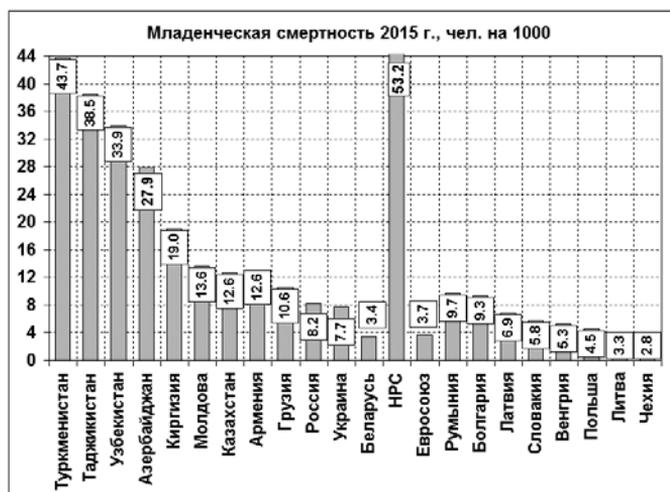

Рис. 6. Младенческая смертность (человек на 1000 населения) в странах БСС, БВД в 2015 г.

Перейдем к анализу индекса демократии. Отметим, что принятая в СССР идея о двуполлярной демократии: она или есть (только СССР и ее союзники), или ее нет (капиталистические страны) – давно изжила себя. Мировая наука видит широкий спектр степеней демократии. Английский журнал *Economist* и газета *Economist Intelligence Unit* ранжируют все страны мира по степени демократии независимо от формы правления в стране (например, абсолютная монархия, федеративная президентская республика, исламская республика). Степени демократии характеризуются баллами от 10 (максимальная) до 0 (полное отсутствие демократии). Используемый ими индекс демократии основан на методологии экспертных оценок и результатах опросов общественного мнения. Индексы демократии по версии *Economist Intelligence Unit* [Democracy...] для рассматриваемых нами стран представлены на рис. 7. Его применение было использовано в России для оценки выполнения конституционных положений в странах мира [Степанов, Тарко 2015].

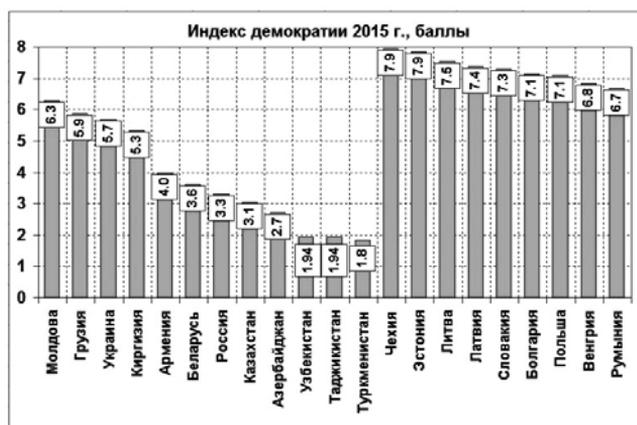

Рис. 7. Индекс демократии (баллы) по *Economist Intelligence Unit* для стран БСС, БВД в 2015 г.

На рис. 7 мы видим четкое разделение стран БСС и БВД на два непересекающихся кластера: расположенный ниже кластер стран БСС имеет индексы демократии от 6,3 (Молдова) до 1,8 (Туркменистан), а расположенный выше кластер БВД – в диапазоне от 7,9 (Чехия) до 6,7 (Румыния). Отметим, что имеющие в нашем анализе самую высокую демократию Чехия и Эстония не достигают уровня Финляндии и Германии. Демократия России (3,3) находится на уровне Анголы (3,3), но превышает Китай (3,1). Самый низкий уровень демократии у Таджикистана – 1,9, Узбекистана – 1,9 и Туркменистана – 1,8. Эти уровни превышают уровень Экваториальной Гвинеи – 1,8, но ниже Афганистана – 2,8. Самый низкий уровень демократии в Северной Корее – 1,1. Тот факт, что у всех стран БСС индекс демократии меньше, чем у стран БВД, а также что три из них находятся вблизи страны с самым низким индексом демократии в мире, не может не удивлять.

Перейдем к анализу расходов государств на образование (рис. 8). Параметры стран БСС находятся внутри диапазона стран БВД. Это говорит о более неравномерном развитии образования в странах БСС. Наибольшие расходы были у стран БСС Молдовы (8,3 % от ВВП) и Киргизии (7,4 %). Отметим, что близкие расходы были в Зимбабве (8,4 %) и Дании (7,3 %). Эти данные означают, что высокий расход государственных средств на образование свойственен как богатым, так и бедным странам. Самые низкие расходы были у Азербайджана (2,1 %) и Грузии (2,0 %). Эти показатели чуть меньше расходов стран БВД – Польши (4,8 %) и Чехии (4,3 %). Самые малые расходы у стран БВД – Болгарии (3,5 %) и Румынии (2,9 %).

Рис. 8. Государственные расходы на образование (проценты от ВВП) в странах БСС, БВД

В нашу задачу входит построение интегрального индекса для рассмотренных параметров. Введем интегральный индекс развития стран бывшего Советского

Союза и Варшавского договора (ИРС), основанный на использовании рассмотренных параметров. Метод расчета индекса основан на обычно допускаемом предположении о равной значимости всех параметров и использует методику, применяемую в ООН для расчета индекса развития человека [Human... 2013].

Расчет индекса производится так: если параметр относится к случаю «чем больше значение параметра, тем лучше» (пример – «ВВП на душу населения»), то методом линейного преобразования все его значения пересчитываются в набор чисел от 0 для самого маленького значения до 1 для самого большого. Если для параметра выполняется условие «чем меньше значение параметра, тем лучше» (пример – «общая смертность»), то его значения пересчитываются соответственно в набор чисел от 1 для самого маленького значения до 0 для самого большого. Такая процедура выполняется для всех параметров. Далее из получившихся чисел выбираются относящиеся к данной стране и вычисляется их среднее значение – получившееся число объявляется величиной индекса ИРС данной страны по данному параметру. Такая процедура выполнялась для каждой из стран. Практически вычисления производились в среде MS Excel с использованием расчетов статистических функций, что позволяло учитывать отсутствие значений части параметров (пробелы).

Приведем получившиеся значения индекса (табл. 1) вместе с рейтингами стран, то есть местом от 1 для самого большого значения до числа, равного количеству стран. Также в таблице для удобства приведены все значения параметров.

Таблица 1

Интегральный индекс развития стран бывшего Советского Союза и Варшавского договора (ИРС). Указаны значения используемых параметров. Размерности те же, что на графиках. Числа в таблице сортированы по убыванию ИРС

№	Страна	Индекс ИРС	ВВП на душу насел. 2016	Темп ВВП на душу населения 2014–2016	Электропотребление 2014	ОПЖ 2015	Общая смертность 2015	МС 2015	Индекс демографии 2015	Расходы на образование 2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Чехия	0,797	34 711	3,07	6259	79,5	10,5	2,8	7,94	4,3
2	Эстония	0,742	29 365	1,99	6732	77,1	11,6	2,3	7,85	4,7
3	Словакия	0,710	30 632	3,13	5137	77,2	9,9	5,8	7,29	3,9
4	Польша	0,697	27 811	3,35	3972	78,2	10,4	4,5	7,09	4,8
5	Венгрия	0,650	26 681	3,31	3966	76,0	13,4	5,3	6,84	
6	Литва	0,639	29 966	3,53	3821	75,1	14,1	3,3	7,54	4,8
7	Латвия	0,619	26 031	3,16	3507	74,1	14,4	6,9	7,37	6,6
8	Казахстан	0,563	25 264	0,65	5600	72,0	7,5	12,6	3,06	
9	Болгария	0,544	19 199	3,45	4709	74,5	15,3	9,3	7,14	3,5
10	Румыния	0,535	23 626	4,43	2584	75,0	13,2	9,7	6,68	2,9
11	Молдова	0,483	5 334	2,90	1386	71,4	11,4	13,6	6,35	8,3
12	Киргизия	0,478	3 551	1,80	1941	70,7	5,8	19,0	5,33	7,4
13	Россия	0,454	23 163	-1,50	6603	70,9	13,0	8,2	3,31	3,9
14	Беларусь	0,442	18 060	-1,73	3680	73,6	12,6	3,4	3,62	5,1
15	Грузия	0,417	9 997	3,95	2688	73,0	13,3	10,6	5,88	2,0
16	Армения	0,392	8 818	1,90	1966	74,2	9,7	12,6	4,00	2,8
17	Украина	0,391	8 272	-2,62	3419	71,2	14,9	7,7	5,7	6,7

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
18	Узбекистан	0,387	6 514	6,02	1645	71,1	4,9	33,9	1,95	
19	Туркмени- стан	0,326	16 880	5,75	2679	67,6	7,1	43,7	1,83	3,1
20	Азербай- джан	0,324	17 253	-1,19	2202	71,8	5,7	27,9	2,71	2,1
21	Таджики- стан	0,316	2 980	4,22	1480	71,0	5,2	38,5	1,95	4,0

Мы видим, что первое место по индексу занимает Чехия (0,797), а последнее – Таджикистан (0,316). Россия стоит на 13-м месте, Беларусь и Украина занимают соответственно 14-е и 17-е. Среди стран БСС Россия находится на третьем месте после Казахстана (8-е место), Молдовы (11-е) и Киргизии (12-е). Среди стран БВД самое последнее (10-е) место занимает Румыния, опережая при этом одиннадцать стран БСС. Видно, что страны БВД существенно опережают БСС по развитию. Страны Балтии Эстония (2-е место), Литва (6-е) и Латвия (7-е) не уступают в развитии странам БВД. Среди государств БСС особенно заметно отставание Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана.

В нашем исследовании важно выяснить, как шло развитие стран за последние годы. Для этого сравним указанное современное состояние развития с состоянием в 2008 г. 2008-й был годом, предшествующим началу мирового экономического кризиса, второй наступил семь лет спустя, когда, по одним представлениям, кризис окончился, а по другим – развивается, вступив в стадию затяжного. Отметим, что темп роста ВВП на душу населения в обоих случаях брался средним за данный год и два предыдущих (2006–2008 гг. и 2014–2016 гг.).

Сравним изменение положения стран по индексу ИРС и за указанный период (табл. 2). Самое значительное улучшение положения произошло в Казахстане (подъем на 8 позиций), Киргизии (подъем на 6 позиций) и Грузии (подъем на 2 позиции). Литва и Армения опустились на 1 место, Румыния – на 2. Россия и Беларусь опустились на 3 позиции. Самое значительное ухудшение произошло на Украине (спуск на 4 места) и в Азербайджане (6 мест). Остальные страны незначительно изменили свое положение в таблице или остались на прежнем месте.

Таблица 2

Изменение рейтинга стран по ИРС с 2008 по 2016 г.

Страна	Сдвиг места от 2008 к 2016 г.	Страна	Сдвиг места от 2008 к 2016 г.	Страна	Сдвиг места от 2008 к 2016 г.
Казахстан	8	Чехия	0	Литва	-1
Киргизия	6	Эстония	0	Армения	-1
Грузия	2	Словакия	0	Румыния	-2
Венгрия	1	Польша	0	Россия	-3
Молдова	1	Латвия	0	Беларусь	-3
Узбекистан	1	Болгария	0	Украина	-4
Туркменистан	1	Таджикистан	0	Азербайджан	-6

Рассмотрим источники происхождения изменений положения в странах. Казахстан является государством, наиболее преуспевшим в развитии (подъем на 8 позиций, с 16-го места на 8-е). Этому способствовало то, что у него рост ВВП на душу населения за данный период был наибольшим среди рассмотренных стран – 6 750 долларов (36 % за период). Электропотребление увеличилось на 19 %, по этому показателю он достиг 3-го места среди рассмотренных стран. Прирост ОПЖ также был большим и составил 5 лет (с 67 до 72 лет). Также произошли самое значительное уменьшение общей смертности (на 23 %) и второе наивысшее уменьшение по младенческой смертности (45,2 %).

У Киргизии рост на 6 позиций произошел благодаря росту ВВП на душу населения (на 32 % за период). Увеличение электропотребления было вторым среди стран – на 41 %. Значительно улучшились демографические параметры – самое сильное уменьшение общей смертности (на 18,3 %) и второе место (после Казахстана) по уменьшению младенческой смертности – на 36,9 % (11,1 человека на 1000). Также Киргизия получила первое место по росту индекса демократии (вместе с Грузией) (на 1,3 балла), это была ее заметная «победа» среди имеющих не очень высокие рейтинги стран БСС. Также нужно отметить самый большой прирост расходов на образование.

Улучшение положения Грузии на 2 позиции связано с третьим среди стран процентным ростом ВВП на душу населения – 62 % (при не очень большой величине параметра), первым местом по абсолютному (892 кВт/ч на душу населения) и по процентному (50 %) увеличению электропотребления среди стран, седьмым местом по уменьшению младенческой смертности, первым (как говорилось, вместе с Киргизией) ростом индекса демократии.

Из стран, положение которых ухудшилось, следует в первую очередь отметить снижение положения России на 3 позиции. Если до наступления кризиса в 2008 г. она превосходила все страны БСС, то теперь ее обогнали развивающиеся быстрее нее Казахстан, Молдова и Киргизия. Наиболее неблагоприятным было снижение темпа роста ВВП на душу населения у России – от 7,51 % в период наибольшего роста сырьевой экономики до отрицательных темпов в течение 2014, 2015 и 2016 гг. Также она занимала предпоследнее место по величине роста ВВП на душу населения с 2008 по 2016 г. При малой для развитой страны величине ОПЖ ее рост с 2008 до 2016 г. составил малую величину – 3 года. При третьей по величине общей смертности ее уменьшение за рассмотренный период было мало и составило 1,5 человека на 1000. Рекордом России было самое сильное среди стран снижение (вместе с Украиной) индекса демократии (с 4,48 до 3,31 балла). Отметим также уменьшение расходов на образование в течение 8 лет.

Схожим образом прошло снижение положения Беларуси на 3 места – с 11-го на 14-е. Наиболее неблагоприятным было, как и в России, снижение темпа роста ВВП на душу населения в период наибольшего роста перед наступлением кризиса (10,12 % в год), превышающего темп роста России, до близких с Россией отрицательных темпов в течение 2014–2016 гг. При самой большой ОПЖ среди стран БСС – 73,6 года – ее рост с 2008 до 2016 г. составил малую величину – 3,2 года, близкую к значению России. Также уменьшение общей смертности за период было мало и составило 1,5 человека на 1000, как и в России.

Снижение на 4 позиции положения Армении связано с меньшим, чем у России, ростом ВВП на душу населения за рассматриваемый период – на 16 %, сни-

жением темпа роста ВВП на душу населения с 11,8 % до 2,85 %, уменьшением индекса демократии и сокращением затрат на образование.

Потеря 8 позиций Азербайджаном, максимальная среди стран, объясняется прежде всего уменьшением темпов роста ВВП на душу населения за рассматриваемый период с аномально рекордного значения 21,7 % в год в 2006–2008 гг. до отрицательного темпа роста –1,19 % в 2014–2016 гг., а также очень малым повышением ОПЖ (1,7 года за период), уменьшением индекса демократии и расходов на образование.

По индексу ИРС Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан находятся на последних позициях среди рассмотренных стран. Развитие Таджикистана по доходам достигло показателей наименее развивающихся стран. Особенно удивляет высокая младенческая смертность в этих государствах, этот показатель в большей степени характеризует качество медицинского обеспечения, в данном случае являющееся следствием слабых доходов населения в Таджикистане и Узбекистане, а также пренебрежением к достойной жизни населения в имеющих высокие доходы в БСС Азербайджане и Туркменистане.

Отметим, что неизменное положение или слабое движение других стран в таблице не означает отсутствие или недостаток их развития. Поскольку данные государства имеют хорошие параметры развития (что видно из значений индекса и их рейтингов в табл. 1), а улучшение параметров развития стран происходит относительно синхронно, то их позиции почти не меняются. Примером является растущее дерево, все его ветки каждый год поднимаются вверх, и их порядок по высоте не меняется. Это особенно хорошо проявляется для стран БВД.

Есть еще один параметр развития, но, по мнению автора, являющийся неоднозначной его характеристикой. Это миграция населения. По полученным автором предварительным данным Всемирного банка о миграции в 2017 г. (табл. 3), максимальная миграция у рассматриваемых стран была в Армении – 26,3 %, Молдове – 24,2 % и Казахстане – 22,5 %, минимальная – у Туркменистана – 4,8 %. Миграция в России, Таджикистане, Узбекистане, Венгрии, Чехии и Туркменистане не превышала обычных данных в странах Европы.

Таблица 3

Миграция населения стран БСС и БВД в 2017 г.
Данные указаны в процентах в год от численности населения

Страна 1	Миграция, % 2
Армения	26,3
Молдова	24,2
Казахстан	22,5
Литва	19,9
Болгария	19,5
Румыния	17,2
Беларусь	17,1
Латвия	17
Грузия	16,6
Эстония	14,5
Азербайджан	13,7
Киргизия	12,9
Украина	12,3

Окончание табл. 3

1	2
Словакия	10,9
Польша	10,2
Россия	7,6
Таджикистан	7,5
Узбекистан	6,3
Венгрия	5,8
Чехия	5
Туркменистан	4,8

Это означает, что от 10 % до 26 % населения большей части стран БВД, трех стран Балтии и части БСС решает жизненные проблемы в других странах. По мнению автора, массовая миграция в Европу хотя и является свидетельством дефекта развития стран, но в долгосрочной перспективе дает надежду на более быстрое развитие – при условии частичного возвращения мигрантов и помощи Евросоюза в налаживании экономики, науки и культуры. Поэтому данный параметр неоднозначный, поэтому неправомерно анализировать его вместе с другими и включать в индекс ИРС.

Отметим возможность влияния миграции на значения демографических параметров. В результате миграции уменьшается численность населения работоспособного возраста с показателями смертности более благоприятными, чем у оставшихся в стране пожилых людей. Это может «обеспечить» статистическое увеличение общей смертности и уменьшение ОПЖ, расчет которой основан на учете смертности во всех возрастных группах. Получается ситуация, когда смертность и ОПЖ ни уехавших за границу, ни оставшихся в стране людей не изменится, а статистика покинутой страны покажет неблагоприятное изменение. В данном случае смертность и ОПЖ могут стать не свидетельством неблагоприятной ситуации в демографии, а показателем высокой миграции. Было бы полезно количественно определить вклад миграции в значения регистрируемой смертности и ОПЖ.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что за четверть века страны БВД достигли значительных успехов в развитии и заметно опережают государства БСС. У них более развитая экономика, они достигли большего прогресса в развитии высокотехнологичных производств, добились лучших демографических показателей, у них существенно выше уровень демократии. Однако движение стран БВД в сторону Евросоюза и НАТО не дало им возможности избежать дефектов развития. Также важно отметить, что среди стран БСС есть государства, выбравшие более прогрессивный, чем сырьевой, путь развития.

Чехия и Словакия являются лидерами развития стран БВД и приближаются к лидерству в Евросоюзе. В то же время Болгария и Румыния, последние в списке стран БВД, хотя и опережают большую часть стран БСС, тем не менее не добились высоких результатов, а положение в Болгарии с самой высокой смертностью в мире и в Румынии с близкой к ней смертностью, к тому же занимаемые ими по-

следние места по ОПЖ и МС в странах БВД и Балтии свидетельствуют о том, что у них существуют не выявленные в данной работе дефекты развития.

Страны Балтии, войдя в Евросоюз, добиваются неплохих показателей экономического развития. Однако высокая смертность говорит о дефектах их развития. Большая миграция в Европу хотя и является свидетельством дефекта развития, но в долгосрочной перспективе дает надежду на более быстрое развитие – при условии будущего возвращения мигрантов и помощи Евросоюза в налаживании экономики, науки и культуры.

В 1980-е гг. СССР был флагманом развития среди стран Варшавского договора. В 2008 г. Россия заняла последнее место среди этих стран, но была впереди бывших республик Советского Союза. Теперь она отстает не только от всех стран БВД, но еще и от трех бывших советских республик, во время СССР в основном сельскохозяйственных производителей. Также когда-то экономически развитые Украина и Беларусь теперь отстали даже от уровня 2008 г. Все три страны имеют отрицательный темп роста экономики. Отставание в развитии России сказывается и на развитии ее близких соседей – бывших республик СССР.

Наиболее перспективным из стран БСС является Казахстан. Он стремится к нормальному развитию экономики, в 2016 г. по ВВП на душу населения опередил Россию, опережает ее по темпам экономического роста, имеет лучшие показатели ОПЖ и смертности. За Казахстаном по перспективам развития следуют Молдова, Киргизия и Грузия – они имеют неплохие темпы роста ВВП, положительные приросты электропотребления, одни из наиболее высоких индексов демократии среди стран БСС. Однако Киргизия при этом имеет низкое значение ВВП на душу населения, которое ненамного больше Таджикистана, находящегося в конце списка стран по этому параметру. К сожалению, большая часть бывших республик СССР пребывает в кризисе, усугубляющемся невозможностью преодолеть существовавшие когда-то ориентацию на развитие сельскохозяйственных монокультур и слабое развитие экономики. Присутствие жителей части этих стран в России в качестве временных неквалифицированных рабочих помогает им улучшить свой уровень жизни и буквально выживать населению, но не дает стимулов к развитию их собственных стран.

Автор выражает благодарность Анне Тарко за помощь в проведении статистических расчетов на ЭВМ для данной статьи.

Литература

Степанов С. А., Тарко А. М. Россия в XXI веке: проблемы идентификации и национальных целей. М. : Библио-Глобус, 2015.

Тарко А. М. Новые результаты развития России на основе динамики ее демографических и технологических параметров // *Пространство и время*. 2012. № 4(10). С. 108–118.

Тарко А. М. О настоящем и будущем России и мира. Тула : Промпилот, 2016.

Федеральная служба государственной статистики. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>.

Democracy Index 2015. Democracy in an Age of Anxiety. A Report by the Economist Intelligence Unit [Электронный ресурс]. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2015/.

Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. New York : UNDP, 2013.

World Development Indicators. World Bank. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>.

США КАК МИРОВОЙ ЛИДЕР: РЕАЛИИ, ТЕОРИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Дробот Г. А.*

В современном мире США являются единственной сверхдержавой. В известном смысле современный мир моноцентричен, если под центром силы понимать державу, доминирующую по всем ресурсным показателям, и одновременно его можно считать многополюсным, если иметь в виду, что полюс силы – это доминирование в какой-либо одной области. Это создает определенную интригу в будущем современного мирового развития. Соединенные Штаты по законам истории не могут вечно оставаться державой номер один. Кто из полюсов современного мира бросит им вызов? Может быть, это будет Китай? И когда это произойдет? Пока сказать что-то определенное трудно, так как со времен Второй мировой войны США с переменным успехом удерживают мировое лидерство.

Ключевые слова: мировой лидер, сверхдержава, глобальная конкуренция, сфера влияния, международные вызовы.

In today's world the USA is the only superpower. The modern world is monocentric in a certain sense if under center of power one understands the power dominant in all resource indicators, and at the same time it is multipolar; meaning that the pole is the dominance in any single sphere. This creates a certain intrigue for the future of contemporary world development. The United States according to the laws of history will hardly remain the number-one power. Which of the poles existing in the modern world will challenge the US? Maybe, China? Then, when will it happen? Yet, it is difficult to make any predictions since after the Second World War the US has remained the leader of the modern world with varying success.

Keywords: world leader, a superpower, global competition, sphere of influence, international challenges.

История международных отношений свидетельствует, что на протяжении всех веков происходила смена государств, доминирующих в мировом и региональном масштабах. Иерархия международного разделения власти и влияния – важнейший компонент мирополитической системы. Со второй половины XX в. и особенно в XXI в. в условиях развития процессов глобализации смена лидеров в международной системе приобрела специфический характер. Она стала более динамичной и неоднозначной.

Итоги деятельности США, по мнению Т. А. Шаклеиной, хорошо изучены и проанализированы американскими аналитиками, позиции которых расходятся. Выделяются два основных подхода. Сторонники первого отстаивают мнение о том, что действия Америки привели к серьезной позитивной модификации старо-

* Дробот Галина Анатольевна – д. п. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: gdrobot@mail.ru.

го порядка, но останавливаться не следует. К такому мнению склоняется большинство правящей элиты и членов экспертного сообщества. Меньшинство считает, что политика США вряд ли приведет к созданию стабильного порядка, основанного на консенсусе разных участников мирового процесса. Их беспокоит, что в результате проводившейся политики был нанесен ущерб самой Америке и это может привести к сокращению ее влияния и упадку глобального могущества [Мегатренды... 2013: 77; Шаклеина 2012: I]. К подобному мнению о наличии двух основных школ в анализе динамики современного мирового лидерства приходит и А. Д. Воскресенский [Мировая... 2005: 335–339].

На сегодняшний день ведущие российские эксперты-международники сходятся в том, что «именно Соединенные Штаты вместе с их влиятельными европейскими союзниками демонстрируют наибольшую степень активности и обладают мощным ресурсом порядкостроительства» (Т. А. Шаклеина) [Мегатренды... 2013: 77].

А. Д. Воскресенский, соглашаясь с подобным мнением, обосновывает его следующим образом. Хотя некоторые страны Востока (Япония, Южная Корея, так называемые новые индустриальные страны Азии, сюда относится и Китай) довольно успешно конкурируют с западными государствами, однако общий технологический отрыв последних не вызывает сомнений. Страны Запада концентрируются на наукоемких отраслях ядра постиндустриального уклада, а даже самые передовые новые индустриальные страны – в лучшем случае на выпуске технического оборудования для информационно-технологического производства. «Догоняющий, экспортно ориентированный (прежде всего на страны Запада) путь модернизации, которого придерживаются эти страны... в принципе не позволяет им ни серьезно подорвать, ни оспорить мировое лидерство западных государств» [Мировая... 2005: 338]. Первым же государством в кругу западных лидеров по крайней мере до середины XXI в. будут оставаться США.

Как пишет Э. В. Кириченко в недавно вышедшей монографии, подготовленной учеными ИМЭМО РАН, в XXI в. ключевым фактором экономического развития США является опора на человеческий потенциал и динамичное генерирование инноваций. В структуре народного хозяйства Соединенных Штатов на основе тесного взаимодействия государства, частного и общественного секторов сформировалась многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека. В 2015 г. расходы на образование составляли 6,4 % ВВП. Затраты на здравоохранение (2013 г.) равнялись 16,4 % ВВП, что выше, чем в других странах ОЭСР. США тратили на эти цели 8713 долларов на человека, в 2,5 раза больше, чем в среднем по ОЭСР (3453 доллара). Среди факторов, обеспечивающих прирост инновационного потенциала Соединенных Штатов, следует отметить: сформированную уникальную многоуровневую национальную инновационную систему (НИС), в рамках которой динамично совершенствуются механизмы взаимодействия ее отдельных элементов; качество ресурсного обеспечения, что критически важно в условиях ускоряющегося сокращения жизненного цикла высоких технологий; широкое развитие венчурного капитала и научно-технического предпринимательства; создание региональных хайтек-кластеров глобального значения. Государство, даже в периоды кризиса и вялого оживления, сохраняло государственную поддержку НИОКР, включая фундаментальные исследования, осуществляемые частными корпорациями, университетами и некоммерческими организациями.

При этом оно стремится повысить народнохозяйственное значение этих исследований, стимулируя коммерциализацию технологий, в частности путем продвижения кооперации в сфере НИОКР, правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности. Ведущие университеты США, обладающие огромными финансовыми и научно-техническими ресурсами, помогают «притянуть» мировую интеллектуальную элиту. Монополизация всего спектра инновационного развития не только непосильна, но и неэффективна для любой экономики. На долю Соединенных Штатов приходится треть мирового производства высокотехнологичной продукции. США стараются оседлать гребень инновационной волны [США... 2016–2017, т. 1: 8, 9].

Доллар пока еще является единственной реальной глобальной валютой. Об альтернативе говорят Франция, Китай, ОПЕК. Однако доллар используется в 85 % всех валютных обменных действий по всему миру; 62 % всех валютных накоплений совершается в долларах; 65 % китайского золотовалютного запаса хранится в долларах; 54 страны привязывают свою валюту к курсу доллара и только 27 – к курсу евро [Lundestad 2012: 89]. Существует много причин доминирования доллара: размеры американской экономики, ее крупный и ликвидный финансовый рынок и т. д. Тренд состоит в уменьшении подобного рода показателей и их размеров, но этот тренд медленный. По объему валютного обмена евро весьма активен, тем не менее все региональные валюты не идут ни в какое сравнение с долларом.

Несмотря на неудачи в войнах в Афганистане и Ираке, США много делают для поддержания своей военной мощи. Их военные расходы в 6 раз превосходят расходы второй по этому показателю державы мира – Китая. У Соединенных Штатов не самая многочисленная армия, но она вооружена новейшим оружием и самая мобильная в мире. Они могут дислоцировать сотни тысяч военнослужащих в любой уголок планеты, как можно было видеть во Вьетнаме, Персидском заливе, Ираке.

* * *

Сами американцы считают США уникальными. Джон Кеннеди ссылался на «наши права на моральное лидерство на этой планете». Рональду Рейгану принадлежит высказывание: «Американская мечта живет – не только в сердцах и умах наших соотечественников, но и в сердцах и умах миллионов людей планеты в свободных и угнетенных странах, которые смотрят на нас как на лидера. До тех пор, пока эта мечта жива, пока мы продолжаем защищать ее, Америка имеет будущее и все человечество имеет повод надеяться» [*Ibid.*: Preface]. В своей инаугурационной речи Барак Обама обращался ко всему миру «от огромных столиц до маленькой деревни, где родился мой отец. Я знаю, что Америка является другом каждой нации и каждого мужчины, женщины и ребенка, которые стремятся к мирному будущему и процветанию. Мы готовы лидерствовать и далее» [*Ibid.*]. Все это – комплекс мессианства. Большинство американцев верит в то, что американская эра продлится вечно. Рональд Рейган провозглашал «утро Америки» и независимость ее от законов истории. Очень немногие американские лидеры не согласны с этими утверждениями. Вы не станете популярны в США, предсказывая падение «своей божественной страны». Подобного мнения придерживаются и многие американские международники-политологи, такие, например, как Джозеф Най, Сэмюэл Хантингтон, Стефан Брукс, Уильям Уолфорд.

Иностранцы выражают естественный скептицизм по поводу таких заявлений. Приведем рассуждения экс-главы Института Нобеля норвежского ученого Гира Лундестада из его книги «Взлет и падение американской “империи”. Сила и ее пределы в сравнительной перспективе» [Lundestad 2012], которая представляет собой результат его многолетних размышлений. Он автор и редактор ряда других книг, посвященных международной политике после Второй мировой войны вплоть до наших дней. Тесные контакты связывают Лундестада с Гарвардским университетом и Центром Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Независимо от того, называем ли мы их сверхдержавами, великими державами, империями или гегемонами, пишет Г. Лундестада, очевидно одно: они приходят и уходят. Из европейской истории известно, что Римская империя пережила взлет и падение; то же было с империей Каролингов (732–814 гг. н. э.) и, конечно, с тремя германскими рейхами; то же произошло с Британской и Французской колониальными империями, и к 1991 г. Советская империя не только потерпела крах, но и распалась на 15 частей.

Монголы под управлением Чингисхана (1162–1227 гг.) и Тамерлана (1336–1405 гг.) основали одну из самых великих империй, в которой имела место поразительная этническая и религиозная толерантность. Некоторые ученые утверждают, что империя Тамерлана была последней попыткой бросить вызов разделению Евразии на государства Дальнего Востока, исламской Евразии и конфуцианской Восточной Азии. Тем не менее огромная империя распалась на несколько частей, и сегодня от нее осталась современная Турция.

По ряду оценок, к 1800 г. доля Китая в мировом промышленном производстве составляла 33,3 %, а Индии – 19,7 %, в то время как Европа в целом производила 28,1 %. В те времена большое значение имела численность населения. Чем больше население, тем больше продукция. Когда в XIX в. произошла промышленная революция, ситуация кардинально изменилась. Доля Китая и Индии уменьшилась соответственно до 6,2 % и 1,7 %, в то время как доля Британии и США увеличилась до 18,5 % и 23,6 % соответственно [Ibid.: 2].

Таким образом, восточная экспансия была сменена огромной западной волной, которая продолжила географические изыскания европейцев в эпоху Великих географических открытий. Сначала Испания и Португалия, затем Британия и Франция, а после менее крупные европейские страны создали свои огромные колонии. Имея такую малую территорию, Британия контролировала около 20–25 % мировой территории и населения. Северная и Южная Америки, Австралия, большая часть Азии и большая часть Африки попали под европейский контроль. Соединенные Штаты были первой колонией, которая обрела независимость. Ко всеобщему удивлению, после обретения Индией независимости после Второй мировой войны колониальные империи быстро распались. В 1990-е гг. США наслаждаются моноцентричным миром в условиях коллапса СССР.

Однако падение Америки предсказуемо, утверждает Г. Лундестада, хорошо это или плохо, желаемо или нежелательно. Ни одна страна не может доминировать вечно. Так, Советский Союз предсказывал вечное господство коммунистической эры. Сомнения высказывались широко по всему миру. Как показала история, прогноз советских лидеров оказался неверным.

Очевидно, что рано или поздно США покинут свое место державы номер один. Несмотря на это, большинство американцев продолжают верить, что Аме-

рика преодолет законы истории, пишет Г. Лундестад. Американская миссия в истории будет продолжаться. Однако только история покажет, что произойдет. Г. Лундестад предпочитает рассуждать о будущем, погружаясь в прошлое.

Американцы – большие мечтатели. Америка постоянно стремилась создать мир по своему представлению. Это был «град на холме»; он стоял для «жизни, свободы и постоянного счастья». Очень многие президенты США видели себя в качестве мессии. Мандат на перемены мира исходил не только от американского народа, но и от вновь прибывающих переселенцев. Часто он подразумевался, в других случаях непосредственно утверждался, как воля Бога, благославляющего действия Америки в мире.

Снова и снова американские лидеры видят себя не только как наиболее могущественных людей мира, но и как лидеров, конструирующих мир. Большинство из них действительно достойны успеха, говорим ли мы о Вудро Вильсоне, инициаторе создания Лиги Наций; Франклине Рузвельте, одном из основателей ООН; Джоне Кеннеди, «наилучшем и блестящем»; оптимизме Рональда Рейгана, который подчеркивал его своеобразие. Мы менее оптимистичны в оценке Джорджа Буша-младшего, который взял на себя миссию освобождения Ирака и всего Ближнего Востока. Более умеренна версия всемирного могущества Барака Обамы: «Мы не можем, нам не следует делать все и везде. Но там, где наши ценности и наш интерес затрагиваются и где мы можем изменить ситуацию, мы должны быть готовы к этому» [Lundestad 2012: 176].

Но американцы не только мечтают, они еще и испытывают страх перед вызовами международной среды, отмечает Г. Лундестад. Большинство американцев видят международные отношения преимущественно как борьбу между добром и злом. События Второй мировой войны, когда шла борьба добра со злом, показали, что политика изоляционизма потерпела крах и Америка не может абстрагироваться от Старого Света. Дьявол всегда там, где идет война, готовый к своей работе. А. Гитлер был воплощением дьявола для своего времени. Существует много причин, почему США позволили СССР расширить сферу своего влияния в Восточной Европе в борьбе с Гитлером. Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что иначе И. В. Сталин распространил бы свое влияние на всю Европу.

Американцы боялись международного эффекта домино, принцип которого был провозглашен после Второй мировой войны президентом Д. Эйзенхауэром. Однако уже Гитлер демонстрировал всю весомость теории домино. События в одной стране оказывали влияние на ход событий в других странах, особенно соседних. Фактом является и то, что экспансия СССР в ряде стран Восточной Европы привела к установлению советского контроля и в других странах региона. Война во Вьетнаме имела последствия не только в Юго-Восточной Азии, в частности в Лаосе и Камбодже, но и в более отдаленных частях света.

Впрочем, эффект домино мог играть и позитивную роль для США. В 1989 г. крах советско-коммунистического режима в одной центральноевропейской стране – ГДР – привел к коллапсу подобных режимов во всех остальных государствах региона. Это было логично, если учитывать то, что СССР играл решающую роль везде, кроме Румынии.

Г. Лундестад полагает, что с такими масштабными целями, которые присущи большинству предыдущих великих держав в мире, в том числе и самим Соеди-

ненным Штатам, можно ожидать, что они столкнутся с поражением. В конце концов, будучи близки по статусу к лидирующей стране в мире, Соединенные Штаты все же далеки от всемогущества. Во время Второй мировой войны они мечтали о мировом могуществе, но образовалось два центра силы – восточный и западный. В восточном центре у США было очень мало влияния.

В первые пять лет после Второй мировой войны США столкнулись с двумя крупными поражениями – в Восточной Европе и в КНР. Восточная Европа была зоной приоритета СССР, она контролировалась Советской армией по результатам войны против Германии. Только новая большая война могла изменить расклад сил в регионе. Но после четырех кровопролитных лет это было вне вопроса, по крайней мере для Г. Трумэна (в отличие от У. Черчилля, который, впрочем, оказался не у власти после войны). Китай был наиболее многонаселенной страной мира. США меньше всего стремились остановить гражданскую войну в этой стране: Китай был слишком огромным, чтобы контролировать его внутренние процессы; американские ресурсы, хоть и большие, были все же ограничены; Чан Кайши был далеко не идеальным союзником. Таким образом, Восточная Европа и Китай бросили вызов Соединенным Штатам. Г. Лундestad задается вопросом: каким образом такая сильная Америка потерпела поражение? Может, Америка не всемогуща? И отвечает на вопрос: республиканцы, находившиеся тогда у власти, нашли причины во внутренней политике, полагая, что ни одна внешняя сила не может нанести поражение США.

Позже последовали другие поражения. Корейская война закончилась вничью, что могло рассматриваться как определенная дистанция Южной Кореи от США. Вьетнамская война закончилась поражением. Появились новые противники, прежде всего Фидель Кастро в Гаване и мусульманские аятоллы в Тегеране. Однако Америка также вела успешные войны вдали от дома. Саддам Хусейн был выдворен из Кувейта, потом и из самого Ирака. Слободан Милошевич лишился влияния в Косово, а также вообще власти в Белграде (хотя в последнем случае участие США было крайне ограничено). Впрочем, последние события показывают, что одно дело – выиграть инициированную войну в стране и совсем другое – обулаивать в ней дела. Здесь и Афганистан, и Ирак внушают мало оптимизма.

Неудивительно, что многие американские президенты под конец своего срока во власти испытывали чувство фрустрации. Власть президента может быть значительной, но к концу срока она может стать значительно меньше, чем президент и его окружение представляли себе вначале.

Несмотря на свою огромную силу, США часто шли на компромиссы с западноевропейскими союзниками. В Старом Свете встречалось полное нежелание следовать американским советам. За исключением Суэцкого кризиса 1956 г. и заключения франко-германского договора 1963 г., Соединенные Штаты редко диктовали своим союзникам в Западной Европе, что они должны делать. Наибольшие поражения Америка начала терпеть после прихода к власти во Франции генерала Ш. де Голля в 1958 г. Это наиболее яркий пример бессилия Америки. Де Голль отказался признать Британию в составе ЕЭС, пытался заставить ФРГ следовать французской политике безопасности, наконец, предпринял шаги по выходу Франции из военной структуры НАТО.

Размещение американских войск в Европе в первое время после Второй мировой войны было очень проблематично. Президент Д. Эйзенхауэр настаивал на том, чтобы американские войска находились в Европе только на временных условиях. Европейцы должны были управлять долговременной проблемой безопасности самостоятельно. Эйзенхауэр упрекал их в неумении это делать. Несколько позже британцы и французы обзавелись собственным ядерным оружием, в основном к неудовольствию Вашингтона.

Каждый раз, когда США угрожали вывести свои войска из Европы, ряд причин препятствовали этому курсу. Важнейшая из них – такие угрозы могли усилить позиции СССР в его противостоянии с Западом. Это противоречило союзнической политике Вашингтона. Заметим, что то же касается и обещаний нынешнего американского президента Д. Трампа относительно сокращения военного сотрудничества с Европой.

Американские поражения не являются столь драматическими, как кажутся. Европейцы увеличили численность своих войска в Европе; первые годы де Голля у власти были отмечены сравнительно позитивным отношением к США; в настоящее время Великобритания выходит из ЕС, но твердо придерживается курса на сотрудничество с Вашингтоном.

Мировое лидерство – явление динамичное. В 1945 г., когда была создана ООН, США, СССР и Великобритания были абсолютными лидерами мира. Они являлись тремя «сверхдержавами», когда этот термин был впервые введен в конце Второй мировой войны. Великие державы сегодняшнего дня различны. Британия и Франция предъявляют сегодня меньшие претензии, чем в 1945 г. Германия – экономический лидер в Европе. ЕС значительно укрепил экономическое влияние, но далек от единой оборонной и даже финансовой политики. Советский Союз был заменен Россией. Китай взял курс на обретение статуса великой державы подобно Индии с ее растущим мировым статусом и, возможно, таким региональным державам, как Бразилия и Южная Африка.

Япония, Китай, Южная Корея продемонстрировали, как быстро отдельные государства могут подняться экономически. СССР показал противоположный пример – как быстро может рухнуть великая держава. В 1960 г. Южная Корея и Гана были на одном и том же экономическом уровне, на том же уровне находились Индонезия и Нигерия. В 2010 г. по доходу на душу населения Южная Корея была по крайней мере на уровне Испании, Греции и Португалии и почти в 20 раз богаче Ганы; Индонезия была в два раза богаче, чем Нигерия [Lundestad 2012: 188].

В мире распространяются современные технологии, в особенности новейшие вооружения. Если в 1950 г. только пять развивающихся стран (Китай, Индия, Аргентина, Бразилия, Колумбия) могли позволить себе нечто большее, чем маленькие армии, то к 1980 г. их число возросло до двадцати шести, а в 2011 г. арсенал оружия в развивающихся странах охватывал большинство наименований тяжелого вооружения, в ряде случаев и ядерного оружия (Индия, Пакистан, Северная Корея). То, что эти страны не могут произвести сами, они покупают, если необходимо – тайно. Не только отдельные страны, но и малые группы способны сегодня наносить ощутимый урон даже сверхдержавам.

Наиболее значимым в отношениях между малыми и крупными государствами являются часто не их ресурсы, а внешнеполитический курс, который они прово-

дят. Г. Киссинджер заявлял: «...я не могу поверить, что такая четырехстепенная страна, как Северный Вьетнам, не имеет слабого места». А северовьетнамский генерал говорил после окончания Вьетнамской войны: «Несмотря на свою военную мощь, Америка продемонстрировала ограниченность своей силы. В войне действуют два фактора – человеческий и военный. Человеческий фактор является решающим. Да здравствует человеческий фактор!» (Lunderstad 2012: 191). Общеизвестно, что Вьетнам – это особый случай, но и другие страны и регионы демонстрируют подобные явления. Большинство американских президентов после Второй мировой войны были вынуждены вывести войска из зоны действия: Трумэн – из Китая, Джонсон и Никсон – из Вьетнама, Рейган – из Ливана, Буш-младший и Клинтон – из Сомали, Обама – из Ирака.

В обобщенном виде позиция норвежского ученого Г. Лундестада звучит следующим образом. Сверхдержавы заслуживают приставки «сверх» потому, что они могут позволить себе то, что никто больше не может. Если они действительно сверхдержавы, они создают свою собственную сферу влияния, даже свою собственную империю. Во многих отношениях Соединенные Штаты играют роль империи в мире после Второй мировой войны. Они смогли создать мировой либеральный политический и экономический порядок, основанный на Всемирном банке, МВФ, ВТО, НАТО и многих региональных организациях. Вашингтон сумел инкорпорировать в этот порядок бывших противников по Второй мировой войне – Германию и Японию, а также многих союзников бывшего СССР. США удается убеждать своих крупнейших союзников, Францию и Великобританию, знать свое место, как показал Суэцкий кризис 1956 г. Благодаря их влиянию практически во всех дружественных Америке странах коммунисты и симпатизирующие им партии не у власти. Американские инвестиции и культурные ценности распространяются по всем уголкам мира. В историческом смысле слова это является впечатляющими достижениями.

В сегодняшнем мире только США являются поистине глобальной державой; другие, такие как Китай и ЕС, все еще представляют собой в основном региональные центры силы, хотя и с некоторыми глобальными амбициями. В особенности это касается их военной мощи. И все же вызывает вопрос, можно ли говорить об Америке как о «вечной империи». США терпели много военных поражений; их долг огромен; не только Китай, но и другие региональные державы быстро набирают мощь. В экономической сфере центр тяжести расширяется – от западных держав и Японии, а теперь еще и Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, Южной Африки, к другим странам. «Большая семерка» постепенно заменяется «Большой двадцаткой». Все это свидетельствует о том, что смена главных ролей в истории происходит с заметным постоянством, и именно в этом состоят вечные законы истории, заключает в своей книге Г. Лундестад.

* * *

Однако, если вернуться к преобладающему в США мнению относительно того, что ожидать от Америки в XXI в., мы столкнемся с позицией аналитика Дж. Фридмана, который делает тревожные для России и большинства других стран мира прогнозы. Он считает, что международная стратегия Соединенных Штатов – это стратегия войны, что в XXI в. страна постоянно находилась в состоянии войны, что воинственность составляет основу американского опыта и имеет тенденцию к росту. По его мнению, она является частью американской

культуры и американской геополитики [Fridman 2010: 39–46]. Аналогичный вывод делает российский политолог Э. Я. Баталов, заявляя, что США находятся в состоянии непрекращающейся войны [Баталов 2009].

И хотя именно американцы развивают теорию «мягкой» и «умной» силы, постоянно делают акцент на значимость дипломатии, преемственность в реализации глобальной стратегии сохраняется. Это означает, что активная порядкоформирующая деятельность США продолжится, в том числе с использованием «жесткой» силы.

Как простые американцы рассматривают будущие перспективы своей страны в мире? После событий сентября 2001 г. администрация США уже не раз разъясняла своим гражданам, что профилактические войны за рубежом нужны американцам как средство предупреждения войн на самой американской территории. Это объяснение настолько просто, понятно и убедительно для большинства американцев, что ни одна из американских партий и ни один из кандидатов в президенты США не могут от него отказаться. Не случайно демократы критикуют республиканскую администрацию не за саму войну в Ираке, а только за тактику ведения этой войны.

В результате в ближайшие десятилетия следует ожидать новых попыток Соединенных Штатов реализовать свой квазиимперский проект, что уже происходит на наших глазах, если иметь в виду ситуацию вокруг Украины, Сирии и Северной Кореи. Потом наступит черед других. Альтернативы этому практически нет: США возникли и развивались как страна высших моральных ценностей и общество неограниченных возможностей; сомнение в этих аксиомах чревато катастрофическими последствиями для национальной идентичности. Сегодня же поле борьбы с абстрактным и реальным злом широко как никогда ранее: основной внешней угрозой можно объявлять глобальный терроризм, угрожающий безопасности американских граждан; новые левые движения, покусившиеся на зону естественных интересов США в Латинской Америке (Венесуэла); экономическую экспансию Китая, неправомерными методами разрушающего американскую индустрию и способного видоизменить в своих интересах всю международную экономическую систему; на худой конец, возрождение России, обещающее Соединенным Штатам изматывающую гонку вооружений. Так или иначе, состояние мобилизации в американском обществе будет поддерживаться.

Что же ждет мир, если США в силу тех или иных причин все же откажутся от своей имперской миссии (гипотеза)? По мнению Н. Фергюсона, профессора Гарвардского университета, «многополюсность не станет альтернативой однополюсности. На смену последней придет аполярность – глобальный вакуум власти. От этого... глобального беспорядка выиграют силы, намного более опасные, нежели соперничающие между собой великие державы» [Фергюсон 2005: 19]. Речь может идти о распаде Ирака и связанной с этим резкой дестабилизацией на всем Большом Ближнем Востоке, о неконтролируемом распространении оружия массового уничтожения, беспредельном афганском наркотрафике, ощущении вседозволенности у исламских экстремистов. Эту же мысль высказывал и З. Бжезинский в работе «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2010).

Вряд ли следует воспринимать пессимистичный прогноз Н. Фергюсона как указание на неизбежное развитие событий. В нем содержится известное преуве-

личение опасности, порождаемое закатом американской сверхдержавы. В то же время он, по-видимому, прав, полагая такое состояние мира несомненным шагом назад по сравнению с тем, что мы видим сегодня.

С этим согласны и некоторые российские ученые. Так, А. Д. Богатуров пишет: «Политика Америки вызывает в мире такое же раздражение, как внутри США – нежелание других народов принимать американские рецепты решения мировых проблем. Между тем очевидно: мировой порядок, который держится на американских ресурсах, не демократичен, но он не так уж и плох. Это гегемонистская стабильность, но это стабильность в отличие от схватки идеологических непримиримостей. Нерв ситуации в том, что американцы не желают понять: мир отказывается благодарить их, потому что он изнемог от удушающих объятий американской заботы и паталогической ответственности за... судьбы каждого рифа в океане, каждой скважины в пустыне, горы на Кавказе и трубы на дне Балтийского моря» [Богатуров 2007: 121].

А. Д. Богатуров полагает, что оппонирование американской внешней политике должно быть разумно-критическим. При всем неприятии американских превентивных операций и профилактических войн надо признать, что современные угрозы международной безопасности существенно отличаются от времени, когда писался Устав ООН и закреплялся принцип суверенитета. На сегодняшние угрозы распространения оружия массового уничтожения и глобального терроризма мало реагировать *post factum*, их надо упреждать, что неизбежно приходит в противоречие с принципом суверенитета. Это одна из ключевых проблем современного мира, которую Соединенные Штаты пытаются решать как могут, пока – надо признать – не очень удачно, но «правильного» решения этой проблемы в мире еще не найдено.

* * *

Как мы уже видели, невозможно предсказать заранее взлет и падение великих держав. Это касается и предсказаний о падении США как великой державы. Америка все еще остается крупнейшей экономикой мира, чей рост основан на собственных ресурсах, крупнейшим финансовым рынком и военным центром планеты и в высшей степени образованной в целом сбалансированной нацией.

США по-прежнему лидируют в научных исследованиях и образовании, несмотря на ограничения, введенные на допуск в страну иностранных студентов и исследователей после 11 сентября. Расходы Соединенных Штатов на научные исследования значительно выше расходов стран ЕС. Фактически они превосходят суммарные расходы семи следующих за Америкой держав по данному показателю. По показателю расходов на науку в расчете на душу населения только Швеция и Финляндия обгоняют США. Ученые по всему миру считают американских ученых наиболее желанными партнерами; впечатляет количество нобелевских лауреатов и бизнес-инноваций. Кроме того, многие зарубежные лидеры получили образование в США. Было подсчитано, что 46 действующих и 165 бывших зарубежных глав правительств учились в Соединенных Штатах [Ney 2011: 96, 106].

За исключением молодого поколения Индии, Америка имеет наиболее благоприятный демографический состав среди великих держав. Ее население быстро растет и по прогнозам будет расти еще быстрее, достигнув 500 млн человек к 2050 г. и 1 млрд к 2100 г. США гордятся самыми высокими темпами рождаемо-

сти, на 50 % выше, чем в России, Германии и Японии, и даже выше, чем в Китае. К этому надо добавить продолжающуюся широкомасштабную иммиграцию. Двадцать лет назад СССР имел значительно бóльшую численность населения, чем США. Но низкая рождаемость и высокая смертность сократили население Советского Союза почти до 140 млн человек. По прогнозам, к 2050 г. этот показатель России составит одну треть от населения США.

В развитом мире иммиграция будет играть даже бóльшую роль, чем сегодня. США привлекают высококвалифицированных иммигрантов со всего мира, даже из Европы. Подсчитано, что более половины людей, направляющихся из развивающихся стран, окажутся в Соединенных Штатах, которые являются для них желанной целью в плане образования и квалифицированной работы. При этом заботой для США является рост населения с латиноамериканскими корнями, которое в настоящее время составляет 16 % населения, а к 2050 г., по грубым подсчетам, будет составлять 50 %. Недавно в этой стране прошли политические протесты против нелегальной миграции. В то же время можно сохранять оптимизм относительно ассимиляционных процессов в США, если сравнивать с европейскими проблемами мусульманской иммиграции. Китай и Япония вообще не приветствуют иммиграцию, что является исключительным случаем для современного глобального мира. В этом смысле США являются уникальной нацией, в значительной степени проницаемой.

Однако в новом тысячелетии Америка сталкивается со многими проблемами, частично старыми, частично – новыми. Образовательная система, особенно на низшей ступени, прилагает усилия, чтобы добиться необходимого уровня качества, и это подтверждают многие международные образовательные индикаторы, которые показывают, что американская система отстает от лидеров. Американская система юстиции крайне дорогостоящая. То же относится и к системе здравоохранения – она наиболее дорогостоящая в мире, обещающая высококачественные услуги для всех, но оказывающая скромные услуги для большей части населения. В некоторых областях, таких, например, как детская смертность, США оказываются в самом конце списка индустриальных государств. Несмотря на сокращение серьезных преступлений в Америке в последние десятилетия, число убийств здесь больше, чем где бы то ни было среди развитых стран [для дискуссии по некоторым из этих данных см.: Zakaria 2011; Von Drehle 2011].

Неравенство растет в США быстрыми темпами. С 8 % до 20 % выросла с 1960-х гг. доля тех, чей общий доход не превысил прироста в 1 % [Liberman 2011: 154]. Недостаток роста реального дохода населения, несомненно, ведет к росту враждебности во внутренней политике.

Опять встает вопрос, как долго США останутся державой номер один. Сомнения впервые высказали сторонники СССР, потом ученые, верившие в эксперимент Японии, затем те, кто видел в ЕС вершину развития. Однако большинство мира верило в лидирующую роль США, со знаком плюс или со знаком минус. Сейчас быстро растет число специалистов, которые считают, что век Америки – не столь уж и длинный, с 1945 г. – близится к завершению. И в соответствии с недавними социологическими исследованиями американского населения, 60 % американских граждан верят в то, что их страна управляется неправильно и движется к упадку [Lundestad 2012: 38].

В истории существует немного законов, если они вообще существуют. Одним из возможных таких законов является то, что никакая страна не может вечно

оставаться номером один. Рано или поздно США догонит какая-нибудь держава. Будет ли это Китай и произойдет ли это в первой половине XXI в., покажет будущее.

Литература

Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009.

Богатуров А. Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 9. С. 114–121.

Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М., 2013.

Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М., 2005.

США: возможности и пределы экономического и политического лидерства: в 2 т. / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, Э. В. Кириченко. М., 2016–2017.

Фергюсон Н. Мир без сверхдержавы // *Свободная мысль – XXI*. 2005. № 1. С. 32.

Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М., 2012.

Fridman G. *The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century*. New York, 2010.

Lieberman R. *When the Rich are Getting Richer* // *Foreign Affairs*. 2011. January/February.

Lundestad G. *The Rise and Decline of American “Empire”. Power and its Limits in Comparative Perspective*. Oxford, 2012.

Ney J. *The Future of Power* // *Public Affairs*. 2011.

Von Drehle D. *No, America is Still No. 1* // *Time*. 2011. March 14.

Zakaria F. *Yes, America is in Decline* // *Time*. 2011. March 14.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА В СОЗНАНИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Глебов В. В., Озиев М. А.*

В статье сделана попытка осмысления комплексной проблемы междисциплинарного взаимодействия научных направлений в области естественных и гуманитарных наук при формировании и развитии экологической и социальной культуры учащихся. В работе затрагивается важная составляющая мышления человека – установка и развитие эгоцентрического мировоззрения учащегося. По мнению авторов, которое подтверждается общим трендом развития общества, интеграция естественных и гуманитарных наук является важной при создании и формировании экологической культуры обучающихся. Экологическая культура учащегося является неотъемлемым условием психосоциального и аксиологического развития человека. Оно повышает качество и эффективность педагогического процесса в интеграции знаний учащегося при изучении естественных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: аксиологический процесс, образование, учащийся, интеграция наук, формирование картины мира, экологическая культура, эгоцентрическое мировоззрение.

The article is an attempt to comprehend the complex issues in interdisciplinary cooperation research directions in the field of natural sciences and humanities in the course of formation and development of students' ecological and social culture. The work covers an important component of human thinking – the setting and development of a student's ecology-centric worldview. According to the authors, whose opinion is confirmed by the general developmental trend in society, the integration of natural sciences and humanities is important for the creation and formation of students' ecological culture. The student's ecological culture is an indispensable condition of psycho-social and ethical development of a person. It improves the quality and efficiency of teaching process in the matter of integration of student's knowledge while studying the natural sciences and humanities.

Keywords: axiological process, education, learning, the integration of sciences, formation of the world picture, ecological culture, ecocentric worldview.

Экологическая культура – это многоаспектное явление, основные понятия которого включают различные образовательные и научные компоненты развития

* Глебов Виктор Васильевич – к. б. н., доцент экологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: vg44@mail.ru.

Озиев Магомед Абуезитович – студент 4-го курса экологического факультета Российского университета дружбы народов.

человека [Мансурова, Мамедов 2014]. Базой экологической культуры выступает эгоцентрическое мировоззрение, процесс становления которого у обучающихся проходит на основе слияния различных научных и не связанных с наукой знаний, несущее в себе определенную составляющую, связанную с идеологией [Аршинов и др. 1994; Гирусов 2015б].

Для полного и лучшего понимания такой категории, как «мировоззрение», в научной методологии обучения учащегося важным является введение в образовательный процесс понятия «картина мира». Картину мира ученика можно рассматривать с различных точек зрения. Во-первых, картина мира (мироздание) является одним из способов упорядочивания различных знаний и представлений, которые учащийся приобретает в процессе познания окружающей реальности, используя для этого разные способы изучения окружающего мира. Во-вторых, картина мира в определенный момент развития учащегося выступает в качестве модели мироздания и обобщения разных знаний [Гирусов 2015а].

Картина мира и мировоззрение имеют ряд общих связующих категорий, но также они имеют существенные различия. Весь объем знаний ученика об окружающей действительности, сконцентрированный в картине мира, преобразуется в мировоззрение только в том случае, если происходит определенное их философское толкование, которое воплощается в прикладном поведении человека [Его же 2016].

Научная модель есть научная картина, основанная на теориях и отображающая всю общность свойств и связей объектов и явлений, находящихся в естественных условиях взаимодействия. Как один из способов иерархизации знаний она состоит из большого количества компонентов, на основе которых определяется мировоззренческое отношение ученика к окружающему миру [Игнатов, Трушникова 2010].

Теории и модели, построенные на основе научных фактов, достоверно и независимо отражают основные свойства и признаки предметов, явлений или процессов. На их достоверность не влияют мнения отдельных людей или группы лиц. Хотя в них и возможно присутствие субъективного мнения ученого, который их открыл, но по большей части они основаны только на доказательствах и расчетах, которые можно проверить и пересчитать и на основании которых предлагаются определенные решения и рекомендации [Игнатова 2004]. Они имеют лишь логику, доказательства и алгоритм.

Но все же неправомерно говорить об абсолютном равенстве реальной действительности и ее научной модели. Можно лишь говорить об их некоторой схожести, так как любая научная модель является подвижной и динамичной системой. Поэтому путь научного познания основан на последовательном усложнении теорий и моделей, которые используются для описания окружающего нас мира. С развитием науки развиваются и модели. Они обретают иную концептуальную основу, дополняются, корректируются и перестраиваются [Мамедов 2014а].

Каждая конкретная наука строит и использует свои модели. Однако только совместное использование заложенных в них параметров дает возможность составить целостную научную картину мира. Поэтому совместная работа естественно-научного и гуманитарного профиля является обязательным требованием, необходимым для формирования экологической культуры обучающихся [Его же 2016; 2014б].

Картина мира, основанная на науке, – лишь одна из частей представлений об окружающей действительности. Это «сочинение», в котором спрятаны рациональные начала экологической культуры. И естественно-научные дисциплины формируют у обучающегося эти начала, жизненные картины и модели [Словарь... 2001; Чумаков 2015].

Другая его часть тесно переплетена с субъективными, личностно-значимыми представлениями. Они отражены в культурно-историческом развитии социума в таких областях, как религия, культурно-мифологические представления, различные жанры искусства (кино, театр), народные этнические и культурно-исторические традиции человека. Эту часть называют субъективным образом. В этом образе всегда имеется отношение определенного автора к тому или иному процессу, не поддающееся логическому объяснению. В нем непременно есть выдумка, отношение автора к образу. Он всегда имеет свою душу. Его язык наполнен метафорами. Подобно человеку, в образе всегда есть многозначность. Это основа экологической культуры [Чумаков 2016: 96; 2017].

Определенно, что в каждом творчестве имеется элемент научного знания. В качестве примера можно привести следующее: применение перспективы в живописи, архитектурные формы, имеющие геометрическое обоснование, скульптура и музыкальный ряд, обладающие определенной математической основой. Для корректного изображения природы в искусстве или ремесле требуется особое наблюдение за ее явлениями и процессами, а также определенный уровень знаний естественных наук. Однако в отличие от четко логического научного знания в искусстве довольно часто гармонируют различные нелогические, иррациональные, недоступные опытному познанию духовное и субъективное. И именно в этом скрыто глубокое родство искусства с религией и мифологией [Robertson, Chirico 1985].

Вместе с тем нельзя однозначно сказать, чего в творениях искусства больше – эстетически культурной, формирующей силы, которая движет общество, или разного отражения реалий окружающего мира. В нем определенно скрыт гигантский потенциал к познанию. Иногда художник замечает такую скрытую сторону жизни человека и природы, которую мы не замечаем из-за каждодневной рутины. Но знание действительности, приходящее через искусство, выражает личное отношение автора к действительности. Бывает, что оно оказывается ошибочным, но оно так понимается творцом. В свою очередь, в науке всегда нужно доказывать выдвигаемую гипотезу.

Эстетическое творение способно вызвать состояние очищения. Оно настраивает наш духовный мир на оптимистический лад и часто, несмотря на всю трагичность происходящих событий, вселяет в нас веру в будущее, побуждает искать адекватный условиям бытия выход из запутанной, безвыходной ситуации. И даже пессимизм в произведениях искусства просветляет душу. Еще в школе великого Пифагора большое значение уделялось музыке, которая, по мнению многих мыслителей того времени, очищала и облагораживала души людей. В связи с этим в те времена на особом счету были математика (царица наук), которая описывала все мироздание и гармонию взаимодействия окружающего человека мира, и музыка, в которой отражалось гармоничное взаимодействие человека и Природы [Аристотель... 1970].

Искусство изображает многокомпонентный пространственный образ мира и человека, пропущенный через сознание автора. В нем все хрупко, ассоциативно и неповторимо. Он несет в себе полное духовное содержание, в котором соединены эмоции и интеллект. Определенный образ передает ученикам разные представления о ценностях, эстетических идеалах, воздействующих в одно и то же время на его мышление, психоэмоциональное настроение и чувства, которые облагораживают и воспитывают добрые начинания к окружающему миру. Часто образ не подчиняется никакой логике извне, он имеет свою внутреннюю многообразную жизнь. И только человеку со схожими, как у автора, мыслями дано понять его тайну. Являясь своего рода передатчиком мысли от автора к другому человеку, «образ» становится формой их диалога между собой, проявляющей их отношение к реальности, выражает их согласия и разногласия. Это встреча автора и человека, который старается постичь этот образ, и основной задачей учебных предметов гуманитарного и художественно-эстетического циклов является организация подобной встречи. Поэтому данные предметы занимают особое место в экологическом воспитании [Спиркин 2010].

Красота является основной категорией искусства, в религии это *вера*. Все это сочетается в мифе. В его состав входят как эмпирические, так и рациональные знания. В составе искусства есть и определенный художественный образ, идеал, где гармонично переплетаются красота, стремление к познанию окружающего мира, религиозно-мифические аспекты. Системы построенных в них знаний, представлений и постулатов не имеют доказательств. Но именно на основании этих систем проявляется эгоцентрическое мировоззрение на ранних ступенях развития человечества. Красота также свойственна и науке. Только она проявляется через математические уравнения для описания природных процессов, симметричность построения объектов и т. д.

Заключение. Таким образом, посредством различных способов познания окружающего мира имеется возможность формирования образов экологической культуры у учащегося. Это дает научную и культурную основу природоохранной активности учащегося. При интеграции интеллектуальных, психоэмоциональных и чувственных проявлений возможно формирование чувства и основы сопричастности к единому ритму развития Природы и Космоса. Без синтеза рационального и иррационального невозможно сформировать у учащегося целостный взгляд на окружающий мир человека, его смысл и ценностные установки. Поэтому при формировании экологической культуры учащегося так важны изучение рационального в научном познании, практический опыт и развитие чувственности к окружающему миру.

И эта «равная значимость» реализуется при сопоставлении модели и образа мира в сознании учащегося. Благодаря этому сопоставлению мы складываем голографическую картину мира, в которой природа, человек, общество и культура связаны единой сетью неразрывных взаимосвязей, подчиненных единым законам Вселенной.

Литература

Аристотель // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1970. Т. 2. Ангола – Барзас. С. 195–196.

Аршинов В. И., Буданов В. Г., Суханов А. И. Естественно-научное образование гуманитариев: на пути к единой культуре // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 113–117.

Гирусов Э. В. Парадоксы рациональности в современной науке // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2015а. № 2(6). С. 41–42.

Гирусов Э. В. Социально-экологическое образование // *Век глобализации*. 2015б. № 1. С. 125–129.

Гирусов Э. В. Гуманистический потенциал экологической культуры // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2016. № 4(12). С. 103–107.

Игнатов С. Б., Трушникова И. Ш. Актуальные проблемы естественно-научного образования гуманитария // *Совет ректоров*. 2010. № 4. С. 11–18.

Игнатова В. А. Экология и культура: на пути к интеграции. Тюмень : Вектор Бук, 2004.

Мамедов Н. М. Переход к устойчивому развитию: культурные основания // *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*. 2014а. № 1. С. 51–55.

Мамедов Н. М. Экология и становление новой культуры // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки»*. 2014б. № 3(11). С. 105–116.

Мамедов Н. М. Экологическая концепция культуры: философско-методологические основания // *Вестник экологического образования в России*. 2016. Т. 2. С. 1–5.

Мансурова С. Е., Мамедов Н. М. Природа и сущность человека // *Философия и культура*. 2014. № 8. С. 1092–1103.

Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17174>.

Спиркин А. Г. *Философия: учебник*. 2-е изд. М. : Гардарики, 2010.

Чумаков А. Н. Глобальные проблемы устойчивого развития // *Использование и охрана природных ресурсов в России*. 2015. № 1(140). С. 98–101.

Чумаков А. Н. К вопросу о культурно-цивилизационных основаниях нашей ментальности // *Вестник Российского философского общества*. 2016. № 1. С. 96.

Чумаков А. Н. *Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография*. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Robertson R., Chirico J. *Humanity, Globalization and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration // Sociological Analysis*. 1985. No. 46. Pp. 219–242.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ КАК СУПЕРСУБЪЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ракитянский Н. М.*

Великобритания – один из столпов западного мира и культурно-цивилизационный феномен, специфика которого представлена в британском политическом менталитете. Автор полагает, что системной референцией британского менталитета является его догматичность, которая непреклонно, мессиански, унифицированно и тотально реализуется в национальной политике, определяя ее конкурентность. Последняя является свидетельством того, с каким упорством, последовательностью, прагматизмом, волюнтаризмом и жестокостью действует английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц. Британия осуществляет свое долгосрочное влияние на глобальные политические процессы благодаря системе протестантских ценностей, преемственному развитию элит, проектному мышлению, прагматичной гибкости, рефлексивным методологиям, особой системе права, финансовым стратегиям, разведке, глобализации английского языка и гуманитарным технологиям. Автор отмечает, что политика достижений глобального масштаба – это предельное выражение английской национальной субъектности. Британия в течение столетий в контексте своей непрерывной истории является политическим суперсубъектом.

Ключевые слова: менталитет, догмат, субъектность, островной протестантизм, английский национализм, правовая система, политическая система, политический суперсубъект, элита, система Pax Britannica.

Great Britain is one of the pillars of the Western world and a cultural and civilizational phenomenon, whose peculiar character is represented in the British political mentality. The author believes that the systemic reference of the British mentality is its dogmatism, which is in a persistent, messianic, unified and total manner realized in national policy and determines its competitiveness. The latter is an evidence of the persistence, consistency, pragmatism, voluntarism and cruelty of the British government, regardless of the change of its leaders. Britain exerts its long-term influence on global political processes through a system of Protestant values, the succession of elites, project thinking, pragmatic flexibility, reflexive methodologies, a special system of law, financial strategies, intelligence, and globalization of English and humanitarian technologies. The author points out that the policy of achieving the global-scale success is an ultimate expression of the British national subjectness. Britain has been a political super-subject in the context of its continuing history.

Keywords: mentality, dogma, subjectivity, insular Protestantism, English nationalism, legal system, political system, political super-subject, elite, Pax Britannica system.

* Ракитянский Николай Митрофанович – д. психол. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: drkayros@yandex.ru.

...This royal throne of kings, this scepter'd isle,
This earth of majesty, this seat of Mars...¹

У. Шекспир

...Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!

А. С. Хомяков

Ментальные референции британской цивилизации

Британия более трех веков именуется Великой – ее владения охватывали земной шар так, что над колониальной империей практически не заходило солнце [Тарле 1965: 124–174, 256–368]. Пожалуй, ни одно государство мира не определило облик Нового времени больше, чем Великобритания, – целеустремленность, системность, упорство, пассионарная энергия искусного геополитического игрока, самодисциплина и дипломатическая изощренность элит в XVII–XIX вв. превратили небольшое островное государство в империю [Brexit...].

Национальный *менталитет*, как и своеобразный тип *политической субъектности* британцев, формировался в течение тысячелетия на основе *природно-генетических* ресурсов и *культурно-исторического* потенциала. При этом менталитет догматически [Ракитянский 2016а: 226–227] укоренялся посредством самобытного системного основания – *островного протестантизма – англиканства* (Anglicanism)², которое содержит в себе специфические смыслы и формы христианского исповедания веры [Его же 2016б].

Англиканская конфессия как соединение латинства, лютеранства и кальвинизма [Англиканское...] выражает неизменяемые веками и непререкаемые в своих проявлениях особенные установки *мышления, веры и воли* [Ракитянский 2014: 408–410]. По результатам опроса, проведенного социальной службой *YouGov* для *Daily Telegraph*, Англиканская церковь и в настоящее время входит в список фундаментальных ценностей и символов британской национальной идентичности [Результаты...]. Непреклонная *догматичность*³ британского менталитета *мессинански, унифицированно и тотально* реализуется в реальной политике, экономике, культуре, в амбициях по либеральному переустройству миропорядка.

Политическая история Соединенного Королевства отличается от классической истории большинства европейских государств: территориально обособленная страна не входила в систему Римской империи, и в ней не произошло той рецепции римского права [Вебер 2013], которая охватила другие западноевропейские страны [Томсинов 1997]. Она еще в XIII в. ограничила королевскую власть и признала свободы и права граждан [Петрушевский 2012].

Одним из первых европейских национализмов Нового времени был *английский национализм* [Hastings 1997], который «заговорил» на *религиозно-полити-*

¹ ...Царственный сей остров, Страна величия, обитель Марса...

² Термин «англиканство» восходит к латинскому «*ecclesia anglicana*», первое упоминание которого относится к 1246 г. и означает в дословном переводе на русский язык «английская церковь». Последователи англиканства именуются англиканами, а также епископалами. Большинство англикан принадлежат к церквям, входящим в Англиканское сообщество, которое носит международный характер.

³ Догмат, догма от др.-греч. *δογματιζω* (англ. *dogma*) – учение, мнение, постановление, утверждение, общее убеждение. Это установление принимается *на веру* за неопровержимую истину и признается бесспорным *без доказательства*. Таким образом, догмат – *утверждается*, но не *доказывается*. Религиозная догма – это официально сформулированное и утвержденное высшими инстанциями положение вероучения, объявляемое непреложной истиной.

ческом языке [Андерсон 2001], манифестируя свою *избранность* и свое особое место в мире. Церковно-административный раскол с Римом в 1534 г. по инициативе правившего монарха Генриха VIII [1491–1547] [Ерохин 2015] стал импульсом к развитию у британцев *чувства уникальности*. Англия, первенствуя в Западной Европе в разрыве отношений с католицизмом [Маркова], создала единственную в своем роде *политическую систему*, которой присущи такие черты, как отсутствие конституции, королевское вето на законы, принцип распределения мест в парламенте, возможность существования «двойного парламента», формирование и функционирование Палаты лордов и Палаты общин и проч. Но кардинальное размежевание континентальной Европы и островной Англии, по мнению исследователя из Гарварда Дж. Гарске, обусловлено не столько географическими, политическими и иными причинами, сколько различием *правовых систем* и традиций [Гарске 2017: 4, 12].

Член-корреспондент РАН А. В. Головнев также полагает, что изначальным стержнем английскости было *право*, и важным конкурентным преимуществом Англии стала технология регулирования мотивов и интересов на основе *законодоговора*, который стал догматически значимым постулатом, отражающим неизменный и вечный порядок национального уклада жизни, не подвергаемый сомнению. С незапамятных времен *право* было ключевым инструментом регулирования взаимодействия различных персон и сообществ. *Культ права* как *социально-политической технологии* свойственен англичанам настолько, что делает закон не принудительной нормой, а кодом национального менталитета и поведения. «Обзаконивание» – стиль английского контроля над пространством». Возможно, потому Великобритания не нуждается в конституции, что *право* у нее *внутри и повсюду*, и сама она – воплощенный закон [Головнев 2015: 136–137].

Вместе с тем британская политика в значительной мере определялась и географией. С одной стороны, маленький остров, расположенный на самом краю Европы, а с другой – *Sea Power* и необъятная *колониальная империя*, раскинувшаяся по всему земному шару. Закон самосохранения побуждал искать каналы снабжения острова ресурсами и охранять при этом безопасность путей сообщения метрополии с ее заморскими владениями. Эта двойная необходимость заставляла превосходить на море любого потенциального противника [Мэхэн 2008].

Англобализация как стратегия системного политического контроля

Великобритания, выработавшая уникальную систему взаимодействия с Европой, как правило, выходила победительницей из всех столкновений со своими континентальными конкурентами [Маккиндер 1995]. Руководствуясь формулой 35-го премьер-министра Г. Дж. Палмерстона [1784–1865]⁴ «у Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы», она со временем превратилась из каменистого, почти лишённого природных ресурсов дождливого архипелага на задворках той же Европы в крупнейшую *талассократическую державу* [Kelley 2017], нацеленную на глобальное господство.

Население островов, страдавшее всеми неразлучными с нуждой человеческими пороками, в особенности пьянством, выросло в воздержанную, проникав-

⁴ Генри Джон Темпл, с 1802 г. 3-й виконт Палмерстон (англ. *Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston*, 20 октября 1784 г. – 18 октября 1865 г.) – английский государственный деятель, долгое годы руководил обороной, затем внешней политикой государства, а в 1855–1865 гг. (с небольшим перерывом) был премьер-министром Великобритании (35-й премьер-министр [с 1855 по 1858 г.] и 37-й [с 1859 по 1865 г.]).

шуюся чувством собственного достоинства аристократическую нацию. Английский язык из контор, из-за магазинных прилавков смело вошел в европейские салоны, где английский комфорт теснил уже, в свою очередь, французское изящество [Вандам 2002: 140–141].

Долговременность и эффективность конкурентного политического маневрирования являются свидетельством того, с какой догматической *непреклонностью*, гибкой *последовательностью*, прагматической *этикой* [Новолодская 2017] и непомерной *жестокостью* [Ирвинг 2005; см. также: Афины...] работает английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц. При этом важной особенностью действий англичан в отношении противников является широко используемое ими ноу-хау – за их интересы всегда сражался кто-то другой [Галушко 2015: 29]. Так, ведя в течение десятилетий упорную борьбу с Францией, Англия почти не участвовала в боях. Эта особенность британского менталитета стала основанием для широкого хождения в России еще в XIX в. поговорки «англичанка гадит»⁵. Сие свойство надолго осталось в памяти народов: Китай не забыл унижение опиумных войн, Индия – колониальный гнет, а Россия – многочисленные интриги англичан в царский и советский периоды. Помнят обиды ирландцы, испанцы, голландцы, немцы, французы, греки...

«Национальная эффективность» [Мегоран 2005: 111] как искусство борьбы за выживание и «место под солнцем» многих стран мира оказалась много ниже той *системы*, которую разработала Англия еще со времен гениального стратега Ф. Бэкона (1561–1626). Однако своими практически неизменными победами над континентом даровитые островитяне обязаны исключительно самим себе, своим точным знаниям, постановке целей и неизменному стремлению к последним. Превосходя континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и опытные мастера обращаются со своими подмастерьями, знакомыми лишь с рутинной [Вандам 2002: 163, 183–184].

При этом «обладавшие изумительной широтою взгляда, когда весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия» [Там же: 108], государственные люди Англии никогда не гнушались применять грубую военную силу или ее угрозу. Так, карьере завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начинали с разгрома своего союзника – Голландии. 10 июня 1652 г. Государственный совет Англии приказал адмиралу Р. Блэку захватить возвращавшийся из Индии голландский флот, доверху набитый колониальными товарами. После этого англичане перенесли свои наступательные действия против Испании, и спустя некоторое время эта обленившаяся под ласками никогда не заходившего в ее владениях солнца держава узнала, что такое сумерки. Потом наступила очередь Франции.

Наделенный исключительными военными талантами «маленький, но управляемый большими и смелыми людьми островной народ, являсь Бог знает откуда, <...> овладел сначала Индией и безбоязненно посадил там над тремястами миллионами ее семьдесят тысяч своих чиновников. Направившись затем к востоку, он без малейшего колебания подошел к четырехсотмиллионному Китаю, силой заставил его открыть на море все окна и двери, посадил в Пекине своих советни-

⁵ «Англичанка гадит» – выражение, изначально приписываемое молвой А. В. Суворову, обозначающее суть дипломатических, экономических, шпионских и пропагандистских действий Великобритании против России. Наиболее широкое распространение получило в XIX в., когда под «англичанкой» стала пониматься не просто Англия, но и королева Виктория лично. Подробнее см.: Эпштейн.

ков и приступил к работе по закупке нам выхода к Печилийскому заливу» [Вандам 2002: 138, 158, 79–80].

Англичане, будучи новаторами и мировыми лидерами в становлении *индустрии рабства* [Головнев 2015: 158], создали Ост-Индскую компанию (1600–1874) как мегакорпоративное организационно-технологическое ноу-хау глобального масштаба. Достаточно обратиться к ее истории, чтобы понять и оценить политический потенциал Британии и ее прагматические возможности. Компания обладала качествами *тоталитарной системы* [Porter 1975], и целью ее было как получение выгоды, так и осуществление *политического контроля и управления* многочисленными колониальными владениями. Так, компания обладала абсолютной и непререкаемой властью над землей и народами Индии. Она имела собственную военную силу, чтобы противостоять вторжению извне и подавлять внутренние мятежи и восстания. Компания организовала массовую поставку опиума на территорию Китая, получая взамен огромные материальные ценности, золото, серебро и меха. Кроме того, достигалась и военно-стратегическая цель – разложение китайской армии, чиновничества, народа, потеря ими воли к сопротивлению [Немцев 2017].

Между тем первыми рабами англичан были белые ирландцы [Забывтые... 2017], которые стоили в десять раз меньше негров [Белые...]. В течение 1650-х гг. более 100 000 ирландских детей в возрасте от 10 до 14 лет были разлучены с родителями и проданы в рабство в Вест-Индию, Вирджинию и Новую Англию. В это десятилетие 52 000 ирландцев, в основном женщины и дети, были проданы в Барбадос и Вирджинию. Другие 30 000 ирландских мужчин и женщин были также вывезены и проданы покупателям, предложившим свою цену. В 1656 г. 2000 ирландских детей по приказу О. Кромвеля [1599–1658] были вывезены на Ямайку и там проданы в рабство английским поселенцам. До сих пор западные историки избегают называть ирландских рабов тем, чем они в действительности являлись, – рабами [Немцев 2017: 95]. Впрочем, это обстоятельство не мешало в свое время лорду Дж. Н. Керзону (1859–1925) считать, что Британская империя избрана самим Провидением в качестве самого значительного орудия насаждения добродетели, которое видел мир [Фергюсон].

Модель и опыт Ост-Индской компании, оставив огромное наследие современной мировой экономике и геополитике [Фурсов 2016], преподносят нам уроки для понимания *стратегии глобального системного контроля* средствами либерального тоталитаризма как метода управления и в XXI в. Ведь правила с тех пор, по сути, не изменились, и незаурядный пример управления государством через интересы юридического лица, созданного с целью обогащения своих акционеров, всегда должен быть перед глазами [Stern 2011].

Превращение Великобритании в начале XVII в. в лидера мировой политической системы положило начало постепенному превращению англосаксонского *либерализма* в *идейно-догматическую* основу развития евроатлантической цивилизации. При этом *либерализм* как императивная ментально-политическая доминанта англосаксонского талассократического гегемона выразился в акцентировании самодостаточной и самоценной роли *рынка, частной собственности, свободы и прав индивида* с практически-прагматической установкой на *прогресс* и *эмпирическое* знание [Фурсов 2017: 68–70]. Побежденная, уже постнаполеоновская Франция совместно с Англией образовали против Российской империи коалицию, которая надолго стала опорой западноевропейского буржуазного *либерализма*

[Попов 2012], экспансивно предъявляя его миру как безусловную и обязательную для всех народов и государств «общечеловеческую ценность».

Здесь представляется уместным вспомнить и о таком даровании английских политических элит, как умение эффективно осуществлять на глобальном уровне *ментально-догматическую экспансию* [Ракитянский 2010]. Так, когда британцы управляли некоей страной, они стремились привить – или хотя бы передать – ей определенные черты и свойства своего менталитета, в числе которых наиболее приоритетными были *английский язык, протестантизм*, а также англосаксонская концепция *буржуазного права*, которая стала важным элементом системы глобального политического контроля [Гарске 2017: 17]. Искусно насаждая по всему миру свои ментально-цивилизационные установки, идеи и правила игры, отражающие *уникальность* британского типа и опыта развития, они неизменно декларируют их *универсализм, необходимость и неизбежность* для всего человечества.

Великобритания и Россия

Политические, военные и иные коллизии Британии с Россией начались с появлением на карте мира Российской империи, которая была провозглашена в конце 1721 г. по итогам Северной войны. Этот момент стал точкой отсчета активного противодействия Британии российским геополитическим устремлениям – ее усилия были направлены на всемерное ослабление России [Галушко 2015: 26–34].

Англичане, для которых весь мир представляет собой раскрытую книгу, с их имперским *волюнтаризмом* и утонченным *деспотизмом*, по словам генерала А. Вандама, *тиранически господствуя* на море, считали, что главным их противником на пути к мировому господству являются *русские*. Британцы, наделенные исключительными военными и дипломатическими дарованиями, внимательно наблюдая жизнь человечества в целом и оценивая каждое событие по степени его влияния на их собственные дела, неустанной работой мысли развивали в себе способность видеть и почти осязать на огромном расстоянии во времени и пространстве в искусстве борьбы за жизнь, то есть политике. Эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком [Вандам 2002: 59, 154, 158, 43]. При этом, по мнению Н. Фергюсона, Британская империя поразительным образом напоминала мировое правительство [Фергюсон 2017].

Эти и другие свидетельства выдающейся роли политической элиты Англии утвердили А. Вандама в мнении, что «с Англией нельзя вести дружбу иначе, как держа камень за пазухой» и что «плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом» [Вандам 2002: 104, 207]. Одними из первых эту особенность характера англичан усвоили ирландцы, отразившие ее в своей поговорке: «Никогда не доверяй трем вещам: клыкам собаки, заду лошади и улыбке англичанина» [Немцев 2017: 96].

Великобритания не гнушалась любыми средствами для получения материальной и любой иной выгоды для себя [Петров 2008]. Так, в 1813 г., когда русская армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом от Наполеона, Британия заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить свое господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту. Деятельно помогая Англии «валить» Францию, мы упустили время, когда с половиной войск, дравшихся на западе, смело могли проложить себе путь к южным морям. «Свалив» Францию, мы тем самым ослабили полезный нам в ее лице про-

тивовес и дали возможность Англии придвинуть к русской границе всю континентальную Европу, которая, в свою очередь, давлением на наш правый фланг помогла Англии парализовать наши действия на всем фронте от устьев Дуная до Желтого моря [Вандам 2002: 139, 149].

Для англосаксов борьба за мировое господство представляет собой не что-нибудь особенное, к чему нужно готовиться годами, а *систематический* и *упорный* ежедневный труд. На всех парусах стремясь к высшим ступеням цивилизации и занимая господствующее положение по отношению к другим народам, англичане не спускали глаз с запертого и обреченного ими на физическое и моральное вырождение («degeneracy») Европейского континента [Там же: 103, 141].

После разгрома Франции англосаксы сосредоточили свое внимание на России, «ибо со вступлением на престол императора Николая I последняя снова обратилась к своим собственным делам и в случае своего наступления правым флангом к Средиземному морю и Персидскому заливу могла прорвать английскую блокаду и стать морской державой, то есть дать выход своим гложущим взаперти силам и средствам. Ввиду этого, сейчас же встав за спиной Турции и Персии с целью удержания первых наших натисков, англичане начали сосредоточивать к правому нашему флангу силы всей континентальной Европы» [Там же: 42]...

Справедливости ради нельзя здесь не сказать о воздействии Англии на русское общество. Интерес к Британии зародился еще во времена Ивана Грозного и продолжился в период правления Бориса Годунова [Лабутина; Долинин 2007]. Популярность британской культуры в XVI – в начале XVII в. была в целом невелика и чаще всего ограничивалась пределами царского двора. В последующие столетия, особенно в правление Петра I и Екатерины II, ее влияние затронет определенные круги политической элиты, но не делается определяющим. Тем не менее мода на все английское, в том числе и на английский язык, в некоторых кругах русского дворянства стала нарастать в начале XIX в. [Долинин 2007].

В этой связи интересно заметить, что выдающийся русский мыслитель А. С. Хомяков (1804–1860), путешествуя по Альбиону, был очарован английским национальным характером, культурой и литературой. В своем знаменитом стихотворении «Остров» он, с восхищением воспевая Англию, тем не менее видит и другую сторону ее величия:

...Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!..

Также он отмечает ее огромную политическую силу и могущество:

...И далекие державы,
Робко взор стремя к тебе,
Ждут, какие вновь уставы
Ты предпишешь их судьбе...

Великобритания как системный суперсубъект глобальной политики

Бесспорное доминирование англосаксонской цивилизации в XIX – начале XX в. неразрывно связано с *системой Pax Britannica* [Громько 2007]. Англичане первыми показали миру, что *политика* достижений глобального масштаба – это *предельное выражение национальной субъектности* [Ракитянский 2014: 408–410]. Ни одна нация или группа наций не могла сравниться с промышленной, финансовой и военно-морской мощью Британской империи в то время. Потенциал,

накопленный в годы неустанной борьбы и расцвета Великобритании, ее искусственная и расчетливая политика позволили ей в последующем удержать свои позиции в мировой экономике, успешно конвертировать бывшее влияние в политический вес на международной арене. Англия смогла сохранить свою аутентичную идентичность и отчасти империю, переформатировав ее в сетевую форму посредством Содружества наций⁶, включающего в себя 53 государства, 50 из которых в прошлом были английскими колониями.

Сохранить же свое влияние на мировую политику ей позволили такие преимущества, как *преемственное развитие элит, догматически непререкаемая система протестантских ценностей, проектное мышление, прагматичная гибкость и адаптивность, особая система права, финансовые стратегии, искусная разведка*, глобальное значение *английского языка* [Чумаков 2010] и *гуманитарные технологии*, которые Дж. Най назвал «мягкой силой» [Nye 2004: 191]. По мнению экс-премьера Д. Кэмерона, его страна является «сверхдержавой с точки зрения “мягкой силы”» (*soft power superpower*) [Riley-Smith 2014]. Именно Англия оценила ее системно-стратегический потенциал и стала одной из главных законодательниц мод в поп-музыке, дизайне, моде, сфере развлечений, маркетинге и менеджменте, кино, литературе и пр. После победоносного шествия *The Beatles* и «Джеймса Бонда» британцы очаровали, *обольстили* большую часть мира своей массовой культурой.

Действительно, в многочисленных международных рейтингах «мягкой силы» и «брендов стран» Соединенное Королевство неизменно занимает лидирующие позиции [Харитоновна 2015]. «Мягкая сила» как опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и повышения престижа страны в мире играла существенную роль во внешнеполитической стратегии Альбиона задолго до появления соответствующего концепта [Харитоновна]. При этом лондонский Сити сохранил за собой роль главного контролера глобальной финансовой системы, куда со своими капиталами устремляются «элитариус всех стран» [Brexit...].

После уничтожения СССР в последнее десятилетие XX в. контролируемый англичанами в течение столетий «баланс сил» был нарушен, что привело к доминированию одной силы в мировых делах. Этой силой, конечно же, были Соединенные Штаты Америки – «militaristic leader» англосаксонского альянса, но в реальности он редко действовал в одиночку. Неизменно всегда рядом находился более опытный и хитрый партнер в лице британского наставника [Гарске 2017: 13].

В Англии всегда первенствующую роль играли не оборонительные свойства Британских островов, а *исключительные военно-стратегические способности* его правящих классов и *деятельный, имперско-патриотический менталитет* английского народа. При совершенно незнакомых нам методологиях борьбы за жизнь и непохожей на наше «иду на вы» этике англосаксы пользуются как орудием своей политики такими принципами, скрытый смысл которых обнаруживается лишь впоследствии [Вандам 2002: 106, 167].

Именно поэтому Великобритания с характерным для нее *длинным горизонтом* планирования в течение столетий в контексте своей *непрерывной национальной истории* является *системным политическим суперсубъектом* [Ракитянский 2014: 408–410] – она накопила многовековой опыт прагматического *проектиро-*

⁶ До 1946 г. – *Британское содружество наций*.

вания инструментальных моделей политического взаимодействия с партнерами и оппонентами. Она как никто другой умеет с выгодой для себя рационально *конструировать* политическое поведение формально независимых политических субъектов [Вандам 2002: 76–77, 79–80, 85–87, 90, 92–94], осуществляя таким образом *рефлексивное* управление [Ракитянский 2003: 21–24] ими, что в метафорической терминологии определяется как «*тайное принуждение*» [Грачев 1998]. Но случаются и весьма серьезные, даже трагические сбои. Пример тому – Мюнхенское соглашение, когда Британия «сама себя перехитрила», недооценив Гитлера. По этому поводу У. Черчилль через несколько дней после Мюнхена – 3 октября 1938 г. – писал, что «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну» [Семидесятилетие...]. Так в итоге и произошло.

Тем не менее англичане, творцы событий, живущие добычей [Хаусхофер 2001], принесли в мир изощренно-рационалистическое искусство борьбы за жизнь и за ресурсы, посредством которого завоеватели *создают события* и усеивают ими море жизни таким образом, что на этих подводных камнях терпят крушение одинаково и друзья, и враги англосаксов [Вандам 2002: 82–83, 102].

Но британскому наднациональному геополитическому *системному суперсубъекту* при всей его исключительности, мощи, ментально-догматической непреклонности, гениальности, прочих несравненных и очевидных достоинствах, всю свою историю всеми правдами и неправдами завоевывающему наиболее выгодное «место под солнцем», не дано стать *метасубъектом* – «ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» [Мк. 8:36].

Если *суперсубъект* жаждет власти, то *метасубъект* устремлен в трансцендентальное пространство бытия, где опорами его достижений будут мораль, нравственность и духовность. Это не англосаксонский колониальный или неоколониальный *паразитизм* [Колонисты...], агрессивный *милитаризм*, *либерализм*, *индивидуализм*, *прагматизм* и *волюнтаризм* [Ракитянский 2017] – это уже нечто другое, то, что А. Ф. Лосев определил как обращенность к *высшим истинам бытия*, противостоящим всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений, а также то или иное *самоутверждение личности и народа в вечности* [Лосев 2008].

Шекспир, описывая порочные деяния своих героев, оставил тему покаяния и воздаяния открытой... Возможно, он был пророком, которого Англия не услышала?

Предварительные итоги

Национальный менталитет англичан и их самобытная политическая субъектность формировались на основе природно-генетических ресурсов, культурно-исторического потенциала и укоренялись посредством непоколебимого следования догматам островного протестантизма в течение нескольких столетий.

Непреклонная *догматичность* британского менталитета *мессиански, унифицированно, тотально* и *действенно* реализуется в глобальной политике и в стремлении к либеральному переустройству миропорядка.

«Национальная эффективность» политико-стратегического влияния Британии является свидетельством того, с каким упорством, гибкой последовательностью

и адаптивностью, прагматической этикой и жесткостью действует английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

Соединенное Королевство имеет длительный и уникальный опыт рефлексивного контроля партнеров и оппонентов, умеет с выгодой для себя *программировать* политическое поведение различных политических субъектов.

Единственный в своем роде многовековой политической режим Великобритании был создан и поддерживается исключительными качествами британских политических элит. В числе этих референций автор выделяет догматически непререкаемую систему протестантских ценностей, носителями которых эти элиты являются. Здесь необходимо учитывать их проектное мышление, прагматичную гибкость, квалифицированное пользование особой системой права, возможностями дипломатии и разведки, финансовыми стратегиями, глобальной ролью английского языка и технологиями «мягкой силы». Долговременное и преемственное развитие британских элит в ряду других причин и условий позволило Великобритании стать системным политическим суперсубъектом.

Ментально-политическую основу имперской стратегии Великобритании наследовали США, а также другие члены англосаксонского братства, развивая, модифицируя и реализуя ее совместно со своим «старшим братом» и наставником в современной геополитике.

Соединенное Королевство вошло в XXI век великой державой с ядерным оружием, военными базами за пределами своей территории, индустриальным и финансовым потенциалом, инновационными технологиями, стратегиями soft power как средством ментальной экспансии, проектируя реинкарнацию своего былого могущества.

Литература

Англиканское исповедание [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.klikovo.ru/books/42512/42546.html>.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Афины: грязный секрет Великобритании [Электронный ресурс]. URL: <http://russiimpulse.ru/rusila/2015/07/10/1431185-afiny-gryaznyy-sekret-velikobritanii>.

Белые рабы Америки стоили в 10 раз дешевле негров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kramola.info/vesti/letopisi-proshlogo/belye-raby-ameriki-stoili-v-10-raz-deshevle-negrovy>.

Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М. : Кучково поле, 2002.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf.

Галушко Ю. А. Тенденции геополитических устремлений России и Британии // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 2(713). С. 26–34.

Гарске Дж. Англосаксонская правовая культура в условиях глобализации: государство, корпорации, технологии // Век глобализации. 2017. № 1. С. 3–19.

Головнев А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2015.

Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М. : Изд-во РАГС, 1998.

Громько А. Великобритания – модернизация на фоне традиций // Вестник Европы. 2007. № 19–20.

Долинин А. Пушкин и Англия. Цикл статей. М. : Новое литературное обозрение, 2007.

Ерохин В. Н. Формирование английского национализма и его репрезентация в религиозно-политической борьбе в Англии в первые десятилетия XVII века // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3(63). Т. 2. С. 21–26.

Забывшие ирландские рабы. URL: <http://www.ruskolan.com/rasa/whiteslaves.htm>.

Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944–1945. М. : Центрполиграф, 2005.

Колонисты и колонизаторы [Электронный ресурс]. URL: <http://ss69100.livejournal.com/2095899.html>.

Лабутина Т. Л. Зарождение англomanии и англофильства в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Labytina_02.pdf.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический проект, 2008.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

Маркова С. П. Английская реформация [Электронный ресурс]. URL: <http://s-history.adygnet.ru/public/dial2-3.pdf>.

Мегоран Н. Обращение к маккиндеровской геополитике // Центральная Азия и Кавказ (специальный выпуск). 2005. № 4(40). С. 107–124.

Мэхэн А. Т. Роль морских сил в мировой истории. М. : Центрполиграф, 2008.

Немцев В. И. Протестантство в Новой истории // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 1. С. 92–97.

Новолодская Т. А. Этика утилитаризма и ее проявления в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://tm.ifmo.ru/tm2014/src/067k.pdf>.

Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 2. С. 140–150.

Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей. Конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 2012.

Попов Г. Социально-экономические причины поражения наполеоновской Франции в Отечественной войне 1812 г. // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Т. 4. № 3. С. 72–78.

Ракитянский Н. М. Рефлексия в политике // Власть. 2003. № 9. С. 10–14.

Ракитянский Н. М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2010. № 4(16). С. 12–25.

Ракитянский Н. М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. М., 2014.

Ракитянский Н. М. Политический менталитет в контексте догматического принципа // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. М., 2016а. С. 226–227.

Ракитянский Н. М. Ментальные исследования политических миров. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016б.

Ракитянский Н. М. Фундаментальные основания англо-американского политического менталитета // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2017. № 1(5). С. 112–135.

Результаты опроса YouGov / Daily Telegraph Survey Results. 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://iis.yougov.co.uk/extranets/yougarchives/content/pdf/TEL050101032_1.pdf.

Семидесятилетие Победы в фокусе актуальных политических вызовов [Электронный ресурс]. URL: http://www.mosoblduma.ru/upload/site1/document_file/YSIfIjo14y.pdf.

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.; Л. : Наука, 1965.

Томсинов Л. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. 1(2) [Электронный ресурс]. URL: http://tomsinov.com/IGPZS/roman_law_western_europe.pdf.

Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/286723/read>.

Фурсов К. А. Ост-Индские компании: двигатель и тормоз капитализма // Финансы и бизнес. 2016. № 2. С. 119–130.

Фурсов А. И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М. : Книжный мир, 2017.

Харитоновна Е. М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.

Харитоновна Е. М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов, практик [Электронный ресурс]. URL: <http://imhotype.livejournal.com/544509.html>.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Эпштейн С. Д. «Англичанка гадит» [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/epshtejn_s_d/anglichga.shtml.

Brexit как предвестник скорой смены миропорядка [Электронный ресурс]. URL: http://ipolk.ru/blog/infovoina_biblioteka_svedeniy/25020.html.

Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.

Kelley L. R. The Fragility of Thalassocracy, Pericles to Heinlein // The Proceedings of the Friesian School [Электронный ресурс]. URL: <http://www.friesian.com/thalasso.htm>.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, NY : New York Public Affairs, 2004.

Porter B. The Lion's Share. London : Longman, 1975.

Riley-Smith B. David Cameron: Take Pride in Shared Roots // The Telegraph. 2014. February 08 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scotland/10625976/David-Cameron-take-pride-in-shared-roots.html>.

Stern P. J. The Company-State: Corporate Foundations of the British Empire. New York, NY : Oxford University Press, 2011.

МЕСТО ТЕХНИКИ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Попкова Н. В.*

В статье рассматриваются различные философские подходы к анализу техники, анализируется их применимость для рассмотрения современных глобальных проблем. Показано, что получаемые теоретические модели и практические рекомендации зависят от понимания техники: существуют разные взгляды на ее сущность. Традиционный взгляд на технику как на пассивный инструмент недостаточно эффективен в качестве основы для философского анализа. Раскрывается альтернативная концепция, понимающая технический прогресс как ступень глобальной эволюции; анализируются ее достоинства и недостатки. Делается вывод, что дальнейший философский поиск необходим, так как различные взгляды на технику служат базой для противоположных программ выхода из современного экологического кризиса.

Ключевые слова: техника, эволюция, природа, философия, глобальные проблемы современности, глобальный эволюционизм.

The article examines various philosophical approaches to the analysis of technology and analyzes their applicability for examination of contemporary global problems. It is shown that the obtained theoretical models and practical recommendations depend on the understanding of technology: there are different views on its essence. The traditional view of technology as a passive tool is inefficient basis for philosophical analysis. The author presents an alternative concept that interprets the technological progress as a stage of global evolution; its advantages and disadvantages are analyzed. It is concluded that the further philosophical search is needed since different views on technology become the basis for opposing projects of overcoming the current environmental crisis.

Keywords: technology, evolution, nature, philosophy, global problems of modernity, global evolutionism.

Современные глобальные проблемы большинством исследователей объясняются начавшимся в XX в. ускорением технического прогресса и неконтролируемым ростом порождаемой им техносферы [Попкова 2005; Снакин 2010]. Несмотря на то, что уже несколько десятилетий научное сообщество предлагает программы природоохранной деятельности, значительных успехов в предотвращении негативных последствий промышленного роста не достигнуто, что объясняется недостаточной теоретической обоснованностью данных программ [Ильин 2016; Лось 2016; Урсул 2014]. Философская рефлексия может помочь при методологическом анализе предлагаемых путей выхода из современного цивилизационного кризиса, в частности проясняя и артикулируя заложенные в них неосознанные принципы и ценности [Попкова 2010: 7–38].

* Попкова Наталья Владимировна – д. ф. н., к. т. н., доцент, профессор кафедры «Философия, история и социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет». E-mail: popkova12@rambler.ru.

Среди проблем, требующих методологической проработки, заметное место занимает прояснение терминологии; в частности, центральное понятие данной области исследования «техника», как выясняется, не имеет общепринятого значения и разные философские подходы вкладывают в этот термин различное содержание [Попкова 2014б: 7–21]. Традиционный взгляд на технику, лежащий в основе большинства имеющихся концепций, не учитывает многие наблюдаемые аспекты технической деятельности, что вызывает практические трудности.

Привычное, основанное на «здравом смысле» понимание техники охватывает совокупность инструментов и технологий, созданных людьми для облегчения процессов преобразования природы и удовлетворения своих потребностей. Считается, что сознательное воздействие людей возможно на все параметры технической реальности. Утверждается, что техника создается человеком с утилитарными целями – для облегчения присвоения природных богатств. Различие между природными и техническими объектами считается очевидным. Например, природные системы способны к самоорганизации и саморазвитию за счет черпаемых из окружающей среды вещества и энергии, а технические изделия создаются человеком и без его вмешательства способны только разрушаться. За счет внешних ресурсов энтропия живых систем уменьшается, а энтропия систем технических, напротив, растет [Петров 2004: 345–348]. И технические, и культурные формы деятельности являются нарушением естественного порядка вещей и представляются как искажение процессов природных. Человек – венец эволюции, единственное разумное существо на Земле, способное к саморазвитию и созданию искусственной среды: он использует и преобразует остальные природные объекты. Под природой понимается дочеловеческая ступень развития биосферы, содержащая менее совершенные (нежели у человека) формы жизни и сознания, не обладающие разумом. Она подчиняется собственным закономерностям, которые люди могут выявить и использовать для улучшения своей жизни. Итак, техника и природа традиционной концепцией противопоставляются; человек объявляется единственным творцом техники, а она – послушным орудием человека, продолжением и дополнением его организма. Человек – активный субъект, природа – пассивный объект, техника – инструмент, посредник, активный по отношению к природе и пассивный по отношению к человеку – вот основные тезисы традиционного понимания техники. Воздействие техники на природу оценивается двойственно. С одной стороны, за человеком признается право на разумное использование и изменение природы, поскольку он (как носитель разума) является онтологически высшим существом на Земле. С другой стороны, неконтролируемое потребление природных ресурсов и загрязнение окружающей среды вредят человечеству и должны быть осуждены. Но в целом рост техносферы воспринимается позитивно, как элемент единого прогрессивного процесса преодоления стихийности природы и человеческой души – замены спонтанных процессов саморегуляции системой эффективных, рационально сформированных практик [Попкова 2014б: 311–312].

Какие экологические взгляды могут развиваться на основе этого понимания техники? Природоохранная деятельность оправдывается интересами людей, а не природы и других живых существ. Причиной современного техногенного кризиса считаются ошибки человека, ради непосредственных корыстных интересов хищнически эксплуатирующего природу и лишаящего будущие поколения благоприятной среды обитания. Необходимо восстановить контроль за всеми экономиче-

скими и экологическими процессами на планете путем научного планирования технической деятельности [Попкова 2014б: 299–302].

В чем недостатки этой концепции? Во-первых, она использует понятия, сформировавшиеся в рамках механистической картины мира и не учитывающие разработанной в течение XX в. теории сложных систем. Во-вторых, она не в состоянии найти объективные причины появления техногенных проблем и предложить обоснованную глобальную программу их преодоления. Следовательно, привычные способы категоризации техники нуждаются в переосмыслении и создании новых концепций, раскрывающих ее сущность.

Пытаясь преодолеть ограниченность традиционной модели, защитники природы предпочитают порицать и технику, и техногенные трансформации природы, и техническое отношение к миру: они видят в технической реальности нечто неестественное, искажение природы, а вносимые техникой изменения заранее объявляются недопустимыми и вредоносными [Ее же 2014а: 250–260]. Нередко на этом философский анализ техники заканчивается и начинается обличение современной цивилизации. Немногие исследователи уделяют внимание категориальному и методологическому анализу этого многопланового явления: по мнению В. М. Розина, общепринятые определения техники «механистичны, если не противоречивы в понятийном отношении», дают только иллюзию объяснения. Натуралистическое или инструментальное представление техники неприемлемо, утверждает Розин: после научно-технической революции необходимо понимать технику не как средство производства, а как проявление интеллектуальных и социокультурных процессов [Розин 2012: 180]. Чтобы получить многомерное представление о ней, необходим анализ предлагаемых дискурсов и концепций, то есть «споров о технике и ее сущности» [Его же 2006: 7–8]. Например, технику можно характеризовать в качестве «естественно-искусственной», зависящей от человеческой деятельности, но не являющейся ее продуктом. С одной стороны, деятельность – условие существования технической реальности, она обеспечивает ее воспроизводство и развитие. С другой стороны, техническая реальность предшествует деятельности каждого человека, являясь ее условием (наряду с социальными институтами). Основная проблема в том, что изучение техники не является объективным и незаинтересованным, оно ведется с конкретной целью: исследователи хотят получить не только законы технической реальности, но и возможность влиять на ее развитие, чтобы разрешить «кризис, вызванный, конечно, не только техникой, но и техникой в том числе». Изучение техники, считает В. М. Розин, требует понимать ее «как момент этого неблагоприятия» и постоянно помнить о главной цели – разработке методов разрешения кризиса, то есть «идей ограничения экстенсивного развития техники... концепций создания принципиально новой техники, т. е. такой, с которой может согласиться человек и общество, которое обеспечивает их безопасное развитие и существование» [Там же: 6–7].

Техническую реальность В. М. Розин считает разновидностью реальности социальной, включающей «созданные цивилизацией “социальные машины”, предназначенные для разрешения определенных конфликтов, обеспечения и организации ряда заданных социальных процессов». Термин «машина» должен подчеркнуть, что социальные институты «представляют собой особую технику» для обеспечения организационных условий «технологических способов решения социальных проблем» [Его же 2012: 186]. Предлагаемый взгляд на технику Розин противопоставляет традиционной «научно-инженерной» картине мира, в рамках

которой считалось, что техника «не влияет на человека, поскольку является его средством», а природа «написана на языке математики и содержит процессы, на основе которых работает техника». Сегодня мы вынуждены признать, что это представление не соответствует действительности: техника меняет и природу, и человека. Но заменить устаревшую картину мира непросто, поскольку за ней стоят социальные институты и культурный тип современного человека, а все процессы «осознаются, манифестируются и артикулируются в рамках техногенного дискурса» [Розин 2012: 192–194].

Не только средний человек, который, «как социальный индивид, полностью обусловлен образами и ценностями техногенной цивилизации», разделяет стандартное мироощущение, но и «те, от кого сегодня зависит развитие современной технологии, включая власти, специалистов и экспертов», не пытаются переломить инерционный ход событий и «мыслят в рамках реалий техногенной цивилизации» [Его же 2006: 223–226]. Поэтому В. М. Розин приходит к выводу: изменение характера развития техники возможно, но оно «потребует от человека столь больших изменений (в области его ценностей, образа жизни, в самих практиках), что, по сути, будет означать постепенный уход от существующего типа цивилизации и попытку создать новую цивилизацию». Эта новая цивилизация также будет основана на технике, но иной, «более безопасной для жизни и развития человечества» [Там же: 248–249]. Людям придется создать новую мораль и перестроить характер своей деятельности, заменив привычную научно-инженерную картину мира «новыми представлениями о природе, технике, способах решения задач, достойном существовании человека» [Там же: 246]. Как видим, в рамках этой теоретической модели техника рассматривается как разновидность социальных практик, а преодоление техногенных проблем требует совершенствования общества в сторону его гуманизации.

Развиваются и другие философские концепции, предлагающие различные понимания сущности техники. В связи с современными научными тенденциями наибольший интерес представляет подход, представители которого считают технику природным, естественным явлением – порождением закономерного саморазвития Вселенной.

В настоящее время в науке господствует концепция глобального эволюционизма, постулирующая естественное возникновение и развитие всех объектов и систем – от Вселенной до человеческого общества. Идеи о преемственности процессов происхождения Солнечной системы и Земли, зарождения биологических видов и становления человечества развивались многими учеными, которые прослеживали усложнение этих систем, то есть повышение уровня их организации. Теперь от описаний фактов развития наука перешла к единой теоретической модели, признав существование эволюционного процесса космического масштаба: происходит последовательное порождение одного структурного уровня бытия (обладающего принципиально новыми свойствами) из другого [Попкова 2010: 71]. Но интуитивное предположение о существовании подобной модели стало научной парадигмой тогда, когда были разработаны методы исследования эволюционирующих объектов. Попытка охватить эволюционный процесс завершилась пониманием развития Вселенной в качестве самоорганизации сложноорганизованных систем: образование каждого нового типа устойчивых структур понимается как этап эволюции. В рамках постнеклассической науки принцип эволюции становится исходным: объединяя процессы движения и изменения, характеризуя

процессы рождения и творения, единый глобальный эволюционный процесс соотносит между собой фундаментальные уровни организации материи как элементы целостности Вселенной [Попкова 2010: 119–134]. Постнеклассическая наука провозглашает: «Эволюция имеет сквозной характер, она проходит по всем иерархическим уровням организации мира: космическая эволюция, предбиологическая эволюция, эволюция живой природы, антропогенез, человеческая история...» [Князева 2015: 92]. Тенденции современной цивилизации все чаще анализируются с помощью этого принципа [Иванов, Снакин 2016; Князева 2016; Моисеев 1991; Назаретян 2015; Панов 2008; Степин 2003]. В частности, в рамках этой концепции становится понятным, почему локальные экологические мероприятия не решают глобальную проблему сохранения природы. Как замечает А. Д. Урсул, для улучшения состояния окружающей среды в местном масштабе неизбежно приходится снова брать ресурсы из более широкой биосистемы – биосферы [Урсул 2014].

Для современной эволюционной парадигмы науки Вселенная – это саморазвивающаяся система, в которой (согласно антропному принципу) заложен вектор роста и усложнения. Развитие природы есть самоорганизация или эволюция: ее цель – повышение степени организованности Вселенной и ее частей. Техническая активность в общем одобряется: считается, что человек как творец искусственного мира – не исключение среди живых существ, а продолжатель общей тенденции совершенствования биосферы: все живое изменяет природу. Способность человека к рациональному технологическому изменению мира появилась в ходе самоорганизации космической системы и, следовательно, несет эволюционный потенциал. Парадигма самоорганизации, развиваемая современным естествознанием, не знает такой категории, как «искусственное»: все, что разворачивается во Вселенной, порождено единым процессом усложнения систем, даже если промежуточной причиной являются разумные существа. Сторонники этого подхода, снимая противопоставление естественного и искусственного, видят в техническом изменении природной среды лишь увеличившую скорости и масштабы разновидность биогенного тока атомов, а в человеке – посредника, через которого это закономерное изменение темпов произошло. Вместе с самосознанием и разумом люди получили возможность осознанно делать то, что на низших уровнях организации происходило по воле слепых законов или инстинктов: реализовывать новые состояния материальных объектов, которые, не противореча законам природы, имели бы исчезающе малую вероятность возникнуть естественным путем. Техника выполняет только то, что человек от нее требует; отсутствие контроля над ней в настоящее время – следствие отставания интеллектуального развития людей от технического (налицо разрыв между технологиями материальными, бурно развивающимися со времен НТР, и культурой, которая остается на прежнем уровне) [Попкова 2014б: 315–317].

Философские дискуссии начинаются при обсуждении вопроса, бывают ли у глобальной эволюции тупики: могут ли, например, люди, приняв неверное решение, погубить себя и свою планету. Традиция, восходящая к русскому космизму, рассматривает человеческий разум как новый ведущий фактор эволюции Вселенной, а технику – как послушный инструмент для реализации этой великой цели. Утверждается, что люди (и вообще разумные существа) – будущие лидеры эволюции, спасители биосферы от неминуемого угасания. Разум поможет преодолеть грозящую из-за возрастания энтропии гибель космоса и распространит жизнь

до самых границ Вселенной. Поэтому люди должны не подчиняться природе (обреченной, согласно естественным процессам, на гибель), а совершенствовать ее и этим продлевать ее существование. Не ошибкой исторического развития видится здесь технический прогресс, а орудием эволюции. Но человек, хотя и стал главной геологической силой, не осознал своей планетарной ответственности, в результате чего и появились экологические трудности; как только сознание людей достигнет уровня, необходимого для управления собственной техникой, они станут совершенствовать природу. Прогрессистский оптимизм этой концепции критикуется [Попкова 2014а: 71–82].

Итак, в основу анализа технической реальности можно положить универсальное понятие эволюционирующей системы. Работки в области системного анализа и синергетики позволят исследовать характеристики техники: основные виды причинности, способы проявления ее нелинейности и открытости, механизмы обеспечения ее устойчивости по отношению к окружающей среде (способности техники сохранять свои основные параметры при взаимодействии с внешней средой, в том числе и при субъективных попытках управления ею), многообразные способы существования технических объектов и пути их эволюционирования. Некоторые философы подозревают это понимание техники в оправдании хищнического природопользования. Так, В. А. Кутырев предостерегает: «Универсальный эволюционизм, ставший сейчас парадигмой фундаментальной науки... лишает самостоятельного статуса любую существующую в данный момент форму бытия. Она рассматривается только как средство и фактор дальнейшего развития... Настоящее – лишь трамплин для будущего» [Кутырев 1998: 11]. На самом деле с этой точки зрения техническая реальность рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, в которой ведущую роль играют не внешние воздействия (в том числе и целенаправленная деятельность человека), а адаптивные процессы (направленные на решение проблем, возникающих в ходе взаимодействия элементов системы) [Попкова 2014в: 218–230]. Здесь техника – создаваемые человеком средства и способы преобразования материальных объектов и получения веществ, которые не могут быть воспроизведены внетехническим путем. Технический прогресс предстает как управляемая законами природы техноэволюция, относительно автономная от человеческой воли и социальных факторов [Ее же 2014б: 136–138].

На основе этих положений был выдвинут ряд концепций, анализирующих историческое и техническое развитие человечества. Среди них – Большая, или Универсальная, история: развивающееся с 1970-х гг. «междисциплинарное направление, включающее в единый контекст эволюцию Вселенной, Земли, биосферы, культуры и мышления» [Назаретян 2008: 5], сторонники которого (Д. Кристиан, А. П. Назаретян, Ф. Спир, Дж. Даймонд и др.) видят человечество подсистемой эволюционирующего космоса. Утверждается, что их развитие нужно изучать одновременно: формирование первобытного общества нельзя понять без представления о возникновении человеческого вида, а развитие вида *Homo sapiens* следует анализировать в рамках эволюции жизни на Земле. Те «явления, которые на более низком уровне анализа могут казаться хаотическими, обнаруживают большую упорядоченность при рассмотрении в отдаленной, всеобъемлющей перспективе» [Спир 1999: 159]. Если классическая наука говорила о деградации мира и росте энтропии, то Универсальная история, рисуя «цельную картину эволюционных процессов от Большого взрыва до современного общества», основана на совре-

менной эволюционной космологии и теории самоорганизации, показывающих, как «открытые физические системы способны спонтанно удаляться от равновесия с внешней средой и, используя ее ресурсы, стабилизировать неравновесное состояние». Универсальная история, по словам А. П. Назаретяна, предполагает, что «социальная (в том числе духовная), биологическая, геологическая и космофизическая истории представляют собой стадии единого эволюционного процесса» [Назаретян 2008: 9–11].

Как считает Д. Кристиан, Универсальная история «помогает увидеть историю человечества в целостности и в собственном контексте», но для этого она «требует постановки вопроса о нашем месте во Вселенной» [Кристиан 2001: 139–140]. Так, согласно обычной трактовке истории, «соблазнительно представить прогресс... определяющей чертой нашего вида». Но нельзя ограничиваться последними тысячелетиями истории человечества: это приведет к неверным выводам. Люди большую часть своей истории жили собирательством и охотой, не оставляя свидетельств об исторических событиях; но исключать из рассмотрения дописьменную историю не следует. Рассмотрение последних пяти тысячелетий действительно может привести к мнению, что увеличение производительности технологий – основная черта истории. Но в более крупном масштабе «человеческая история несколько сотен тысяч лет будет повестью о маленьких популяциях и их локальных изменениях... а затем – о внезапном и впечатляющем количественном росте», занимающем не более 0,2 % этого периода. Следовательно, «рост в истории человечества – скорее не норма, а отклонение». Этот взрывной рост уже наводит на иные, тревожные ассоциации – с ростом популяции микробов в организме, пораженном инфекционной болезнью: «Бацилла человека захватывает мир» [Там же: 140–142].

С 1990-х гг. идет разработка социоестественной истории (Э. С. Кульпин, В. И. Пантин, Т. Ф. Столярова и др.), стремящейся анализировать социальные явления в единстве с биосферными и прогнозировать социально-экологические кризисы. Процессы общественного развития объясняются взаимодействием общества и природы [Кульпин 2011]. Ранее предложенные исторические подходы, по словам Э. С. Кульпина, показывали только мир людей, слабо раскрывая взаимодействие Человека и Природы. Но человек – часть системы «неживая природа – живая природа – общество», поэтому социоестественная история показывает, что «эволюция общества, в том числе в ее политической и идеологической части, определялась характером взаимоотношений человека и природы – технологиями» [Его же 2008: 197–199]. Технологии, или «своеобразные правила игры человека с природой», формируются «в полном соответствии с мировоззрением, жизненными установками людей». Поэтому среди задач социоестественной истории – «выявление взаимосвязи между мировоззрением и технологией» и «моделирование систем ценностей для разных цивилизаций». Ее сверхцель – «выявить систему основных ценностей цивилизаций, увидеть ее трансформацию в контексте изменяющихся взаимоотношений человека и природы» [Там же: 207]. Предлагаются и другие исторические подходы.

Таким образом, представление технической реальности как стадии саморазвития Вселенной имеет эвристический потенциал и используется в современной науке. Но философия задает вопросы, на которые у естественных наук пока нет ответа. В частности, рассматривая техноэволюцию как естественный процесс и провозглашая техническую реальность более высоким эволюционным уровнем,

нежели биологическая, можно выдвинуть неожиданную гипотезу, что человек (и – шире – биологический мир) утратил эволюционное лидерство и начинает инволюцию, признаком которой и являются современные проблемы. Тенденция эволюции закономерно ведет к появлению все новых, более сложных объектов и систем (космогенез, биогенез, социогенез); вполне вероятно, что наступит и следующая эволюционная ступень, на которой сохранение и приращение информации будет происходить небиологическим путем.

Технический прогресс объясняется в русле концепции глобального эволюционизма через признание биологической и технической реальностей двумя последовательными ступенями лестницы эволюции. Развитие – это изменение, порождающее упорядочивание связей данной системы, усложнение ее структур, увеличение содержащейся в ней информации. Человечество (как подсистема биосферы) уже достигло определенного уровня развития таких прогрессивных (для эволюции) характеристик, как самоорганизация, саморегулирование, самообновление. Очевидно, новый, восходящий уровень бытия должен обладать не меньшей их степенью, к тому же иметь способность к самовоспроизводству. Что из существующего подходит на роль реальности более сложной и более активно осуществляющей переработку внешней, «естественной» среды во внутреннюю, «искусственную»? Только техническая реальность! В современном мире именно техника обладает всеми признаками развивающейся подсистемы: повышает свою взаимосвязанность и взаимозависимость, а также наращивает темпы переработки информации, одновременно увеличивая автономию от внешней среды. Вызывает сомнение лишь достигнутая техникой степень самоорганизации. Но наивное понимание техники как послушного механизма побуждает людей совершенствовать ее, приближая переход от биологической эволюции к самоподдерживающейся технической. Быть может, человек – не просто возникший в ходе естественных процессов усложнения материальных систем носитель разума на биологической основе, но и средство для достижения высшего состояния космоса, создатель нового уровня реальности – технической? Техническая деятельность человека может оцениваться как лежащее в русле саморазвития Вселенной совершенствование биогенного тока атомов (ускорение переработки природных ресурсов и увеличение ее масштабов). Быть может, не человек эксплуатирует природу, а она использует его для следующей ступени эволюции? Глобализация управления человечеством формирует недостающее техносфере структурное подобие мозга и центральной нервной системы: мощностные связи между локальными техническими комплексами начинают перевешивать сохраняющиеся между ними противоречия. Рациональность формализуется, технологизируется и отделяется от человеческого мозга; технические устройства моделируют нейронные сети, приобретая способность решать все расширяющийся круг задач: идентификацию объектов, управление ими, прогнозирование, принятие решений и т. д. Рост и усложнение технических структур объективно ведут к уменьшению их управляемости человеком. Но развитие одной из подсистем биосферы неизбежно происходит за счет деградации других подсистем: развитие человечества – за счет природы, а развитие техники – за счет человечества. Эволюция в природе неразрывно связана с инволюцией: если система в целом повышает свою организованность, наращивая разнообразие, то ряд ее подсистем регрессируют – упрощают свое содержание, снижая степень упорядоченности. Инволюция системы, процесс ее упрощения и возврата к более простым формам – закономерный элемент саморегуляции более

обширной системы, механизм ее перевода в новый режим функционирования. Следовательно, современная эпоха – переход эволюционного потенциала от человечества к технике. Развивается не биосфера, а система высшего уровня – космос. Если техника – не порождение нашего разума, а новый уровень бытия, который вырастает из предшествующего и вскоре превзойдет его, то она по сути своей вредна для природы: не потому, что разрушает ее (понижая степень организованности биосистем), а потому, что является следующей ступенью развития и новым шагом на пути самоорганизации материи.

Итак, данный подход к анализу техники рассматривает современную эпоху как этап глобальной эволюции, в планетарном масштабе заключающийся в концентрации эволюционного потенциала на уровне технической реальности за счет инволюции объектов предыдущих уровней – биологического и социального. Это объективный процесс, темпы осуществления которого субъективны (поскольку самоорганизация технической системы еще не достигнута). Человечество по мере исторического развития настолько ускорило процесс переработки информации, что дальнейший его рост на биологической основе стал невозможным. И, повинуясь воле эволюции, люди сотворили своего победоносного конкурента – менее прихотливого к условиям внешней среды, работающего на таких скоростях и в таких масштабах, которые недоступны людям. Прорывая рамки биологического и используя ресурсы живого вещества в качестве трамплина для собственного совершенствования, техника может сегодня рассматриваться как локомотив эволюции Вселенной [Попкова 2014б: 174–175].

Такой вывод кажется неожиданным и шокирующим, но логическое развертывание тезисов эволюционного подхода ведет именно к нему. Все чаще раздаются предостерегающие голоса философов: «Для развития техники природа как нечто живое, естественное нужна на первоначальном этапе, пока она является продолжением органов человека... Выйдя на уровень автоматов, она способна к саморазвитию». Возможно, предполагает В. А. Кутырев, человек для эволюции уже не нужен и его деградация естественна: «Движение от жизни и природы к технике, к космосу, от естественного к искусственному – это стрела, пронзающая всего человека» [Кутырев 1994: 41–44]. Делаются тревожные прогнозы: «Техника перестает быть средством деятельности человека, его “орудием”. Она партнерствует с ним, а во многом решительно подчиняет... Стихийная логика производства... ведет к тому, что оно способно полностью развиваться само на себя... Начинают самоорганизовываться не только предметно-технические, но и информационно-технические системы, на определенном же этапе они начинают самопрограммироваться» [Там же: 16–20].

Итак, если мы продолжим рассмотрение техногенеза как естественного процесса, нам придется концептуализировать техническую реальность в качестве следующей эволюционной ступени, более совершенной, чем биологическая [Попкова 2014а: 155–174]. Научное обоснование подобной точки зрения проблематично (в связи с тем, что причины и цели мироздания недоступны нашим исследованиям), но важность поднимаемых вопросов несомненна. Что делать человечеству? Препятствовать законам эволюции невозможно, помогать им – самоубийственно. Экологический кризис в этой модели закономерен. Для современного человечества характерен ряд глобальных проблем: многие изменения социальных, политических, экономических, духовных основ жизни людей могут быть интерпретированы как признаки деградации. Многообразие социально-куль-

турных моделей угасает: массовая культура выступает мощным средством унификации поведения. Универсализация и стандартизация индивидуального и национального бытия, нивелировка личностного начала и подавление его массовыми социальными и культурными процессами – все это можно оценивать как признаки того, что саморазвитие человечества уже не поддерживается законами эволюции. Человек лишается четких ценностных ориентиров: формируется «глобальный потребитель», уверенный, что все проблемы можно решить, потребляя соответствующие вещи и услуги, произведенные технологически. Началось снижение жизнеспособности людей из-за потери внутреннего многообразия человечества – источника его развития и самосохранения. Социальный прогресс стал средством для развертывания технологий: в итоге технологическое обновление развивается автоматически, а его социальное регулирование слабеет. Сохранение прежнего человека противостоит вектору эволюции, ведущему его к превращению в элемент техносферы. Со временем закончится развитие человеческого общества, угаснет механизм его обеспечения (подобно тому, как живое уже не возникает из неживого, в техногенных условиях перестанут создаваться новые системные комплексы в экономико-географическом пространстве). Социальная система (гармонически упорядоченная совокупность самодетерминированных процессов, имеющих тенденцию к повышению социальной организованности) перейдет в состояние подсистемы техносферы и подчинится техногенным закономерностям. Воспроизводство конститутивных признаков социума нарушится, механизмы поддержания его параметров в пределах нормы разладятся, и лишённому уютной техногенной среды человечеству придется снова начинать борьбу с природой – уже со «второй».

Разумеется, поголовное вымирание людям не грозит: сохранятся даже низшие формы жизни, не говоря уже о структурах неживой природы. Но какой ценой? Как правило, для своего сохранения «устаревшему» биологическому виду приходится найти узкую экологическую нишу, не представляющую интереса для вида «восходящего». Печальный прогноз... Может быть, человек сможет предотвратить это будущее, если он не станет надеяться на естественные процессы (которые уже «играют» против людей и направлены не на создание новых структур социокультурного бытия, а на их нивелировку), а вспомнит о том, что социальные системы отличаются от других (неорганических и органических) тем, что в них входят люди, обладающие сознанием и волей, поэтому самоорганизация в них дополняется сознательной организацией. Если процессы, деструктивные для человечества, становятся «естественными», то необходимо активное вмешательство в их осуществление. Козэволюция с биосферой приведет к угасанию и ее самой, и человечества. Нужно разрабатывать планы замедления этих процессов, что может произойти лишь путем технического регресса [Попкова 2014б: 294–299]. Вот какие неожиданные выводы могут последовать при логической разработке тезисов глобального эволюционизма!

Итак, парадигма самоорганизации беспощадно пресекает мечты человека о вечном господстве, основанные на осознании своего «совершенства»: эволюционный процесс не стоит на месте, и вслед за наиболее развитым на сегодняшний день уровнем разумной жизни он готовит восхождение следующего уровня организации материи – более способного к экспансии, который в перспективе подчинит себе остальные. Допустим, что эта эволюционная перспектива (печальная для нас, людей, но входящая в план саморазвития Вселенной) верна: перед нами – не

теоретическая модель, используемая для синтеза имеющихся знаний, а реальный прогноз. Что делать? Прежде всего даже научно обоснованный прогноз – не приговор. Существует вариативность в развитии: вектор эволюции в отдельных областях пространства может замедляться, асимптотически приближаясь к нулю (например, живое возникло далеко не по всей Вселенной). Отслеживая тревожные тенденции (техника выходит из-под власти человека – он физически и умственно теряет способность отслеживать технологические процессы и, следовательно, управлять ими), мы сможем осознать нежелательные для нас процессы и оказывать на них точечные воздействия, не затрачивая силы на обсуждение нереализуемых рекомендаций.

Следует помнить и об относительной точности любой теоретической модели: «В принципе любая система может быть описана и как естественная, и как искусственная. Система с естественной точки зрения рассматривается как самодвижущийся организм, то есть объект, развивающийся по своим внутренним законам... С искусственной точки зрения система рассматривается как конструируемый извне механизм» [Горохов 2007: 125]. Мы имеем право рассматривать технику в ее взаимодействии с природой как искусственный феномен, а в контакте с человеком – как естественный: далекоидущие выводы останутся такой же полезной абстракцией, как и многие математические модели.

Таким образом, получаемые с помощью философского анализа выводы относительно причин современных экологических трудностей и возможных путей выхода из них зависят от используемого понимания техники. Предлагаются различные варианты ее понимания, на основе которых разрабатываются философские подходы. Поскольку традиционное, инструментальное понимание техники показало свою недостаточную эффективность при анализе глобальных проблем, наибольший эвристический потенциал имеют концепции, рассматривающие технику со стороны ее социальной обусловленности или ее положения в эволюционной картине мира. Изменение представлений о сущности техники ведет к получению новых, неожиданных прогнозов развития техногенного общества и помогает по-новому взглянуть на перспективы человечества (или, по крайней мере, на границы применимости различных теоретических моделей).

Литература

Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук: учебник. М. : Гардарики, 2007.

Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.

Князева Е. Н. Универсальный эволюционизм: паттерны, которые связывают // Философские науки. 2015. № 3. С. 90–103.

Князева Е. Н., Алюшин А. Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.

Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 137–146.

Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 196–207.

Кульпин Э. С. Технологическое зеркало общества // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 196–207.

Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород : Нижний Новгород, 1994.

Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ. Серия 7 «Философия». 1998. № 3. С. 3–16.

Лось В. А. Социоприродное измерение глобализации // Век глобализации. 2016. № 3. С. 48–56.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм (позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Назаретян А. П. Универсальная (Большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 5–24.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мега-истории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.

Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 26–48.

Петров К. М. Эволюция и коэволюция биосферы-ноосферы // Биология и культура. М. : Канон+, 2004. С. 342–358.

Попкова Н. В. Методология философского анализа техносферы // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 3. С. 823–831.

Попкова Н. В. Философская экология. М. : URSS, 2010.

Попкова Н. В. Антропология техники: Становление. М. : ЛИБРОКОМ, 2014а.

Попкова Н. В. Введение в метафилософию техники. М. : ЛЕНАНД, 2014б.

Попкова Н. В. Философия техносферы. М. : ЛИБРОКОМ, 2014в.

Розин В. М. Понятие и современные концепции техники. М. : ИФ РАН, 2006.

Розин В. М. Техника и социальность: Философские различия и концепции. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты // Век глобализации. 2010. № 2. С. 105–114.

Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 152–163.

Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

Урсул А. Д. Космоглобалистика: генезис и направления исследований // Век глобализации. 2012. № 2. С. 17–31.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16–27.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ПРОШЛОГО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Плещенко В. И.*

В условиях информационной революции, глобализации, становления экономики знаний растет роль институтов сетевой координации, дополняющих или заменяющих традиционные способы координации, в качестве которых выступают рынки и иерархии. Механизмы сотрудничества в «новой экономике» должны формироваться с учетом действия сил инерции (традиции, привычки), что придаст процессу равномерный и устойчивый характер, обеспечит преемственность различных общественно-исторических практик, имевших место в России и СССР. Значительный потенциал творческого труда, присутствующий в стране, способен сыграть роль динамических способностей, во многом обеспечивающих конкурентоспособность компаний в современном бизнесе, однако данный ресурс может эффективно развиваться только в институциональной среде, сохраняющей преемственность.

Ключевые слова: экономика знаний, взаимодействие, координация, силы инерции, преемственность, сетевые структуры.

In the context of information revolution, globalization, and development of a knowledge-based economy the increasing role belongs to institutions of the network coordination which supplement or substitute traditional patterns of coordination including markets and hierarchies. The mechanisms of cooperation of the «new economy» must take into account the inertia forces (traditions, habits), which will support a steady and sustainable character of the process and ensure the continuity of various socio-historical practices existing in Russia and the USSR. A significant potential of creative labour, available in the country, can play the role of «dynamic abilities», largely ensuring the competitiveness of companies in contemporary business world; however, this resource can efficiently develop only in the environment preserving institutional continuity.

Keywords: knowledge economy, interaction, coordination, inertial forces, continuity, network structures.

Сегодняшнюю глобальную постиндустриальную экономику часто характеризуют как экономику знаний, подчеркивая тем самым ключевое значение в ней информации, инноваций, научно-технического прогресса и человеческого капитала. Произошедшее смещение приоритетов вызвало то, что в исследованиях экономики знаний (или «новой экономики») отмечается невозможность рассмотрения конкуренции в качестве главенствующего способа взаимодействия хозяйствующих субъектов в изменившихся условиях [Клейнер 2006: 33]. Анализ современных организационных структур также говорит о происходящем переходе от атомистической системы традиционного рынка с ценовыми сигналами к кла-

* Плещенко Вячеслав Игоревич – к. э. н., АО «Гознак», Москва, начальник управления. E-mail: v_pl@mail.ru.

стерно-сетевым горизонтальным системам координации действий гиперсвязанных субъектов [Смородинская 2015: 13–14]. Более того, применяются физические аналогии, согласно которым конкуренция и соперничество играют в современной экономике роль сил отталкивания, противостоящих силам притяжения (кооперация, сотрудничество) и силам инерции (традиции, привычки) [Клейнер 2006: 33–34]. Таким образом, возникает интересная коллизия, в которой различные варианты взаимодействия в экономике представляются фактическими антиподами. Но в то же время понятно, что только их сбалансированное комбинирование способно обеспечить в настоящее время гармоничное развитие экономики и общества.

Проявления гибридных форм взаимодействия (или координация «третьего типа») весьма разнообразны. К примеру, в «новой экономике» все большее распространение получают институты сетевой координации, своим функционированием успешно дополняющие или заменяющие традиционные способы координации, в качестве которых выступают рынки и иерархии. В результате на уровне межличностного взаимодействия формируются новые условия протекания социально-экономических процессов, когда действия индивидов не зависят лишь от размеров денежного вознаграждения или наличия указаний руководства, а являются творческим процессом, реализуемым в тесной взаимосвязи с близкими по духу людьми, при активном использовании потенциала глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет. Все это во многом предопределяет характер кооперации и сотрудничества сегодня.

Следуя вышеуказанной классификации Г. Б. Клейнера, можем отметить, что силы притяжения являются активной составляющей, обеспечивающей движение вперед, в то время как силы инерции должны придавать этому движению равномерный, последовательный и устойчивый характер, обеспечивать преемственность общественно-исторических практик. Поэтому, говоря уже о традициях и привычках, следует обратить свой взгляд назад и вспомнить не столь далекое прошлое нашей страны, в котором имели место многочисленные примеры взаимодействия субъектов на разных уровнях экономики и общества, схожего с нынешними кластерно-сетевыми формами. Так, в СССР сформировалась обширная практика отраслевого и межотраслевого сотрудничества и кооперации, был получен опыт создания и развития цепей поставок, научно-промышленных кластеров, сетевых механизмов взаимодействия (как формальных, так и неформальных). Кроме того, в Советском Союзе активно культивировались такие формы организации коллективного труда, как коммунистические субботники, социалистическое соревнование и рационализаторство, ставшие определенными социально-экономическими феноменами СССР. Субботники были добровольной бесплатной работой советских трудящихся, характеризующей их коммунистическое отношение к труду. В свою очередь, социалистическое соревнование предусматривало применение новых форм организации труда, выполнение трудящимися повышенных норм выработки [Меняйло 1973: 63]. Высшей формой такого соревнования являлось движение за превращение рабочих коллективов в коллективы коммунистического труда. И, наконец, движение новаторов производства (рационализаторство) представляло собой проявление творческой инициативы трудящихся, направленной на улучшение условий работы, рационализацию технологических

процессов, рост производительности труда, активное использование достижений научно-технического прогресса¹.

Несмотря на значительные практические недостатки указанных форм организации труда, связанные во многом со специфическим административно-бюрократическим режимом, существовавшим в СССР, автор полагает, что анализ применимости советского опыта весьма актуален. Дело в том, что сегодня на наших глазах активно развиваются разнообразные сетевые формы добровольной кооперации индивидов, внедряются новые инструменты корпоративного менеджмента. В частности, для решения нестандартных задач современными компаниями все чаще применяются методы краудсорсинга, широкое распространение получили волонтерское движение, командообразование (или *тимбилдинг* – от англ. team building – построение команды). Например, крупная российская промышленная компания «Северсталь» еще в 2012 г. запустила программу развития корпоративного волонтерства среди своих сотрудников. На сайте «Северстали» указывается, что волонтерство выступает одной из форм самореализации личностного потенциала работников, способствующей получению общественного признания, приобретению полезных практических и социальных навыков, лучшей интеграции новых сотрудников в коллектив [см. подробнее: Корпоративное...].

В этой связи автор считает позитивным тот факт, что и другие исследователи и практики также проявляют интерес к анализу социально-экономических феноменов СССР, возможностям их применения в сегодняшних условиях. К примеру, И. Д. Котляров квалифицирует субботники, рационализаторскую деятельность и соревнование² в качестве предшественников концепции внутреннего краудсорсинга [Котляров 2016а: 56]. Кроме того, в современных публикациях отмечается тот факт, что субботники служат поднятию командного духа, становятся важной формой корпоративного волонтерства, способствуют внедрению нефинансовой мотивации и т. д. [Капиталистический...]. Также подчеркивается тот факт, что коллективная деятельность способствует укреплению чувства доверия и партнерства, общих ценностей в рамках сообщества [Трофимова 2013]. В свою очередь, опыт советского рационализаторства может быть востребован в процессе поиска оптимальных вариантов развития коллективного научно-технического творчества, межфункционального и межфирменного взаимодействия в инновационной сфере. К примеру, в СССР получили широкое распространение комплексные бригады рационализаторов, состоявшие из рабочих, инженеров и техников, которым оказывали помощь научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения [Савицкий 2009: 110]. Данная форма организации трудового процесса во многом схожа с современными представлениями о построении гибких сетевых структур. Также сегодня важно, чтобы сотрудники, вовлеченные в коллективную работу, осознавали ее важность для организации, а их заслуги были заметны для окружающих. В этой связи вспомним, что в СССР проводились смотры и конкурсы на лучшее рационализаторское предложение, лучший творческий коллектив [Савицкий 2009: 113]. Таким способом повышался престиж творческой деятель-

¹ В условиях социализма в СССР в 30-е гг. XX в. возникло массовое движение новаторов, изобретателей и рационализаторов производства. Заслуженные работники-энтузиасты получали, как правило, существенное вознаграждение за свой труд и служили позитивным примером для окружающих.

² Вероятно, автором цитируемой статьи имелось в виду социалистическое соревнование.

ности, обеспечивалась дополнительная (нефинансовая) мотивация, что также крайне актуально сейчас.

В связи с изложенным возникает довольно важный вопрос: а не является ли результат процесса, который мы ранее квалифицировали как обеспечение преемственности, на самом деле попаданием в так называемую институциональную ловушку? Академик В. М. Полтерович называет институциональными ловушками неэффективные устойчивые нормы (неэффективные институты), которые, давно сформировавшись, находятся в самоподдерживающемся состоянии, в результате чего система вынуждена раз за разом проходить один и тот же путь [Полтерович 2004: 7–8]. В числе причин появления институциональных ловушек указывается культурная инерция, возникающая вследствие нежелания агентов менять стереотипы поведения, доказавшие в прошлом свою эффективность [Там же]. Схожим образом И. Н. Шапкин и Н. О. Воскресенская видят источник ловушек в ментальности народа, а именно: в лице устойчивых и распространенных образцов мышления, запечатленных в привычках, традициях и обычаях народа, заставляющих людей воспроизводить образцы поведения, передающиеся от поколения к поколению [Шапкин, Воскресенская 2016: 110]. Также вышеупомянутые авторы отмечают, что именно эти образцы могут оказаться нерациональными и неэффективными в изменившихся условиях, однако при сильной зависимости общества от исторического прошлого даже осязаемое внешнее воздействие на систему не способно перевести ее на «новые рельсы», и общество продолжит хождение по кругу, повторяя тем самым прошлые ошибки [Там же].

Вместе с тем в России традиционным считается отношение к труду как к добродетели, нравственному деянию, а духовное совершенствование, самоограничение, досуг предпочтительнее добывания все большего количества материальных благ [Ивлева 2002: 24]. Так же и в эпоху СССР, как подчеркивает исследователь советского периода в истории и культуре Е. Добренко, внеэкономические стимулы труда были основными, а сам труд выступал морально-нравственной и культурной (воспевание «красоты труда») категорией [Добренко 2007: 248–249]. Это показывает, что для России свойственна преемственность доминирующего отношения к важным социально-экономическим категориям, причем сохраняется она в разных общественно-исторических формациях. В этой связи Г. Ю. Ивлева характеризует как положительный факт то обстоятельство, что Россия за свою историю узнала и опробовала развитые формы общественной организации, поэтому у нее есть прививка против всецелого поглощения «стоимостным миром» [Ивлева 2002: 27]. Можно также сказать, что вся эта собранная за долгие годы совокупность норм, правил, обычаев, образа жизни и мысли является институциональной матрицей, отражающей социально-экономическое, политическое, культурное развитие народа, задаваемое его национальной ментальностью [Шапкин, Воскресенская 2016: 112].

Следовательно, указанные нами явления (сегодняшние субботники, новое рационализаторство и др.) отнюдь не являются институциональными ловушками или рудиментами советской эпохи, неожиданно «реинкарнировавшимися» в XXI в. Они фактически вырастают из всей предыдущей истории страны и представляют собой новый этап развития социальной материи, с учетом национально-территориальной специфики. На взгляд автора, это происходит в полном соответствии

с законами диалектики (движение вверх по спирали, обеспечивающее преемственность).

Более того, именно сейчас в современных развитых экономиках распространились явления, отражающие рост роли некоммерческих критериев и целей в общественно-экономической жизни. Так, Г. Б. Клейнер упоминает в данном контексте краудсорсинг, участвовавшие случаи передачи крупных состояний на благотворительные цели, волонтерство, социальную ответственность бизнеса, а также масштабные некоммерческие проекты типа строительства адронного коллайдера [Клейнер 2015: 142]. Указанные процессы коснулись не только бизнеса, но и обычных граждан. Основная цель, возникающая на уровне рядовых обывателей, – это координация действий граждан с целью снижения издержек и рационализации потребления. В этой связи можно упомянуть еще одну публикацию И. Д. Котлярова, в которой он раскрывает суть сетевых организаций нового типа – виртуальных потребительских кооперативов, также подчеркивая их некоммерческую направленность [Котляров 2016б: 76–78]. Стремление к рационализации потребления в условиях «новой экономики» выражается не только в снижении издержек на приобретение тех или иных вещей, но и в возможном снижении числа этих вещей, находящихся в обращении. Поэтому весьма примечательна такая тенденция последних лет, как активное развитие виртуальных сервисов совместного потребления, распространение сообществ, организующих коллективные закупки чего-либо, совместное использование индивидами различных вещей (бытовая техника, компьютеры, фотоаппараты, велосипеды) и автотранспорта³. Все это способствует экономии издержек за счет коллективной эксплуатации ресурса, а также формированию комфортной среды общения.

Следовательно, в «новой экономике» возрастает важность учета социально-гуманитарных факторов при формировании современных экономических моделей и механизмов, появляется необходимость отхода от безусловного признания прибылью практически единственной целью существования бизнеса. Рассуждая на эту тему, Г. Б. Клейнер подчеркивает, что гиперкоммерциализация экономики приводит к деформации системы общественных ценностей, подавляет солидарность, патриотизм и стремление к коллективному сотрудничеству [Клейнер 2015: 142]⁴. Схожим образом действует и популярная сегодня идеология безудержного потребления, которая, как отмечает А. Н. Ильин, вместо экономии, солидарности, самоограничения абсолютизирует противоположную ценность – безответственную трату, вызывая тем самым кризис личности, общества и природы [Ильин 2016: 151]. Стремление активной части социума найти выход из сложившейся ситуации проявляется по-разному, выражаясь в агрессивном антиглобализме, так называемом дауншифтинге и других специфических явлениях. Наиболее позитивным примером в данном случае, на взгляд автора, является известная концепция устойчивого развития, возможные пути реализации которой активно обсуждаются в научном сообществе уже более двух десятилетий.

³ При этом отметим, что данное явление имело предысторию еще в доинтернетовскую эпоху. К примеру, в рамках сельской общины русские крестьяне в течение многих веков организовывали коллективное использование ресурсов.

⁴ В то же время и советское «некоммерциализированное» общество, исчезнувшее вместе с СССР, также нельзя считать идеальным образцом для подражания. Несмотря на официально декларируемый коллективизм, примат общественного над индивидуальным, исследователи пишут об обратных процессах: разрыве социальных связей, закрытости, атомизации советского общества [Дубин 2008].

Таким образом, в условиях глобальной экономики знаний приоритетными становятся отношения сотрудничества (вместо соперничества), а дух коллективизма должен гармонично сочетаться с учетом потребностей и пожеланий индивидов. Также важно выделить наметившуюся тенденцию к рационализации потребления, способствующую развитию новых институтов. В свою очередь, обилие информации, повышенная сложность современных технических и организационных систем ведут к тому, что деятельность по их совершенствованию не может реализовываться в одиночку, требуя формирования гибких сетевых структур (как временных, так и постоянных), объединяющих различных представителей коллектива компании, либо отдельных фирм (в зависимости от масштаба проблемы и числа вовлеченных лиц). В результате за счет суммирования различных потенциалов образуется синергетический эффект. При этом для России особенным обстоятельством выступает сохраняющаяся неразделенность труда, малая его специализация, что одновременно является важным свойством творческого труда как основы постиндустриального общества [Ивлева 2002: 27]. Значительный потенциал творческого труда, присутствующий в стране, способен сыграть роль так называемых динамических способностей, во многом обеспечивающих конкурентоспособность компаний в современном бизнесе. На взгляд автора, данный ресурс может эффективно развиваться только в «генетически» знакомой ему институциональной среде, сохраняющей преемственность. В этой связи представляется актуальным и целесообразным воспроизведение (на новом коммуникационном уровне) практических наработок советской эпохи, рафинированных от излишней идеологизации, равно как и использование общественно-исторической практики более далеких от нас поколений российской нации, которые также существовали в особой институциональной среде (крестьянская община, соборность и др.).

Литература

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение, 2007.

Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 24–35.

Ивлева Г. Ю. Социально-экономические альтернативы России и концепция восстановления развивающегося развития // Вестник ОГУ. 2002. № 4. С. 24–29.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.

Капиталистический субботник [Электронный ресурс]. URL: http://abireg.ru/sb/print/n_542.html (дата обращения: 08.03.2016).

Клейнер Г. Микроэкономика знаний и мифы теории // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 32–37.

Клейнер Г. Б. Декоммерциализация экономики как культурный проект (на пути к созданию культурологической теории экономики) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 140–146.

Корпоративное волонтерство [Электронный ресурс]. URL: http://www.severstal.com/rus/csr/programmes_contests/document9792.phtml.

Котляров И. Д. Место внутреннего краудсорсинга в системе инструментов привлечения персонала для решения нерутинных задач // Менеджмент сегодня. 2016а. № 1. С. 54–59.

Котляров И. Д. Феномен виртуальных потребительских кооперативов // Общество и экономика. 2016б. № 12. С. 75–82.

Меняйло И. Л. Основные законы материалистической диалектики. М. : Высшая школа, 1973.

Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

Савицкий И. М. Движение рационализаторов и изобретателей на предприятиях тяжелой промышленности Сибири в 1946–1960 гг. // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 108–124.

Смородинская Н. В. Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М. : ИЭ РАН, 2015.

Трофимова И. Н. Национальные территории и национальная политика в России: исторический опыт и современные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 13–16.

Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. № 4. С. 100–114.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

АКАДЕМИК Н. Н. МОИСЕЕВ И НЕКОТОРЫЕ ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА К 100-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева

Залиханов М. Ч., Степанов С. А.*

В статье рассматриваются некоторые аспекты научного наследия Н. Н. Моисеева и проблемы формирования научной картины мира через призму концепции универсального эволюционизма ученого как системы миропонимания. Выделяются три направления: экологический императив, нравственный императив, система «Учитель». Обосновывается тезис об усилении геополитических изменений из-за природных ресурсов и делается вывод о трудностях реализации концепции устойчивого развития в условиях этих изменений. В статье подчеркивается необходимость реформирования национальных систем образования на основе его экологизации, без чего невозможно формирование научной картины мира. В заключении подчеркиваются важность и необходимость понимания национальных целей для обеспечения благополучия людей и условий жизни их будущих поколений.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, научная картина мира, экологический императив, нравственный императив, система «Учитель», геополитические изменения, природные ресурсы, национальные цели.

The article is devoted to some aspects of the scientific heritage of Nikolay Moiseev and the problems of formation of scientific worldview through the prism of his universal evolutionism concept as a system of world outlook. There are defined three directions: ecological imperative, moral imperative, and the «Teacher» system. The present article substantiates the idea about strengthening geopolitical changes due to natural resources and the conclusion is made about the difficulties of realizing the concept of sustainable development in the conditions of these changes. The article emphasizes the need to reform national education systems on the basis of its ecologization, without which it is impossible to form a scientific picture of the world. In conclusion, the importance and necessity of understanding national goals for ensuring the well-being of people and the living conditions of their future generations are underlined.

* Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, Герой Социалистического Труда, научный руководитель Академии МНЭПУ, эксперт Всемирной организации «Законодатели – за сбалансированную окружающую среду» (ГЛОБЕ), почетный доктор МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: zalihanov@duma.gov.ru.

Степанов Станислав Александрович – д. п. н., доцент, профессор Академии МНЭПУ. E-mail: ecosas@rambler.ru.

Keywords: *universal evolutionism, scientific picture of the world, ecological imperative, the moral imperative, a «Teacher» system, geopolitical changes, natural resources, national goals.*

На недавнем V Международном научном конгрессе «Глобалистика: глобальная экология и устойчивое развитие» (25–30 сентября 2017 г., Москва), в рамках которого состоялись научные конференции «Научное наследие Н. Н. Моисеева и современный мир», «Универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева и судьба цивилизации», а также круглый стол «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI века», неслучайно было уделено значительное внимание научному наследию ученого.

В научном мире имя академика Никиты Николаевича Моисеева связывается прежде всего с теорией системного анализа и оптимальных систем, теорией управления и методами оптимизации, математическими моделями динамики биосферы, в том числе количественными оценками возможных последствий ядерной войны, известных как «ядерная зима» и «ядерная ночь». Его методологические подходы взаимоотношения человека, природы и общества и математические модели стабильности биосферы в условиях антропогенных воздействий привели ученого к экофилософским и политологическим обобщениям проблем общества в условиях переходного периода России, процессов самоорганизации и необратимости эволюционных процессов.

Геополитические изменения в мире, не объявленная Западом России информационная, экономическая и идеологическая война требуют изменения современного миропредставления (по Н. Н. Моисееву) и, конечно, кардинального изменения работы с молодежью по оказанию ей помощи в формировании научной картины мира и понимания особенностей политики России и ее места в глобализирующемся мире.

Методологической основой такой работы нам представляется научное наследие академика Н. Н. Моисеева, стоявшего у основ создания философии экологии, а также новых направлений в науке – экополитологии и глобалистики¹.

Глубокие историко-философские размышления Н. Н. Моисеева о судьбах России в человеческой цивилизации и судьбе самой цивилизации дают молодым современным исследователям методологическую основу в том числе для понимания, анализа, обобщения и прогнозирования происходящих в мире процессов, делают предупреждение о глобальных рисках не только в связи с возможностью «ядерной зимы» или «ядерной ночи», но и в связи с усилением межцивилизационных конфликтов и цивилизационных разломов, происходящих сегодня и в дальнем зарубежье, и в нашем славянском, русском мире.

Методологическим ключом к пониманию происходящих в мире процессов можно рассматривать моисеевский универсальный эволюционизм.

В его основу легли дарвиновская эволюция жизни, развитие ее форм, механизмы, порождающие это развитие (изменчивость, наследственность, отбор), и концепция биосферы В. И. Вернадского, включающая представления и закономерности глубокой взаимосвязи всех процессов, протекающих на Земле, – геологических, химических, биологических, а также учение о ноосфере, то есть о сфере разума.

¹ В созданном под его научным руководством Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ) была собрана плеяда молодых ученых, таких как А. Н. Костин, А. Г. Сьгин, А. С. Панарин, В. И. Коваленко, Л. Л. Фитуни, С. Ф. Черняховский, ставшая ядром новой российской школы экополитологии и глобалистики.

Необходимо отметить, что во многих работах последнего десятилетия своей жизни Н. Н. Моисеев постоянно возвращался к основным положениям универсального эволюционизма: «Современный рационализм» [1995], «Мировое сообщество и судьба России» [1997], «Судьба цивилизации. Путь Разума» [1998]. Концептуально моисеевская концепция универсального эволюционизма зиждется на следующих исходных положениях:

1. Вселенная представляет собой единую саморазвивающуюся систему.
2. Во всех процессах, имеющих место во Вселенной, неизбежно присутствуют случайные факторы, влияющие на их развитие, и все эти процессы протекают в условиях некоторого уровня неопределенности.
3. Во Вселенной властвует наследственность: настоящее и будущее зависят от прошлого.
4. В мире властвуют законы, являющиеся принципами отбора. Они выделяют из возможных виртуальных, мысленных состояний некоторое множество допустимых.
5. Принципы отбора допускают существование бифуркационных (в смысле Пуанкаре) состояний, то есть состояний, из которых, даже в отсутствие стохастических (случайных) факторов, возможен переход материального объекта в целое множество новых состояний.

Главное в концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева заключается в том, что «все, что вокруг нас, и мы сами суть частицы одного целого, имя которому ВСЕЛЕННАЯ, или УНИВЕРСУМ, – оно развивается как целое и им управляют общие законы самоорганизации. Постараться понять это общее и есть, может быть, главная задача науки, любой ее ветви, растущей из единого корня... И все знания, которые дают естественные науки, и знания гуманитарных дисциплин, и искусство, и духовный внутренний мир человека – все это служит познанию Человека. Это ступени познания его включенности в Природу» [Моисеев 1993: 21].

Академик А. А. Петров подчеркивал, что «принятый метод Универсального эволюционизма дал возможность Моисееву Н. Н. заглянуть в будущее и очертить некоторые возможные альтернативы. С позиций своей концепции он рассмотрел современные глобальные проблемы и представил свое видение путей решения этих проблем. В этом эвристическое значение концепции Универсального эволюционизма» [Петров 2011: 141].

Современное миропонимание с позиций этой концепции Н. Н. Моисеева предлагаем рассмотреть в трех аспектах.

1. **Экологический императив** как граница допустимой активности человека, которую он в настоящее время, в данных конкретных природных условиях, не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах.

Несмотря на предостережения ученых, а также принятые на международном уровне сотни договоров, конвенций, в том числе Монреальский протокол по озоноразрушающим веществам, Киотский протокол (Парижское соглашение 2015 г.) по климату, концепции устойчивого развития и т. д., мир не осознал критического положения природы из-за антропогенного воздействия на нее. Экономический и политический эгоизм стран «золотого миллиарда» продолжает нещадную эксплуатацию природных ресурсов, экосистем, человеческих ресурсов слаборазвитых стран мира.

2. **Нравственный императив** как шкала новых нравственных ценностей, которые соответствовали бы задачам согласованного развития природы, человека и общества, то есть коэволюции.

В отечественной науке продолжается разрыв между естественно-научными, инженерными и гуманитарными знаниями, недостаточно исследуются сам человек, его внутренний мир с учетом меняющегося внешнего мира. Отсюда политики теряют человеческий фактор и смысл в экономике при одновременном усиленном на них давлении гешефтного интереса олигархов и криминализованной бюрократии.

Одновременно мировому сообществу, то есть большинству, навязываются интересы сексуальных меньшинств, что грозит в конечном счете дальнейшему существованию института семьи, то есть эволюционному воспроизводству человечества. И здесь опять просматривается интерес узкого круга сильных мира сего, готовящих свою жизнь в будущем в роботизированной действительности с небольшим числом обслуживающего персонала.

3. **Система «Учитель»** – составная и важная методологическая часть концепции универсального эволюционизма для понимания генезиса человеческого интеллекта (коллективного разума), благодаря которой прачеловек стал человеком, а настоящее и будущее его зависят от прошлого.

«Когда я... произношу слово “УЧИТЕЛЬ”, – подчеркивал Н. Н. Моисеев, – и пишу его большими буквами, то имею в виду не только педагогов, работающих в средней и высшей школе, а саму систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям и всех людей, которые создают эту систему и которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за их будущность и будущность своего народа, а в нынешних условиях и будущность планетарной цивилизации» [цит. по: Петров 2011: 111].

Принятые в образовательных системах стран мира компетентностный подход, система формализованных индексов и оценок знаний и научных результатов для понимания человека как неотъемлемой части природы, законами развития которой должен руководствоваться человек, не дают глубокого понимания проблемы устойчивого развития как глобального политического, экономического, энвайронментального и ресурсосберегающего проекта для благополучия нынешнего и будущих поколений людей.

Наблюдается неверное толкование понятия «устойчивое развитие». Политики и руководители бизнеса воспринимают устойчивое развитие как непрерывный экономический рост и поэтому игнорируют его концепцию как нереальную.

Значительная часть педагогического сообщества за рубежом и в нашей стране воспринимает концепцию устойчивого развития как новую идеологию культуры мира, толерантности, гендерного, конфессионального и этнического равенства. Но при этом забывается или недооценивается экосистемная и природно-ресурсная основа концепции, которая предполагает сохранить энвайронментальные и ресурсные условия жизни для будущих поколений людей.

Отсюда система «Учитель» Н. Н. Моисеева предусматривает экологизацию всего образования, его гуманизацию, что требует глубокого, сущностного реформирования всей системы образования.

Есть еще вопрос, требующий прояснения в связи с моисеевским термином «универсальный эволюционизм». Несмотря на то, что в энциклопедиях допуска-

ется толкование слова «глобальный» как «всемирный», «всесторонний», «полный», «всеобщий», «универсальный», термин «глобальный эволюционизм» [Ильин, Урсул 2016: 29–44] и моисеевский термин «универсальный эволюционизм» не одно и то же, они не тождественны. Моисеевский термин основан на синтезе естественно-научного и гуманитарного смысла генезиса и проблемы коэволюции человека, природы и общества. Это смыслообразующее понятие необходимо уяснить как аксиому, чтобы не было терминологической путаницы.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что проблема реализации концепции устойчивого развития (а Н. Н. Моисеев, не соглашаясь с этим термином, предлагал свой: *стратегия переходного периода*²) в условиях нынешних геополитических изменений объективно отодвинута и на повестке дня стоит проблема выживания человечества перед угрозой мировой войны. На наш взгляд, проблеме устойчивого развития следует рассматривать как философское осмысление не близкого будущего.

Через призму этого научного направления историко-философское осмысление развития человеческой цивилизации привело Моисеева к важному выводу: с развитием техносферы росли не только могущество цивилизации, но и зависимость человека от Природы [Моисеев 1998: 38]. В то же время человек, по точному выражению В. И. Вернадского, стал «основной геологообразующей силой планеты», и его «монополизм» с развитием науки и техники бесконечно усилился.

Это глобальное явление для человеческой цивилизации Н. Н. Моисеев объясняет тем, что технические возможности человека растут неизмеримо быстрее его миропредставления, то есть духовная составляющая его бытия (несмотря на вершины культурного развития и научного прогресса) эволюционизирует гораздо медленнее составляющей материальной. Вспомним в связи с этим гипотезу Моисеева об истории возникновения каменного топора на заре появления прачеловека, причинах гибели неандертальцев и выживании кроманьонцев, первыми усвоивших императив «Не убий».

Отсюда просматривается историческая параллель нынешних цивилизационных процессов в последние два века с древней историей гибели неандертальцев и выживанием кроманьонцев: сильные мира сего, размахивая дубиной мощи своих вооруженных сил, отбирают у слабых народов их труд, ресурсы, жизненное пространство, уничтожают неугодных правителей и стирают с лица земли целые государства. И этот процесс, завершившийся в XX в. справедливым международным трибуналом в Нюрнберге, не остановился, а, наоборот, набирает силу в XXI в. С позиций эколого-политологического анализа Н. Н. Моисеев подчеркивал, что «существующая дихотомия, разделение цивилизаций на традиционные и технотронные, сохраняет смысл и сегодня. Особенно это касается земледельческих цивилизаций, где сохранение образа жизни почитается за высшую ценность. Классический пример тому – цивилизация Ближнего Востока. Ни завоевания Александра Македонского, ни ураган Тимура, ни прочие нашествия не изменили существенно духовный настрой этих народов. Потому они с такой легкостью

² В одной из последних статей (1999 г.) «Думая о будущем, или напоминание моим ученикам о необходимости единства действий, чтобы выжить» Н. Н. Моисеев писал: «Я полагаю необходимым четко заявить, что никакого “устойчивого развития” (sustainable development) в том примитивном смысле, в каком этот термин вошел в официальные документы (в том числе и в решения конференции в Рио-де-Жанейро), в нынешних условиях быть не может. Термин “устойчивое развитие” можно использовать, но следует трактовать по-иному, как обозначение Стратегии переходного периода, в результате которого может возникнуть режим коэволюции человека и Природы» [Моисеев 2003: 305].

приняли ислам с его шариатом и отвергли иудаизм и христианство!» [Моисеев 1997б: 23].

Исходя из моисеевской методологии миропонимания, представленной в его универсальном эволюционизме, картина развития человеческой цивилизации и входящих в нее цивилизаций представляется нам именно такой.

Известные зарубежные исследователи цивилизационных проблем А. Тойнби и С. Хантингтон настаивали на преимущественно религиозной сущности цивилизаций с выделением западного, конфуцианского, японского, исламского, индуистского, православно-славянского и африканского типов цивилизаций [Тойнби 2003; Хантингтон 1994]. Академик Н. Н. Моисеев же считал, что «наоборот – цивилизация выбирает религии. Не мог же Ближний Восток принять христианство с его свободой совести и ответственностью человека за его дела. Даже заповедь “не убий!” не была для христиан абсолютом... Я думаю, что именно шариат с его четкой регламентацией жизни и деятельности правоверных наиболее полно отвечал потребности Ближнего Востока. Не столько само учение Магомета, сколько шариат» [Моисеев 1994: 20].

Политологическое определение цивилизационных конфликтов как «характерный эффект... противостояний цивилизаций» не отражает внутренних коренных цивилизационных изменений. Поэтому определение Моисеева «цивилизационные разломы» как внутрицивилизационные явления полнее отражает происходящие обостряющиеся «процессы идентификации людей и народов, их цивилизационной принадлежности», которые «тесно переплетаются с процессами модернизации и выбором путей» в глобализирующемся мире [Там же: 24].

Н. Н. Моисеев указывал на логику взаимодействия цивилизаций, основанную не на их стандартизации, а на учете их различий: «...это очередная страница логики истории. И она отвечает логике Природы. Но это не означает, что цивилизационных разломов по Хантингтону больше не будет. Более того, наиболее естественный сценарий развития планетарной ситуации как раз и есть сценарий по Хантингтону с его разломами, приводящими к противостояниям. Они чреваты конфликтами, которые при нынешнем уровне средств уничтожения грозят самому факту существования человечества. Планетарное гражданское общество, которому еще предстоит сформироваться, ожидает немалый труд – перевести цивилизационные разломы из “состояния по Хантингтону” в “состояние по Моисееву!”» [Его же 1998: 24].

Исторический (ретроспективный) взгляд на появление каменного топора как орудия прогресса много тысячелетий тому назад и появление первого табу «Не убий» как нравственного императива для сохранения нарождающейся человеческой цивилизации показывают, что если нынешняя человеческая цивилизация с мощным научно-техническим и технологическим потенциалом, развитой системой орудий массового уничтожения человека человеком не освоит новую шкалу моральных ценностей типа «Не убий», человечество обречено на самоуничтожение. То же произойдет, если человечество не перестроит взаимоотношения с Природой, не освоит экологический и нравственный императивы в отношении биосферы и не научится рационально использовать природные ресурсы, цивилизованно перерабатывать отходы производства и потребления, обеспечивать свои нужды не в ущерб будущим поколениям людей.

На наш взгляд, нравственный подход к истории способен объединить народы разных цивилизационных ценностей, разных представлений о добре и зле и стать

источником духовного обновления и предотвращения межцивилизационных конфликтов и цивилизационных разломов.

Современные геополитические изменения в мире показывают, что на Россию обрушилась вся мощь западной идеологической пропаганды: открытая дезинформационная война, политика фальсификации недавней истории совместной борьбы против гитлеровской Германии и применение двойных стандартов в международных и экономических аспектах.

Ярким примером последнего стало недавнее признание Международным трибуналом по бывшей Югославии (Гаага, март 2016 г.) президента Югославии С. Милошевича невиновным в предъявленных ему обвинениях в военных преступлениях в ходе трагических событий гражданской войны на территории бывшей Югославии в начале 90-х гг. прошлого века [Джульетто Кьеза].

Это событие не произвело эффекта разорвавшейся бомбы в западном мире из-за информационной блокады и дезинформационной войны прозападных СМИ против стран, не идущих в политическом фарватере США. Как подчеркивал академик Моисеев, в развитых странах принято иметь два разных стандарта оценки происходящего – для собственного употребления и «на экспорт» [Моисеев 2001: 6].

Важно утверждение Н. Н. Моисеева: «Я вижу неизбежное столкновение цивилизаций, не столько народов, сколько именно цивилизаций, несущих разное мировоззрение, разное понимание места человека в обществе и общества в природе, весьма неодинаковую ранжировку человеческих ценностей, неспособность включить в число своих неукоснительных ценностей те универсалии, о которых я уже говорил. И, наконец, неспособность примирить разные религиозные мифы» [Его же 2003: 178].

Особый анализ требуется для понимания сути происходящих изменений в русском мире, представляющем собой отдельную цивилизацию. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. – реальное проявление цивилизационного разлома, но уже на постсоветском пространстве. В сложившейся геополитической обстановке усиление противостояния между Россией, США и объединенной Европой именно на территории Украины было исторически предопределено в силу ее географического расположения и исторической «связки» с Россией.

Для народов России и новых государств, образовавшихся на территориях республик бывшего СССР, очень актуален призыв Слободана Милошевича, провозглашенный им в стенах Гаагского суда в последнем интервью: «Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским – жителей Украины и Беларуси на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните – с вами сделают то же самое, когда вы разобчитесь и дадите слабину. Запад, эта бешеная собака, вцепится вам в горло... Братья, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же!» [Слободан Милошевич...].

В последние десятилетия США разработали и успешно апробировали технологии гибридной войны в смене негодных им режимов, особенно ярко проявившиеся в государственном перевороте на Украине в феврале 2014 г. И Соединенные Штаты в краткосрочной перспективе достигли своей цели по разобщению народов России и Украины, используя рецепт германского канцлера О. Бисмарка, который говорил, что для того, чтобы экономически ослабить Россию, надо «не только оторвать Украину от России, но стравить две части единого народа Украины и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить само-

сознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное – дело времени» [Бисмарк 1940: 25].

Трагедия русского мира не менее печальна, чем трагедия Югославии. За границами России остались миллионы русских, жизненные интересы которых (культурные традиции, родственные связи) ущемляются. На юго-востоке Украины идет жестокая гражданская война: число жертв среди мирного населения приближается, по некоторым данным, к десяти тысячам человек, сотни тысяч украинских граждан стали беженцами, в западных областях страны и Киеве преобладают националистические силы под лозунгами прославления бандеровских военных формирований, активно сотрудничавших с германскими оккупантами в годы Второй мировой войны по истреблению евреев, поляков, советской интеллигенции. На Украине началось преследование граждан на религиозной почве. Современная Украина изнасилована американской политикой «мягкой силы» и воинственной неонацистской бандеровщиной. И этому процессу не видно конца. Известное высказывание А. Солженицына еще в период его эмиграции: «С Украиной будет чрезвычайно больно... Надо вступаться за Россию, а то затравят нас вконец» – актуально сегодня для понимания происходящих событий на Украине. Сегодня значительная часть украинского населения не понимает, что именно так называемый «Майдан» и военный переворот в Киеве запустили и крымские события, и Одессу, и гражданскую войну в Донбассе, и угрозу распада Украины как целостного государства.

Антироссийской пропаганде о так называемой агрессивной политике нашей страны способствует отсутствие согласованного международного документа в связи с грузино-южноосетинским военным конфликтом в 2008 г. (Россия была вынуждена вмешаться и остановить грузинских политиков, развязавших войну против малочисленного этноса и российских миротворцев, разделявших Грузию и Южную Осетию), а также недостаточная активность российской дипломатии и информационной политики в раскрытии истинных причин и инициаторов военного переворота на Украине в феврале 2014 г. и последующих событий в Крыму, Одессе, а также начавшейся гражданской войны в этой стране. Это тем более актуально, так как с распадом СССР на территориях бывших республик Союза и социалистических стран в Европе усилились тенденции политических центробежных сил и антироссийских, националистических настроений. Одновременно США, Великобритания, Германия, Франция и др., имея разветвленные по всему миру структуры влияния (институциональные механизмы), накопления информации и вербовки интересных им научных, культурных, политических и экономических структур и лиц (USID, Salzburg Seminar, British Consol, DAAD и др.), усиливают свое политическое и идеологическое воздействие на население, прежде всего на молодежь. Скоординированные действия Запада по проникновению в политические, экономические, национальные и молодежные среды стран, территориально окружающих Российскую Федерацию, приводят к снижению престижа России, подпитывают внутреннюю оппозицию, раскалывают общественное мнение в нашей стране относительно событий на Украине, вселяют в умы студенческой молодежи недоверие к политике российского государства относительно Украины и независимой позиции России в мире.

В связи с этим важно отметить, что последние события на Украине стали реальным проявлением цивилизационного разлома на постсоветском пространстве

и в русском мире. Еще в 2009 г. французский аналитик А. Латса подчеркивал: «Нас могут отрезать от России в цивилизационном, геополитическом, политическом и энергетическом плане. Причем новая стена в Европе пройдет не через Берлин, а через Украину, разделив ее на пророссийский Восток и проамериканский Запад. Эта линия разломов приблизительно поделит континент на католическую и православную Европы соответственно теории разделенных цивилизаций, представленной С. Хантингтоном и Н. Моисеевым» [Латса].

Уроки трагедии славянских государств конца прошлого и начала этого века должны быть учтены при осуществлении перестройки Организации Объединенных Наций, превращении ее в истинного регулятора мировых процессов для замены военных инструментов разрешения конфликтов дипломатическими и мирными переговорами. Эти уроки должны стать основой предъявления цивилизованного, юридически и экономически выверенного счета политикам и странам за экономические, экологические и гуманитарные потери в результате агрессивных действий США и Западной Европы в Югославии, на Ближнем Востоке, на Украине. С усилением информационной войны и антироссийской пропаганды в современной геополитической обстановке важно разъяснять молодежи историческую роль народов России, Украины и Белоруссии в осуществлении цивилизационного моста между Востоком и Западом, о котором академик Н. Н. Моисеев писал задолго до украинских событий: «Наши народы объединяет не только религия, общность цивилизации, единство миропонимания, которые служат основой формирующейся евразийской цивилизации, в основе которой – общность трех славянских народов: белорусов, русских и украинцев... Мы единый суперэтнос. Это приговор Истории. И чем быстрее мы это поймем, тем легче нам всем будет справиться с тем множеством бед, которые выпали на нашу долю!» [Моисеев 1997а: 40].

России и странам, образовавшимся на постсоветском пространстве, не выдержать цивилизационного противостояния в глобальном мире, если в этих странах не будут осуществлены кардинальные меры по созданию условий достойной жизни и свободного развития человека. В кризисной социально-экономической ситуации население этих стран, особенно молодежь, может оказаться перед трудным выбором, как украинская молодежь была поставлена перед выбором во время известных событий 2013–2014 гг. Только грамотная социально-экономическая политика, реальный экономический рост, повышение благосостояния людей, развитие культуры и отечественного образования, развитие всех институтов гражданского общества помогут гражданам России и дружественных ей стран сориентироваться в геополитических изменениях нынешнего времени и сделать правильный цивилизационный выбор.

Отсюда через призму повседневной жизни в своем городе, селе, в своей стране человек смотрит на мир, делает сравнения, и у него складывается свое миропредставление (по Н. Н. Моисееву), или современная картина мира. Уровень ее научности зависит от образованности и субъективных представлений о добре и зле, степени причастности человека к жизни окружающих его людей, социума, общества в целом. Именно сложение всех этих факторов делает человека как субъекта свободным и независимым от воздействия СМИ, Интернета, социальных сетей, или, наоборот, последние делают человека объектом манипуляций и зомбирования в интересах определенных политических сил и экономической политики. Большое внимание Никита Николаевич уделил анализу роли сильной

России в реализации концепции устойчивого развития в мире. «Я не настолько ценю мудрость соседних цивилизаций, – подчеркивал Н. Н. Моисеев, – чтобы поверить в то, что они способны понять, сколь важно для всей планеты иметь сильную Россию, интеллект и ресурсы которой могут сыграть выдающуюся роль в утверждении нового равновесия человечества и природы... России, – считал академик, – принадлежит в XXI веке великая роль “учредителей компромиссов”» [Моисеев 2003: 44].

Понимание экономической ситуации и политики в своей стране является важным условием формирования научной картины мира. В последнем в своей жизни публичном докладе в октябре 1999 г. Моисеев сформулировал две аксиомы, которые должны лежать в основе развития нашей страны и понимания закономерностей этого развития.

Первая. В нынешнее время никакая страна самостоятельно, вне мировой системы, жить не может: любой «железный занавес» для нее смертелен. Значит, мы должны вписаться в систему корпораций, причем так, чтобы она была не только нам нужна, но и чтобы наша страна и наши корпорации были необходимы системе.

Вторая. Любому народу для своего развития необходима некоторая национальная идея. Наша современная идея (цель. – *Авт.*) не должна быть похожа на рассуждения отца Филофея, говорившего о Третьем Риме. И тем более не должна напоминать об идеях мировой революции во имя торжества коммунизма. Природой и судьбой нашему народу дана Земля, занимающая Север Евразии. Другой Земли у нас нет и не будет. И нет у нас другой задачи, как обустроить эту Землю, дать народу возможность сносного существования, следуя своим извечным традициям [Его же 2001: 6].

Последнее обстоятельство требует особого рассмотрения с позиций конкурентоспособности нашей страны в современной цивилизации и для формирования современной научной картины мира.

Научный анализ десятка стратегий, федеральных целевых программ, концепций и приоритетных планов, разработанных за последние полтора десятка лет в нашей стране, показывает, что они не ориентированы на человека, на обеспечение конституционной нормы «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий достойной жизни и свободное развитие человека» (ст. 7 Основного Закона). По композитному индексу государственной заботы о гражданах стран, разработанному на основе международных индексов (2013 г.), Россия занимает 144-е место, уступая в том числе странам Балтии, Украине, Беларуси [Степанов, Тарко 2015: 42]³.

Н. Н. Моисеев в своем последнем интервью, опубликованном уже после его смерти, заявил: «Я низко кланяюсь долготерпению народа, к которому принадлежу, его любви к родной и неласковой земле, нашей современной жизни с ее нищетой и бесперспективностью» [Смирнов 2000].

В настоящее время остается актуальным предупреждение отечественных ученых, высказанное еще в начале нулевых годов, что «отсутствие структурной экономической политики, в частности, методов оценки стратегических рисков, выделения “локомотивных отраслей”, которые будут обеспечивать развитие, а не деградацию техносферы страны в условиях глобализации, создает принципиальные

³ Коллектив ученых научной школы Н. Н. Моисеева – Института экополитологии и устойчивого развития Академии МНЭПУ – провел эту работу в 2013–2015 гг.

трудности в формировании технологической и инновационной политики» [Залиханов 2003: 83].

Вот основные аргументы такой оценки экономики нынешней России.

Растущий разрыв между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения (коэффициент Джини) указывает на неэффективность экономической политики, не обеспечивающей к тому же обустройство обширной территории страны дорогами, социальной инфраструктурой и рабочими местами.

Лесные богатства хранятся небрежно – ежегодно уничтожаются массивными пожарами, разворовываются черными лесорубами, а производимый кругляк идет за бесценок за границу, возвращаясь в Россию дорогостоящей продукцией.

Уникальные природно-климатические – на протяжении 11 часовых поясов – условия не используются в должной мере для развития санаторно-курортного и туристического обслуживания населения и иностранных гостей, то есть не развивается пространственная экономика – конкурентное преимущество нашей страны.

При нынешних темпах экономики решение жилищной проблемы большинства граждан, особенно проживающих в неблагоустроенных, аварийных домах на селе и в малых городах и часто без дорог с твердым покрытием, перекладывается, таким образом, нынешним поколением руководителей страны на плечи будущих поколений. Это реальное проявление несостоятельности концепции устойчивого развития в нынешних социально-экономических и негативных условиях России, в которых формируется сознание молодежи и ее видение картины мира.

Намечая подходы к определению национальных целей, Н. Н. Моисеев констатировал, что «либерализм, социальная ориентация экономики, воспроизводство квалификации и культуры при направляющей роли государства, действующего под контролем гражданского общества, – таковы требования современного этапа. Это еще не цель, но необходимая предпосылка той общей цели...» [Моисеев 1997а: 44–45].

Главная национальная цель сегодня в России есть, она сформулирована в Конституции Российской Федерации: «создание условий достойной жизни и свободное развитие человека». Без осуществления этой цели Россия обречена на задержки современной цивилизации, а молодежь и будущие поколения российских граждан будут стоять перед трудным цивилизационным выбором.

* * *

Анализ современных геополитических изменений в мире на основе научного наследия академика Н. Н. Моисеева указывает на усиление борьбы за природные ресурсы на региональном и международном уровнях, что затрудняет реализацию концепции устойчивого развития и международных договоров и соглашений в области сохранения природных (энвайронментальных) и ресурсных условий для жизни будущих поколений.

Наличие больших запасов природных ресурсов не означает благополучия граждан стран, обладающих этими запасами. Все зависит от социальной ориентации национальных экономик и политических элит стран, степени осознания национальных целей, средств их достижения, а также включенности в мировую экономическую систему.

Главным условием формирования научной картины мира становится степень экологизации образования на всех ступенях национальных образовательных систем, усвоение экологического и нравственного императивов.

Концепция Универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева сегодня как никогда актуальна и полезна молодежи и новым поколениям исследователей проблем человека, его взаимоотношения с природой и ценна для формирования современной научной картины мира или миропредставления по Н. Моисееву.

Литература

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М. : ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1940.

Джульетто Кьеза: Милошевич оправдан, а заказчики трибунала над ним должны сесть на скамью подсудимых [Электронный ресурс]. URL: <http://kvedomosti.com/525746-ssha-nato-i-es-v-shoke-slobodan-miloshevich-opravadan-v-gaage.html/> (дата обращения: 18.10.2016).

Залиханов М. Ч. Моя Россия. М. : ИД «НП», 2003.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы. М. : Изд-во Московского ун-та, 2016.

Латса А. Будущее Европы – это Россия! («Geostrategie.com», Франция) [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/text/translation/253324.html> (дата обращения: 15.03.2009).

Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М. : ИздаТ, 1993.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. М. : МНЭПУ, 1994.

Моисеев Н. Н. Современный рационализм. Б. м. : МГВИ КОКС, 1995.

Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997а.

Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997б.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998.

Моисеев Н. Н. Россия в системе государств XXI века: Материалы совм. заседания учен. советов Московского энергетического института (Техн. ун-та) и Международного независимого эколого-политологического университета 27 октября 1999 г. М. : Изд-во МНЭПУ, 2001.

Моисеев Н. Н. Заслон средневековью: сб. М. : Тайкс Ко, 2003.

Петров А. А. Никита Николаевич Моисеев – судьба страны в судьбе ученого. М. : АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2011.

Слободан Милошевич оправдан в Гааге! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4955658/post396262983/> (дата обращения: 11.10.2016).

Смирнов К. Низко кланяюсь долготерпению народа, к которому принадлежу. Интервью Н. Н. Моисеева // Новая газета. 2000. № 9. 6–12 марта.

Степанов С. А., Тарко А. М. Россия в XXI веке: проблемы идентификации и национальных целей: монография. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2015.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. 2-е изд. М. : Айрис-пресс, 2003.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander N. Chumakov, Maxim S. Stychinsky. The Cultural-Civilizational Dialogue and the Opportunities it Provides in the Global World (pp. 3–14).

Olga G. Leonova. Conceptualization of the Notion “Globalization” in Modern Studies (pp. 15–23).

Igor N. Shapkin. Corporatism or Pluralism? Institutional Models of Interaction between the Modern State and Society (pp. 24–39).

Processes of Globalization

Julia V. Zinkina, Sergey G. Shulghin, Alexey I. Andreev and Ivan A. Aleshkovsky. Demographic Forecasts and Global Integration in the Short and Long-run Perspectives (pp. 40–48).

Dmitry E. Muza. Post-orthogonal Vector of Global Development: to the Logic of Non-linear Processuality (pp. 49–59).

Timur T. Makhmatov. The West and the East: the Genetics of Spiritual Path (pp. 60–67).

Global Issues

Alexander M. Tarko. Twenty-six Years of Development: What have the Countries of the Former USSR and the Warsaw Treaty Achieved (pp. 68–82).

Galina A. Drobot. USA as the World leader: Realities, Theories, and Prospects (pp. 83–94).

Nature, Society, and Humans

Viktor V. Glebov, Magomed A. Oziev. Environmental Image of the World in the Minds of Students (pp. 95–99).

Nikolay M. Rakityansky. Great Britain as a Super-subject of the Global Policy in the Space of Mental Studies (pp. 100–111).

Natalia V. Popkova. Place of Technologies in the Evolutionary Picture of the World: Philosophical Concepts and Practical Conclusions (pp. 112–123).

Vyacheslav I. Pleschenko. Social and Economic Phenomena of the Past in the Situation of a Transition to Knowledge Economy (pp. 124–130).

A Global Personality

Mikhail Ch. Zalikhanov, Stanislav A. Stepanov. The Academician N. N. Moiseev and Some of His Methodological Approaches to the Understanding of the Contemporary Scientific Worldview (pp. 131–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aVek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1(25), 2018. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Ташиланова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

Е-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.01.2018. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10